

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**Институт научной информации по
общественным наукам**

ЛУИС ВИРТ

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО СОЦИОЛОГИИ

Сборник переводов

**Москва
2005**

ББК 60.5
Л 82

Серия
«Теория и история социологии»

*Центр социальных научно-информационных
исследований*

Отдел социологии и социальной психологии

Ответственный редактор *Л.В.Гирко*, составитель
и переводчик *В.Г.Николаев*

Л 82 Вирт Луис. Избранные работы по социологии. Сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Пер. с англ. – Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В. – М.: ИНИОН, 2005 – 244 с. – (Сер.: «Теория и история социологии»).

ISBN 5-248-0024-7

Сборник знакомит с научным наследием американского социолога Луиса Вирта (1897–1952), видного представителя Чикагской школы социологии. В сборник включены статьи разных лет, освещающие такие темы, как урбанизм, модернизация, природа социального взаимодействия, экология городских сообществ, положение меньшинств, роль идеологии и массовой коммуникации в современном мире. На русский язык эти работы ранее не переводились.

Сборник предназначен для социологов, политологов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся социологической теорией и историей социальной мысли.

ISBN 5-248-0024-7
2005

ББК 60.5
ИНИОН РАН,

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Г.Николаев.</i> Луис Вирт и его вклад в социологию.....	4
Социальное взаимодействие: проблема индивида и группы	24
Человеческая экология	39
Пределы и проблемы сообщества	51
Социология и локальная история	65
Мировое сообщество, мировое общество и мировое правитель- ство: попытка прояснения терминов	79
Урбанизм как образ жизни	93
Жизнь в городе	119
Различия между «сельским» и «городским».....	132
Ограниченность регионализма.....	138
Проблема меньшинств	152
Гетто (журнальная версия).....	178
Идеологические аспекты социальной дезорганизации	192
Консенсус и массовая коммуникация.....	209
Библиография работ Луиса Вирта	236

В.Г. Николаев

ЛУИС ВИРТ И ЕГО ВКЛАД В СОЦИОЛОГИЮ

12 мая 1952 г. в журнале «Тайм» был помещен небольшой некролог: «В Буффало в возрасте 54 лет скончался от сердечного приступа доктор Луис Вирт, социолог из Чикагского университета, считавший современный большой город одним из печальнейших порождений цивилизации и однажды сказавший: “Или мы подчиним этот угрожающе сложный организм, или он нас раздавит”»¹. Так, в качестве теоретика и критика урбанизма, Вирт по большей части и вошел в каноническую, стандартизированную память сегодняшней социологии. Сегодня любой претендующий на уважение социологический словарь помещает статью о Вирте, как правило небольшую, в которой неизменно фиксируется его вклад в развитие социологии города, упоминается его классическая работа «Урбанизм как образ жизни», часто называется его ранняя (тоже классическая) монография «Гетто», иногда коротко перечисляются другие темы, которые затрагивались в его работах, и совсем уж редко приводятся названия еще одной-двух его работ. Аналогичным образом в учебниках в разделе «Социология города» отводится абзац или параграф его теории урбанизма; в других контекстах имя Вирта, как правило, не появляется. Таким образом, Вирт занял в каталоге социологических достижений весьма прочное, но скромное место, которое вряд ли когда-то уже изменится — разве что в сторону нарастающего забвения.

Между тем полвека назад, на момент своей неожиданной кончины, Вирт был одним из наиболее видных и уважаемых американских социологов, мэтром, к которому внимательно прислушивались и обраща-

¹ Time. — Vol. 59. — May 12, 1952. — P. 47.

лись за советом и помощью по самым разным поводам, признанным лидером Чикагской школы после ухода Р.Э.Парка из Чикагского университета, наставником целой когорты ученых и исследователей, игравших далеко не последние роли в американской и мировой социологии после Второй мировой войны (среди них Р.Бендикс, Э.Гоффман и др.). И, что еще более важно, его вклад в развитие социологической науки оценивался в то время не столь однозначно и узко, как теперь. Современники признавали важный вклад Вирта не только в теорию урбанизма, но и в изучение и осмысление таких комплексов проблем, как сообщества в современном мире, экология человека, социальная организация, социальное планирование, расовые отношения, национализм, проблема меньшинств, международные отношения, социология преступности, социология знания, роль массовых коммуникаций и идеологий и условия консенсуса в современном обществе. Хотя Вирт не создал эксплицитной и систематической социологической теории, важность его вклада в развитие социальной теории не подвергалась сомнению¹.

Наука в своем историческом развитии неизбежно сортирует свою работу: что-то берет в будущее, а что-то отправляет в архив. Чтение Вирта наводит на мысль, что социология несколько поспешила отправить в архив многое из того, что он сделал. Его работы по сей день выглядят достаточно свежо, стимулируют мышление и нередко помогают в прояснении важных вопросов, вокруг которых сегодняшние споры и дискуссии зачастую нагнетают плотный, непроницаемый туман. Высокие достоинства социологических текстов Вирта определяются не только содержательной глубиной, емкостью и многоплановостью, но и особым стилем, который их отличает, — стилем, для которого характерна кристальная прозрачность и ясность. Стоит отметить, что социологи нередко пренебрегают старыми текстами, исходя из того, что в них описывается и объясняется старый социальный мир, которого уже нет, в то время как от социологов по роду их деятельности требуется оперативно реагировать на мир сегодняшний, который на глазах меняется и уже совсем

¹ См.: Blumer H. Louis Wirth: In memoriam // Amer. j. of sociology. — 1952. — Vol. 58, N 1. — P. 69; Burgess E. W. Louis Wirth, 1897–1952 // Amer. sociol. rev. — 1952. — Vol. 17, N 4. — P. 499; Frazier E. F. Louis Wirth: An appreciation // Phylon. — 1952. — Vol. 13, N 2. — P. 167; Bendix R. Social theory and social action in the sociology of Louis Wirth // Amer. j. of sociology. — 1954. — Vol. 59, N 6. — P. 523–529; Bernert E. S. Louis Wirth // International encyclopedia of the social sciences. — The Macmillan Company & The Free Press, 1968. — Vol. 16. — P. 558–559.

не такой, каким был раньше. «Злоба дня» легко делает нас интеллектуально близорукими и лишает чувствительности к целым пластам научных ресурсов, которые могли бы сегодня быть для нас полезными. Тексты Вирта содержат много таких ресурсов. Более того, они посвящены как раз тем проблемам, которые сегодня нас остро волнуют и для которых пока не найдено решений — ни теоретических, ни практических. Это утверждение вряд ли прозвучит убедительно для тех, кто измеряет эпохи небольшими отрезками времени и считает, что со второй половины XX в. мир ежегодно или даже еженедельно меняется столь радикально, что социально-научная литература более чем прошлогодней давности уже ничего не может нам дать. Но возможен и другой взгляд на социальные процессы, акцентирующий долговременные, вековые изменения, которые переживаются во всей их остроте сегодня, но которые начались давно и привлекали внимание выдающихся умов десять, двадцать, пятьдесят, сто, двести лет назад. В работах Вирта есть много проницательных наблюдений именно таких изменений, и эти наблюдения могут показаться сегодняшнему читателю интересными.

Так, вдумчивое чтение работ Вирта позволяет увидеть в них глубокий и многосторонний анализ социальных и социально-психологических аспектов глобализации (хотя слово «глобализация» в них, разумеется, не употребляется). Урбанизм как образ жизни может быть рассмотрен как образ жизни глобального общества, поскольку последнее — общество *par excellence* городское, даже если называть его фигурально «глобальной деревней». В статьях Вирта описывается, как глобализация радикально подрывает старые формы социальных связей без образования столь же прочных новых, как общество становится «массовым» и нуждается в новых формах и методах создания/воспроизводства консенсуса, как новые условия глобального существования создают новые угрозы и опасности, делая существование человека рискованным и ненадежным. У Вирта можно много прочесть о тех последствиях, которые несет глобализация человеческой личности. Городской тип личности, который он описывает, — это тип личности, который характерен для глобального общества. В исследовании гетто Вирт ярко показывает, как процесс глобализации, с одной стороны, упрямо уничтожает старые формы локальной общинной жизни, а с другой — активно способствует реанимации общинных, националистических и традиционалистских реакций в группах, утрачивающих в глобальном обществе свою идентичность. Детально анализируются механизмы утра-

ты этой идентичности и связь высокой ценности этой идентичности с экономическим и политическим неравенством. Проблемы «меньшинств», проанализированные Виртом, — острейшие проблемы общества на нынешнем этапе глобализации. Сложность взаимосвязей между локальными, региональными, национально-государственными и международными уровнями социальной жизни, связанные с этим конфликты и проблемы — все это имеет прямое отношение к тем трудностям, с которыми мы сегодня никак не можем справиться и которые до конца не понимаем. Вирт пытается их понять, хотя и не дает никаких готовых рецептов, которыми можно было бы воспользоваться. Если взглянуть на идеи Вирта под предложенным углом зрения, то становится видно, что «глобализация» — лишь один из аспектов того процесса, который связан с переходом от узкопартикулярных ко все более универсальным формам социального существования, своего рода предел этого процесса. Но собственно этот процесс и является для Вирта главной темой его исследований. О чем бы конкретно Вирт ни писал, в его работах неизменно затрагивается эта тема.

Такова, в общих чертах, концепция настоящего сборника. Статьи Вирта предлагаются здесь как свежие, ясные, прозрачные по смыслу, содержательно глубокие и многослойные тексты, которые могут способствовать пониманию сегодняшних социальных процессов и проблем не меньше, чем многие более поздние и даже новейшие тексты, аналогичные по тематике. Социальный мир, в котором мы живем сегодня, имеет существенные сходства с социальным миром, который описывал и анализировал Вирт. Поскольку Вирта интересовали общие формы, процессы и тенденции социальной жизни, его произведения в какой-то мере могут читаться как тексты о современном нам обществе.

С целью дать более широкий контекст для интерпретации публикуемых работ мы предлагаем краткий очерк жизненного пути Вирта и синоптический обзор его научного наследия¹.

Краткий биографический очерк

¹ Наиболее полная биография ученого, а также библиография и общий обзор его работ представлены в книге: Salerno R.A. Louis Wirth; a bio-bibliography. — Greenwood Press, 1987. — 143 p.

Луису Вирту выпала недолгая, но предельно насыщенная жизнь. Родился он 28 августа 1897 г. в небольшом сельском местечке Гемюнден в Германии в сравнительно зажиточной еврейской семье. В 1911 г., когда Луису было 14 лет, родители по настоятельному совету его дяди по материнской линии, несколько лет назад уехавшего в Америку и к тому времени неплохо там обосновавшегося, решили, что в США юношу ждут более широкие перспективы, чем на родине. Переехав в Америку, Вирт первое время жил в Омахе (шт. Небраска), там же закончил школу. В 1916 г. он перебрался в Чикаго, дабы учиться в тамошнем университете, имевшем репутацию одного из лучших университетов страны. Первым профессиональным выбором Вирта стала медицина, однако в скором времени он передумал, перевелся на факультет социологии и закончил его в 1919 г. со степенью бакалавра. Три года после этого он занимался практической социальной работой, возглавляя отдел по работе с несовершеннолетними правонарушителями в чикагском Бюро личных услуг. Затем он вернулся для продолжения учебы в Чикагский университет, с которым отныне была связана вся его профессиональная карьера, за исключением трехлетнего периода, когда он работал в Университете Тьюлейна в Новом Орлеане (1928–1930) и выезжал по исследовательскому гранту в Европу (1930–1931).

В 1925 г. Вирт получил в Чикагском университете степень магистра, а в 1926 г. защитил докторскую диссертацию. Книга «Гетто», написанная на основе диссертации и изданная в 1928 г., стала классической. С 1926 г. Вирт работал штатным преподавателем на факультете социологии. В 1928 г. он его временно покинул, но спустя три года вернулся. С 1931 г. он доцент, с 1932 г. — адъюнкт-профессор, с 1940 г. — профессор. Помимо преподавания работа на факультете была связана для Вирта с различного рода административными обязанностями. К ним он относился очень трепетно, отдавая им много сил и времени. При университете функционировал Совет по социально-научным исследованиям, игравший важную роль в организации и координации исследований чикагских социальных ученых. С 1930 г. и вплоть до кончины Вирт был его членом, а в 1935–1947 гг. — секретарем. В разные годы Вирт участвовал в работе таких его комиссий, как «Личность и культура», «Исследования жилищной застройки», «Культурные гибриды», «Присуждение стипендий». На момент кончины он был председателем комиссии «Организация исследований в социальных науках». В 1936 г. Вирт подготовил официальный

доклад об исследовательской политике этого органа. В 1940–1948 гг. Вирт занимал пост заместителя декана отделения социальных наук. С 1949 г. он был председателем работавшей при университете Комиссии по исследованиям, подготовке и обучению в области расовых отношений. Кроме того, в разные годы он был членом межфакультетских комиссий по коммуникациям, промышленным отношениям и планированию.

В 30-е годы Вирт участвовал в реализации программы документирования чикагских локальных сообществ, разработанной в 20-е годы Комиссией по исследованию локального сообщества (LCRC). В 1938 г. была опубликована подготовленная им совместно с М. Фурес первая «Книга фактов локального сообщества», подробно описывавшая все районы Чикаго, с приложением карт, исторических справок и статистических данных. Эта книга стала образцом для последующих аналогичных справочников, издававшихся в Чикаго раз в десять лет. В 1946–1947 гг. Вирт исполнял обязанности директора в организации *Chicago Community Inventory*, занимавшейся сбором данных для этих справочников.

Работа в Чикагском университете, бывшем до середины XX в. центром американской социологической науки, была сопряжена для Вирта с активной работой в Американском социологическом обществе (позже – ассоциации). В 1931–1932 гг. он выполнял функции секретаря и казначея АСО, а в 1947 г. был избран его президентом. В течение многих лет он был заместителем главного редактора «Американского социологического журнала», официального органа АСО, а также редактором многих книг, издававшихся под эгидой Общества. Кроме того, он был редактором серии «Социология» издательства Macmillan.

Участие Вирта в делах профессионального сообщества далеко не ограничивалось работой в АСО. В 1937 г. он был президентом Ассоциации социологических исследований, в 1951 г. участвовал в учреждении Общества изучения социальных проблем. В ноябре 1947 г. под его руководством в Чикаго была проведена 1-я Национальная конференция по межгрупповым отношениям, из которой выросла Национальная ассоциация специалистов по межгрупповым отношениям. Также он был членом Американского общества специалистов по планированию и Американской ассоциации университетских профессоров. Он был одним из основателей Международной социологической ассоциации и в 1949 г. стал ее первым президентом.

Социология, в представлении Вирта, не должна была быть кабинетным занятием. Считая, что социолог по роду своей профессии обязан находиться в гуще социальной жизни и деятельно участвовать в ее реконструкции на основе научных принципов, Вирт был плотно включен в общественную деятельность на локальном, региональном и национальном уровне. К нему часто обращались за консультациями муниципальные власти, власти штата Иллинойс, различные гражданские организации. Круг вопросов, по которым Вирт их консультировал, был весьма широк. Это проблемы городского планирования, преступности, межрасовой напряженности, миграций, реконструкции трущоб и размещения школ. На протяжении всего времени работы в Чикагском университете Вирт поддерживал постоянный контакт с местными социальными работниками и сам по сути был профессиональным социальным работником¹. В разные годы он активно работал в официальных национальных организациях и органах штата Иллинойс, участвовавших в выработке социальной политики. В 1935–1943 гг. он был консультантом и региональным председателем Национальной комиссии по ресурсам. Наиболее важным итогом этой работы стала книга «Наши города: Их роль в национальной экономике» (1937), основным автором которой был Вирт; эта книга была одним из первых официальных исследований урбанизма в США. В 1944 г. Вирт был директором по планированию в Комиссии по послевоенному планированию штата Иллинойс. В 1948–1951 гг. он занимал пост президента в Американском совете по расовым отношениям.

Как человек публичный Вирт неоднократно выступал в СМИ, затрагивая в выступлениях и интервью злободневные темы, волновавшие американскую общественность². В качестве приглашенного профессора он читал лекции в Стэнфордском, Мичиганском, Миннесотском и Айовском университетах.

Кочина Вирта стала для тех, кто его знал, полной неожиданностью. 3 мая 1952 г. он выступал на конференции по отношениям в сообществе в университете Буффало. После выступления случился сердечный приступ.

Этот сухой перечень биографических фактов позволяет многое понять в личности Вирта, в его социологическом кредо и в особенностях

¹ In memoriam: Louis Wirth // Social service review. — 1952. — Vol. 26, N. 3. — P. 357.

² Распечатки 65 радиовыступлений Вирта на «Круглом столе Чикагского университета» (1938–1952) хранятся в библиотеке Чикагского университета.

его научного наследия. Вирт считал, что социология как наука может развиваться только в тесном соприкосновении с социальной практикой и должна принимать активное участие в формировании социальной политики. Личность Вирта как социолога неотделима от этого кредо. Острое теоретическое зрение сочеталось у него с постоянным погружением в эмпирическую фактуру и активной гражданской позицией. Он чувствовал себя одинаково непринужденно и в теоретизировании, и в эмпирическом наблюдении, и в социально-политических рекомендациях. Все эти три элемента, как правило, сплавлены воедино в его социологических работах и трудно сепарируются друг от друга. В итоге, у Вирта нет практически ни одного строго эмпирического исследования, ни одной строго теоретической работы и ни одной чисто политической публикации, которая не имела бы под собой серьезную теоретическую и эмпирическую подоплеку. Более того, если не брать докторскую диссертацию «Гетто» и упомянутые выше «Книги фактов» и «Наши города», у него не было больших монографий. Понять причины этого нетрудно, учитывая огромную занятость ученого. Вместе с тем наследие Вирта велико. Кроме названных книг оно включает около сотни статей. Как правило, это очень многослойные и концентрированные статьи – своего рода «архивные файлы», объем которых при раскодировании намного возрастает. Несколько лучших предлагается вниманию читателей в этом сборнике¹.

Социологическое наследие Вирта: инвентаризация

Разложить наследие Вирта по рубрикам – задача нелегкая и во многом неблагодарная. Главная причина этого состоит в том, что публикации Вирта по большей части многослойны, и отнесение той или иной работы к одной рубрике не исключает ее одновременного отнесения к нескольким другим рубрикам. Например, его классический очерк «Урбанизм как образ жизни» можно законно рассматривать как работу по теоретической социологии, социологии урбанизма, методологии изучения города, социальной экологии, социологии модернизации, социологии личности. В силу этого тематическая каталогизация работ Вирта, пред-

¹ Также в русском переводе можно прочесть следующие работы Вирта: Локализм, регионализм и централизация // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 53–66; Введение в изучение преступности // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. V. Вып. 3–4 (17–18). – С. 197–203; Гетто (Избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки / РЖ. Сер. 11. Социология. – 2005. – № 1–2.

лагаемая ниже, должна рассматриваться скорее как рабочий справочник для предварительной ориентации в его наследии, чем как строгий путеводитель, указывающий, где что у Вирта можно найти.

Теория и история социологии. Вирт идентифицировал себя прежде всего с этой областью социологической работы. При этом историко-социологических и чисто теоретических публикаций у него немного. Отсутствие специальных теоретических трудов отчасти объясняется тем, что Вирт никогда не стремился создать какую-то особую школу или особое теоретическое направление. Он был представителем и наследником чикагской теоретической традиции (У.А.Томас, Р.Э.Парк, Э.У.Бёрджесс), и его работа подсоединена к корпусу работ других ее представителей, в котором можно обнаружить многие не эксплицированные элементы его теоретической позиции. Кроме того, Вирт негативно относился к абстрактному теоретизированию как специализированному виду деятельности. В итоге, теоретические идеи рассеяны более или менее равномерно по всем его работам, нигде не излагаются систематически и не всегда эксплицитны.

Теоретическая составляющая как таковая более всего присутствует в его очерках «Социальное взаимодействие: проблема индивида и группы» (1939), «Человеческая экология» (1945), «Мировое сообщество, мировое общество и мировое правительство: попытка прояснения терминов» (1948), «Урбанизм как образ жизни» (1938) и предисловие к «Идеологии и утопии» К.Мангейма (1936). Теоретичны по содержанию и многие другие работы Вирта.

Историю социологии Вирт рассматривал не просто как историографию дисциплины, а как важный компонент теоретической работы. Его публикации по истории социологии: «Библиография литературы о городском сообществе» (1925), «Социология Фердинанда Тённиса» (1926), «Литература по социологии: 1934» и «Литература по социологии: 1935–1936» (обе совм. с Э.Шилзом, 1935, 1937), «Американская социология, 1915–1947» (1947) и «Социальные науки» (опубл. 1953), – содержат существенные теоретические вкрапления.

Особняком стоит небольшой текст «Социология и локальная история» (опубл. 1956), в котором просматривается неожиданный набросок программы микросоциологического изучения социальной жизни, вплотную смыкающегося с микроисторией, утвердившейся в качестве полноценной области исследования много позже.

Человеческая экология. Этому важному для чикагской традиции разделу социологии посвящена программная статья «Человеческая экология» (1945). К этой же рубрике можно отнести очерк «Значение среды» (1932) и, в некоторой степени, публикации Вирта на темы регионализма и природы сообщества. Если же говорить о применении принципов человеческой экологии, то его можно обнаружить, за редкими исключениями, практически во всех его публикациях.

Регионализм. Этой теме посвящены статьи «Локализм, регионализм и централизация» (1937), «Ограниченность регионализма» (1951), «Перспективы региональных исследований в связи с социальным планированием» (1935). В них можно найти ключевые идеи Вирта о пространственном переупорядочении и усложнении социальной жизни с переходом от «сообщества» к «обществу».

Сообщество. Понятие сообщества является в социологии Вирта и, шире, Чикагской школы одним из важнейших. Раскрытию сути этого понятия Вирт посвятил очерк «Пределы и проблемы сообщества» (1933). В статье «Мировое сообщество, мировое общество и мировое правительство» (1948) он попытался применить это понятие к анализу процессов становления «мирового общества».

Социология города. Принадлежит к чикагской социологической традиции, Вирт рассматривал город как основной объект исследований, как «социальную лабораторию», в которой могут быть изучены важнейшие социальные процессы современного общества, «человеческая природа» и «социальный порядок». В силу этого значительная часть его научной работы (а в каком-то смысле вся она целиком) была посвящена изучению города. Его «Библиография литературы о городском сообществе», вошедшая в знаменитую книгу «Город» (1925, совм. с Р.Э.Парком, Э.У.Бёрджессом, Р.Маккензи), определила, наравне с другими статьями этого сборника, основные контуры последующих чикагских городских исследований. Книга «Наши города: их роль в национальной экономике» (1937), основным автором которой был Вирт, сыграла важную роль в стимулировании изучения городских сообществ и развитии городского планирования в США.

Специфике современных городских сообществ посвящены такие очерки, как «Метропольные регионы» (1938, совм. с Л. Коуплендом), «Городские сообщества» (1942), «Метропольный регион как единица планирования» (1942), «Городское сообщество» (1943), «Жизнь в горо-

де» (1944), «Городская и сельская жизнь» (1944), «Социологические факторы городского плана» (1949).

Много работ посвящено конкретно чикагскому городскому сообществу: «Чикаго: земля и люди» (1934), «Знает ли себя Чикаго?» (1936), «Беглый взгляд на меняющееся население Чикаго» (1936), «Социальный и культурный состав Чикаго» (1945), «Перестройка чикагского метрополиса» (1946), «Чикаго: у большого города большие проблемы» (1949), «Чикаго: куда теперь?» (1944, опубл. 1956). Также Вирт сыграл важную роль в подготовке упомянутых выше справочников «Книга фактов локального сообщества Чикаго» за 1938 г. (совм. с М.Фурес) и за 1949 г. (совм. с Э.Х.Бернерт).

Важнейшая публикация Вирта по городской социологии — «Урбанизм как образ жизни» (1938), небольшой очерк, мгновенно ставший бестселлером и уже при жизни Вирта признанный классическим. Предварительный набросок концепции урбанизма был предложен в статье «Городской образ жизни» (1937). Неразрывность урбанизма и современного общества подчеркивается в статье «Городское общество и цивилизация» (1940).

Анализ важнейших аспектов современного общества. Хотя специфика современности является сквозной темой исследований Вирта, некоторые статьи подчеркнута посвящены анализу природы современного общества: «Урбанизм как образ жизни» (1938), «Групповые трения и массовая демократия» (1945), «Консенсус и массовая коммуникация» (1948), «Мировое сообщество, мировое общество и мировое правительство: попытка прояснения терминов» (1948).

Социология знания. Вирт считал эту область второй по значимости для себя после социологической теории. Наиболее концентрированно его идеи в этой области выражены в предисловии к английскому переводу «Идеологии и утопии» К.Мангейма, сделанному им совместно с Э.Шилзом (1936). Поскольку Вирт связывал важность социологии знания с природой современного общества (в противоположность локальным традиционным), компоненты его социологии знания можно обнаружить практически во всех работах, в которых речь идет о современности. Однако в ряде работ присутствует повышенная концентрация этих компонентов. Роль идеологии в современном обществе рассматривается в очерках «Идеологические аспекты социальной дезорганизации» (1940), «Идеи и идеалы как источники могущества в современном мире» (1947), «Консенсус и массовая коммуникация» (1948); роль социально-научного

знания — в очерках «Американская социология, 1915–1947» (1947), «Ответственность социальной науки» (1947), «Социальные науки» (опубл. 1953); роль СМИ в современном обществе — прежде всего в очерке «Консенсус и массовая коммуникация». К этой группе публикаций тесно примыкают статьи о социальном планировании и образовании.

Социальное планирование. Это область, в которой Вирт проявил себя как энергичный социолог-практик и социальный инженер. Планированию посвящен целый ряд его статей и брошюр: «Перспективы региональных исследований в связи с социальным планированием» (1935), «Федеральный учет информации о городах» (1939), «Метропольный регион как единица планирования» (1942), «Полномочия и услуги правительства в послевоенные периоды» (1943), «Подготовка к прекращению военных контрактов» (1944), «Ваш бизнес после войны» (1944), «Иллинойс готовится к миру» (1944), «Потребности в социальном планировании» (1944), «Что вызывает безработицу» (1944), «Городское планирование и расовая политика» (1945), «Последствия недавних социальных тенденций в городском планировании» (1945), «Планирование современных городских сообществ» (1945), «Планирование сообщества для мирной жизни» (1946), «Планирование для свободы» (1947), «Социологические факторы городского плана» (1949), «Чикаго: куда теперь?» (1944, опубл. 1956). К этой же рубрике можно отнести работы Вирта о жилищном планировании: «Жилье» (1940), «Жилье как поле социологического исследования» (1947).

Образование. Институтам образования Вирт отводил очень важное место в современном обществе, связанное с возрастанием роли знания в поддержании социального порядка. Образованию посвящены статьи «Природа, масштабы и существенные элементы общего образования» (1934), «Перекосы в образовании для бизнеса» (1940), «Проблемы и перспективы учебных планов по социальным наукам» (1943), «Образование ради выживания: евреи» (1943), «Политические и социальные условия после войны и высшее образование» (1944), «Социальные условия для высшего образования после войны» (1944).

Целый цикл публикаций связан с особым интересом Вирта к проблемам межкультурных и расовых отношений, меньшинств, национализма, что отчасти было связано с его личным опытом иммиграции, двойственной принадлежности и маргинальности. Первоначально этот круг проблем исследовался в основном на примере еврейских иммигрант-

ских групп; позже – преимущественно на примере негритянского меньшинства в США.

Межкультурные отношения. К этой рубрике можно отнести ряд ранних статей: «Культурные конфликты в иммигрантской семье» (1925), «Культурный конфликт и дурное поведение» (1931), «Взаимосвязь культур» (1937).

Расовые отношения. Под «расовыми отношениями» в социологии того времени подразумевались отношения не только между расовыми, но и между этническими и культурными группами. Этим отношениям Вирт посвятил статьи «Раса и национализм» (1934), «Раса и публичная политика» (1944), «Гибрид и проблема расового смешения» (совм. с Х.Голдхамером, 1944), «Городское планирование и расовая политика» (1945), «Позитивные и негативные аспекты сегодняшних расовых отношений» (1945), «Цена предрассудка» (1947), «Исследования в сфере расовых и культурных отношений» (1948), «Проблемы и ориентации в исследованиях расовых отношений в США» (1950).

Меньшинства. Важнейшими публикациями Вирта на тему меньшинств были книга «Гетто» (1928) и два очерка, «Современное положение меньшинств в Соединенных Штатах» (1941) и «Проблема меньшинств» (1945). Также этой теме посвящены статьи «Моральный дух и меньшинства» (1941), «Воздействие войны на американские меньшинства» (1943) и «Комментарии к резолюции экономическо-социального совета по недопущению дискриминации и защите меньшинств» (1949).

Национализм. Проблемы национализма затрагиваются в публикациях о расовых отношениях и меньшинствах, а также более специально в статьях «Раса и национализм» (1934) и «Типы национализма» (1936). Феномен национализма Вирт рассматривает в контексте межгрупповых отношений.

Международные отношения. К проблемам международных отношений Вирт обратился в последнее десятилетие своей жизни, в значительной мере под влиянием мировой войны и изобретения атомной бомбы. Основной акцент его исследований в этой области связан с поиском условий поддержания мира и порядка в условиях нового «мирового» общества. Сюда относятся его статьи «Предпосылки мира» (1941), «Значение новейших социальных тенденций для осуществимых программ мира и мировой организации» (1944), «Альтернатива мировому атомному контролю» (1945), «Мир в атомную эпоху» (1948, совм. с Х.Ури и К.Хартом), «Международные напряжения как объекты социального ис-

следования» (1948), «Консенсус и массовая коммуникация» (1948), «Мировое сообщество, мировое общество и мировое правительство» (1948), «Внутренние и международные межгрупповые отношения» (1949), «Интегративные тенденции в международных отношениях» (1950), «Свобода, власть и ценности в нашем нынешнем кризисе» (1952).

Социология личности. Собственно в этой области Виртом написана лишь одна статья наполовину этнографического характера, «Некоторые еврейские типы личности» (1926). Между тем у Вирта можно найти немало ценных идей о воздействии на человеческую личность социальных условий: в книге «Гетто» — о воздействии продолжительной социальной изоляции, в статье «Урбанизм как образ жизни» — о воздействии анонимной социальной среды большого города.

Социология Вирта: связующие нити

Теперь, когда мы имеем синоптический взгляд на наследие Вирта, нам нужно нащупать некоторые связующие нити, без которых это наследие грозит распасться на множество не связанных друг с другом фрагментов или блоков. При всем многообразии интересов Вирта, его социология внутренне органична. Какие бы темы он ни затрагивал, он руководствовался единой схемой анализа, и в контексте этой схемы его исследования оказываются частями единой картины, изображающей состояние и перспективы современного общества.

Социологию Вирт понимал как одновременно и общую, и специальную социальную науку. В качестве общей науки социология не имеет собственного предмета, который бы не изучался другими науками о человеке, а представляет собой познание человека, поскольку он ведет групповой способ существования. Общесоциологическое знание, тем самым, оказывается релевантным для всех наук о человеке, поскольку вне групповой жизни человека как особого предмета изучения не существует. Социология как общая наука дает видение «природы человека и социального порядка» *sub specie aeternitatis*. В качестве специальной науки социология имеет предметное содержание, однако это содержание в силу исторических обстоятельств лишено внутренней связности, так как вобрало в себя аспекты социальной жизни человека, оставшиеся не охваченными другими науками, сформировавшимися раньше, чем социология. В текстах Вирта границ между социологией как общей наукой и социологией как специальной наукой не проводится. Они сплавлены во-

едино. С этим связан характерный для работ Вирта эффект: даже когда он пишет о вполне конкретных вещах, таких, как проблемы городского планирования в Чикаго середины XX в. или положение меньшинств между двумя мировыми войнами, сквозь текст пробивается взгляд на человека и его социальную жизнь с точки зрения вечности.

Социология Вирта имеет сложную внутреннюю архитектуру, в полной мере им не эксплицированную, но, безусловно, продуманную. Социологическое познание, как и любое познание, невозможно без абстрактных предпосылок, или пресуппозиций, имеющих априорный характер. Сюда входят ценности, интересы, допущения и понятия. Они сосредоточивают внимание исследователя на тех или иных аспектах социальной жизни и организуют познание вокруг этих аспектов. Материал, организуемый этими пресуппозициями, социолог черпает, с одной стороны, в эмпирических исследованиях, статистике, истории и т.д., и, с другой стороны, в непосредственном опыте. Последнему у Вирта придается особое значение. Он считал, что полноценное познание социальных процессов требует непосредственного участия в них, глубокого погружения в них. Здесь он следует традиции, принятой в Чикагском университете со времен Парка и Бёрджесса, считавших, что социолог должен выбирать для изучения те стороны социальной жизни, с которыми он знаком не понаслышке. (Отсюда такие темы исследований Вирта, как гетто, меньшинства, расовые отношения, национализм и т.п.) В каком-то смысле социолог, пользуясь общей «схемой соотнесения» и эмпирическим материалом, упорядочиваемым и организуемым с ее помощью, описывает то, что он и так уже знает в собственном опыте, но знает смутно и со своей узкой личной точки зрения. Генерализованные описания, производимые социологом в ходе этой работы, уже не сводятся к личному опыту и становятся объективными и общезначимыми в той мере, в какой возможно согласие между учеными по поводу лежащих в их основе посылок и адекватности обращения с фактами. Социолог может производить и абстрактные генерализации, но только в той мере, в какой они не теряют связи с остальными элементами социального познания. Абстрактное теоретизирование как автономный вид социологической работы Вирт категорически отвергает, и здесь он принципиально расходится со своим современником Т.Парсонсом¹. Если Парсонс разрабатывал тео-

¹ См. рецензию Вирта на «Структуру социального действия» Парсонса: Amer. sociol. rev. – 1939. – Vol. 4, N 3. – P. 399–404.

рию как автономный сегмент социологического знания, релевантный для эмпирического исследования, но предшествующий ему, то Вирт разрабатывал теорию в тесной связи с эмпирическим познанием, полагая, что вне соотношения с эмпирическим материалом абстрактные схемы и понятия становятся пустыми и бесплодными. Вирт часто подчеркивал, что «теория — это аспект всего, что мы делаем, а не совокупность знаний, отдельная от исследований и практики»¹. Соответственно, в работах Вирта общие положения, генерализованные описания, эмпирические утверждения, ценностные суждения и практические рекомендации сплавлены в неразрывный синтез и трудно сепарируются друг от друга.

Продолжая традицию, сложившуюся в Чикагской школе, Вирт выделял в социологии три основных раздела: (1) демографию и человеческую экологию, (2) изучение социальной организации и (3) социальную психологию и изучение коллективного поведения. Каждый из этих разделов изучает социальную жизнь под определенным углом зрения, но не дает ее целостной картины. Поскольку Вирт придавал большое значение исследованию социальной жизни во всей ее целостности и во всех ее внутренних взаимосвязях, эти особые углы зрения часто соединяются в его работах либо в форме простого совмещения, либо синтетически. Например, город рассматривается как физическая структура, как система социальной организации и как совокупность определенных установок и представлений (образ жизни). Схожая трактовка дается сообществу, региону, гетто и некоторым другим изучаемым эмпирическим сущностям.

Теперь, когда мы коротко обрисовали общую конституцию виртовской социологии, обратимся несколько подробнее к ее метатеоретическому слою. Не останавливаясь на базовых допущениях относительно человеческой природы и социального порядка, которые у Вирта в целом совпадают с теми, которые были приняты социологами Чикагской школы, а также на ценностных предпосылках, из которых он исходил (свобода, демократия, равноправие и т.д.), сосредоточим внимание на его понятийном аппарате, тем более что и сам Вирт придавал этой составляющей социологической теории огромное значение.

Основными понятиями в концептуальной схеме Вирта являются понятия взаимодействия, социальной группы, сообщества и общества. Другие понятия имеют подчиненный характер. Указанные четыре поня-

¹ Цит. по: Odum H. W. American sociology: The story of sociology in the United States through 1950. — N.Y.; L.; Toronto: Longmans, Green and Co., 1951. — P. 230.

тия являются не просто терминами. Они конституируют ключевые параметры виртовской социологии.

Понятие *взаимодействия* снимает старую дихотомию индивида и группы и сопутствующий ей бесплодный спор между номиналистами и реалистами. Взаимодействие трактуется как базовый процесс в формировании человеческой природы и социального порядка. С одной стороны, индивиды создают своими действиями социальный порядок; с другой стороны, эмерджентные продукты их действий, обладающие свойствами, не сводимыми к свойствам произведших их индивидов, оказывают формирующее воздействие на человеческие личности. Процесс взаимодействия соединяет в себе процессы поддержания и изменения социального порядка и процессы формирования и изменения личности. Именно во взаимодействии создаются, сохраняются и распадаются социальные группы.

Под *социальными группами* Вирт имеет в виду не совсем то, что имеется под ними в виду сегодня. Это любые совокупности индивидов, которые можно мыслить как сплоченные и обладающие единством. «Сплочение» и «единство» группы могут иметь разную природу; их источниками могут быть взаимосвязь симбиотического характера и консенсус. Соответственно, каждая группа может рассматриваться *как общество* и *как обществу*, в зависимости от характера связей, которые ее объединяют (как Вирт и поступает с городом, сообществом¹, регионом, гетто). Дихотомия сообщество/общество (*Gemeinschaft/Gesellschaft*) была заимствована у Ф.Тённиса, и смысл, который Вирт в нее вкладывал, примерно такой же, как у него².

В разных текстах Вирта эта дихотомия трактуется по-разному (разные ее трактовки можно найти в настоящем сборнике), но общий ее смысл остается неизменным: формула «от сообщества к обществу» задает общий контекст, в котором рассматривается развитие любых человеческих групп в любых пространственных и временных масштабах. Прототипом сообщества является небольшая территориально ограниченная локальная группа, в которой заключен весь круг жизненных связей ее

¹ *Rationale* такой интеллектуальной манипуляции с сообществом служит то, что каждое сообщество, по Вирту, является одновременно обществом и при эмпирическом его рассмотрении не может быть адекватно познано просто как природный феномен.

² Wirth L. The sociology of Ferdinand Tönnies // Amer. j. of sociology. — 1926. — Vol. 32, N 3. — P. 412—422. Бендикс даже считает, что Вирта можно считать «в большей степени учеником Тённиса, чем учеником Парка» (Bendix R. Op. cit. — P. 528).

членов. В этом случае границы сообщества и общества совпадают, и все функциональные взаимодействия между людьми, обусловленные их эгоистическими, биологически predetermined интересами, попадают в сферу жесткого морального регулирования (консенсуса на основе традиции и обычая). Любой выход взаимодействий и связей за пределы этой ограниченной области хотя бы частично выводит человека из-под указанного контроля. Для современного мира закрытые сообщества не характерны. Более того, современный мир характеризуется радикальным несовпадением границ разных типов взаимосвязей: экологических, технологических, экономических, политических, культурных, моральных. В зонах этого несовпадения, которые проявляются во всех пространственных масштабах (локальных, региональных, национальных, международных), значительная часть человеческого поведения выпадает за пределы нормативного регулирования. Для современного мира характерны колоссальные сдвиги в пространственной организации социальной жизни. С ними связано кардинальное и постоянно продолжающееся изменение группового контекста человеческого существования: человек принадлежит ко множеству разных социальных групп, вовлекается во множество относительно независимых друг от друга кругов взаимодействий и принадлежностей. Этому сопутствует существенное изменение в личностных характеристиках человека.

В этом контексте и следует рассматривать разные исследования Вирта. Интерес к пространственной реорганизации современного мира присутствует в его работах, посвященных человеческой экологии, сообществу, регионализму, современным метрополисам. Проблемы вхождения небольших партикулярных групп в более широкий мир освещаются в его работах о меньшинствах, расовых отношениях, культурных конфликтах, гетто, национализме, маргинальности. Город, которому посвящено много работ Вирта, трактуется как место, в котором наиболее концентрированно выражены все основные процессы современного общества. Соответственно, теория урбанизма фактически представляет собой теорию современного общества, описываемый Виртом городской образ жизни есть современный образ жизни, а городской тип личности — современный тип личности. Сравнения села и города сконцентрированы на контрастах между традиционным и современным обществом. Проблемы преступности, девиации, бедности, зон запустения, душевного здоровья и т.д. рассматриваются в рамках той социальной дезорганизации (или аномии), которая неизбежно порождается упадком традицион-

ного социального контроля в условиях массовых миграций, быстрого технологического развития и все более расширяющихся торговых и экономических связей, которые отрывают человека от «почвы» его локального сообщества и вместе с тем вырывают его из «плена» традиции и обычая. Новые международные опасности рассматриваются в этом же контексте. Возможные основания социального контроля и социального порядка в новых условиях анализируются Виртом в работах о консенсусе, о роли идеологий, образования, науки и СМИ в созидании консенсуса и укреплении социального порядка на уровне таких больших групп, как нации и международное сообщество. Влияние идей на социальные процессы — основная тема виртовской социологии знания.

Без этих связующих нитей вклад Вирта в социологию понять нельзя .

* Ссылки в текстах Вирта приводятся в соответствии с английским оригиналом (в ряде случаев, когда это было необходимо, они были расширены). Библиография Вирта дана (с добавлением нескольких позиций) по изданию: Wirth L. Community life and social policy. — Chicago: University of Chicago Press, 1956.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ПРОБЛЕМА ИНДИВИДА И ГРУППЫ*

Авторы материалов, представленных в тематическом выпуске «American sociological review», озаглавленном «Индивид и группа», пытаются разными способами сформулировать центральную проблему социологической теории. Эта проблема была частью философского наследия западного мира со времен античности. Во времена схоластики она была шаблонной иллюстрацией в логических спорах между номиналистами и реалистами, а в XVII—XVIII вв. возродилась в полемике вокруг естественного состояния и общественного договора. В современной социологической теории под влиянием открытий, сделанных, с одной стороны, биологами и, с другой стороны, исследователями коллективного поведения, она вновь дала о себе знать в попытке определить правильный локус социологических исследований. Атомистическая точка зрения, произрастающая из биологической и механистической традиции конца XIX в., вела к признанию индивидуального организма прочной реальностью, конституирующей единицу социальной жизни, и к принижению «общества» как терминологического конструкта или как несущественной фикции. Интерес к психологии народов, нашедший наиболее плодотворное выражение в трудах Лацаруса и Штейнтала и достигший кульминации в работе группы Дюркгейма во Франции, увенчался превознесением общества как сущности *sui generis*. Эту концепцию, в свою очередь, подвергли критике на том основании, что общество есть не бо-

* Wirth L. Social interaction: The problem of the individual and the group // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 21–34. Впервые статья была опубликована в: Amer. j. of sociology. — Vol. 44 (May, 1939). — P. 965–979.

лее чем сумма индивидуальных членов, из которых оно состоит, и что поведение действительных индивидов конституирует всю социальную жизнь. В защиту этого взгляда указывалось, что культура группы есть нечто большее и иное, чем привычки составляющих ее индивидов, и что такие социальные феномены, как язык, мифология, религия и другие выражения коллективной жизни, нельзя адекватно понять до тех пор, пока внимание сосредоточено исключительно на индивидуальных носителях этих культурных черт.

С течением времени стало ясно, что удовлетворительного решения этой проблемы достичь не удастся, пока вопрос ставится в форме «или/или». Для каких-то аналитических целей полезно брать как уместную и реальную единицу индивидуальный организм, входящий в состав человеческого общества; для других желательно брать в качестве высшей сущности коллектив; однако в любом случае нужно иметь в виду, что ни *индивид*, ни *группа* не исчерпывают всех аспектов жизни человека в обществе. Как отмечал Кули:

«Отдельный индивид – это абстракция, неизвестная опыту, и точно такой же абстракцией является общество, если брать его как нечто отдельное от индивидов. Реальной вещью является Человеческая Жизнь, которую можно рассматривать либо в индивидуальном, либо в социальном, т.е. родовом аспекте; но при этом она всегда фактически оказывается и индивидуальной, и родовой. Иными словами, “общество” и “индивиды” не обозначают отдельных феноменов, но это всего лишь коллективный и дистрибутивный аспекты одного и того же»¹.

Не став биться над вопросом о том, является ли конечной единицей, в терминах которой надо анализировать социальную жизнь, индивид или группа, основное течение социологической и социально-психологической мысли предало этот вопрос забвению и стало анализировать социальные феномены как комплексы осмысленно ориентированных действий взаимно связанных друг с другом лиц. Этот подход базировался на допущении, что «общество существует везде, где некоторое

¹ Cooley C.H. Human nature and the social order. – N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1922. – P. 33. (Ср. рус. перевод: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 34.)

множество индивидов вступают друг с другом во взаимные отношения»¹. Когда социология перешла от созерцания к исследованию, плодотворность предложения Зиммеля сделать предметом изучения социологии процесс межличностных отношений была окончательно доказана.

Настаивание на том, что в центре социологического интереса находится социальное взаимодействие, не только охладило интерес к бесплодному спору вокруг проблемы «индивид — группа», но и существенно продвинуло нас вперед в понимании связи между личностью и обществом. Согласно этому взгляду, личности, играя более или менее интегрированные роли в группах, членами которых они являются, проявляют комплексы черт, локусом которых является конкретный организм. Роли лиц — это системы действия, ответы на требования и ожидания со стороны индивида и его собратьев. Структура, или система, их отношений, взятая в совокупности, образует общество, которое можно считать носителем культуры. Эта концепция дает нам возможность яснее увидеть разные перспективы, в рамках которых могут эмпирически анализироваться социальные феномены.

В своем наиболее внешнем аспекте социальная жизнь заключает в себе распределение членов агрегата в пространстве. От этого физического и поверхностного видения агрегата мы можем двинуться в двух направлениях и изучить дальнейшие значимые аспекты социальной жизни с помощью методов специализированных отраслей социальной науки, которые ими занимаются. С одной стороны, мы можем попытаться выяснить, какими свойствами обладает такой агрегат благодаря тому факту, что составляющими его членами являются определенного рода организмы, наделенные импульсами и органическими чертами, характерными для их биологического вида. С другой стороны, можно установить, какими свойствами обладают члены такого агрегата благодаря тому факту, что находятся во взаимодействии друг с другом и выстраивают в этом процессе то, что мы называем культурой. Так мы приходим к пониманию особой значимости человеческой экологии, биологии, психологии и социальной науки (с различными ее отраслями) для понимания социальной жизни человека. Ни от одной специализированной области нельзя ожидать, что она прояснит больше, чем всего лишь частный аспект

¹ Simmel G. *Soziologie*. — Leipzig: Duncker & Humblot, 1908. — S. 5. Cp.: Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. — Tübingen: J.C.B.Mohr, 1925. — I, 1. — S. 11–14; Parsons T. *The structure of social action*. — N.Y.: McGraw-Hill Book Co., 1937.

целостной реальности, однако каждая может стать более плодотворной, чем была бы в обособленности, если осознает свои особые проблемы и интересы и их связь со всеми другими.

Пытаясь разработать итоговую науку, призванную изучать социальные группы как продукты участвующих индивидов, проф. Знанецкий постулирует связь между индивидами и группами с помощью гипотез о соотношении между «индивидами-как-они-переживаются-самими-собой-и-другими-индивидами» и «группами-как-они-переживаются-участниками-и-посторонними». Он подчеркивает, что индивиды, которые участвуют в деятельности, рождающих социальную группу, также становятся частью продукта, созданию которого они как члены группы содействуют. Анализируя этот акт участия и его продукт, он указывает, что каждая социальная роль предполагает: (1) социальный круг из некоторого множества людей, в центре которых лицо, исполняющее эту роль, находится и с которыми оно состоит в конкретных отношениях; (2) социальное Я данного лица, как оно воспринимается его социальным кругом и им самим, которое претерпевает изменение в ходе взаимодействия между этим лицом и другими людьми; (3) статус данного лица, выраженный в «правах», которые его группа ему приписывает и получения которых он от нее ожидает; (4) функцию данного лица, т.е. его деятельности в ответ на ожидания его социального круга.

Вычленение в социальной роли этих аналитических элементов помогает сформулировать подход к этому сложному феномену. При этом, однако, нужно понимать, что их содержание сильно меняется в зависимости от меняющихся условий групповой структуры и тех специфических ситуаций, в которых лицо участвует. Так, например, индивид может не всегда быть центром социального круга, как, видимо, полагает проф. Знанецкий. На самом деле именно в силу того, что в некоторых своих социальных кругах он расположен не столь центрально, как в других, или не столь центрально, как он полагает себя размещенным в этом конкретном круге, у индивида возникают последовательно меняющиеся и одновременно расходящиеся или конфликтующие представления о себе. Признание этого факта прояснило бы какие-то из базовых форм личной непригодности, о которых говорят некоторые другие участники этого сборника. Проф. Знанецкий далее отмечает, что некоторые из наиболее характерных групповых феноменов, или коллективных аспектов персонального поведения, создающие характеристики, которые исчерпывающе описал Самнер при обсуждении мы-группы, и тот субъек-

тивный аспект, который выдвинул на передний план Кули в анализе мышления, можно обнаружить в возникновении групповых норм и ценностей, которые кристаллизуются в групповые институты и организации. Именно в многообразии групп, во взаимоотношениях между группами и в разных позициях лица внутри этих групп мы должны искать объяснение необычайного разнообразия личностей, возникающих в нашей культуре; и в то же время именно в единообразиях групповой жизни, в участии индивидов в ней и в разделении ими групповых норм мы должны искать ключ к единообразным чертам человеческого поведения.

Проф. Хальбвакс обсуждает индивидуальное сознание и коллективное сознание в русле социологических теорий, характеризующих дюркгеймовскую традицию. Выступая против классической ошибки «обособленного человека», он пользуется понятием коллективных репрезентаций, выходящих за пределы индивидуального сознания, как доказуемым основанием первичности группы. Базовой данностью коллективной психологии является группа с тенденциями и репрезентациями, общими для разных социальных сред. С этой точки зрения, коллективные психологические состояния нельзя объяснить через индивида, они объясняются лишь через социальную структуру, обычаи, институты, науку, язык, искусство и технологию, которые отражаются в каждом индивидуальном уме. Психология, как утверждает автор вслед за Блонделем, «должна твердо опираться на психофизиологические и психопатологические данные». Эти две точки зрения, при их сопоставлении, должны были бы в какой-то мере объяснить ментальную жизнь в ее целостности, «ибо наш разум обязан всем, чем он является, и всем, чем он обладает, либо организму, либо социальным группам». Кроме того, повторяя вслед за Тардом, что человек есть социальное существо, привитое к биологическому, он утверждает, что индивидуальность, возникающая в результате этого соединения физиологических и социальных элементов, не может быть полностью объяснена ни психологом, ни социологом, ибо конституирует уникальный феномен, который никогда не может стать в подлинном смысле слова объектом ни для какой науки.

Чтобы не утверждать, что коллективное мышление есть метафизическая сущность, проф. Хальбвакс утверждает, что оно существует и реализуется лишь в индивидуальном сознании — «в состояниях сознания большего или меньшего числа индивидов, составляющих группу», где каждому отдельному индивиду принадлежит только фрагментарная часть. Поскольку общество включает в себе собрание индивидов, кото-

рые мыслят, чувствуют и действуют сообща, социология имеет дело прежде всего и в первую очередь с психологическими материалами; однако этим область ее интересов не исчерпывается. Социальная солидарность предполагает наличие ряда условий или техник в экономической, религиозной, политической, языковой и художественной сфере, а это означает наличие не только коллективных репрезентаций, но также и их физических эквивалентов («морфологии»). Именно в этом смысле Дюркгейм предлагал рассматривать социальные факты как «вещи». Даже такие внешние факты, как физическое распределение и объем группы, находящиеся в ведении демографа, нельзя изучить и объяснить без учета тех состояний сознания, которые люди в отношении них имеют. Таким образом, социологию интересуют прежде всего групповые феномены, как они проявляют себя в зримых формах в пространстве, а эти физические манифестации, в свою очередь, социально значимы лишь постольку, поскольку сопровождаются коллективными репрезентациями. Психология и социология, стало быть, оказываются двумя противоположными подходами к феноменам сознательной жизни, укорененным в организме и в социальной среде. В целях анализа они могут быть обособлены друг от друга, но в реальности встречаются только вместе.

Переходя от точки зрения социолога к точке зрения психолога, мы обнаруживаем в статье проф. Вудворта, что психологи, воспитанные в традиции своей дисциплины, склонны находить отправную точку своих исследований в индивиде. Вместе с тем глубоко осознается неадекватность того взгляда, будто социальная группа есть не более чем совокупность образующих ее индивидов, а коллективное поведение — всего лишь агрегат индивидуальных реакций. Более того, в статье проф. Вудворта содержится ясное признание того, что поведение в некоторых самых существенных его аспектах невозможно адекватно понять, направив внимание на индивидов как таковых. Хотя он и не формулирует это ясными словами, он, видимо, понимает релевантность и следствия замечания Джосайи Ройса, что в агрегациях имеется плодотворность — эмерджентное свойство, превосходящее сумму индивидуальных реакций. Говоря конкретнее, Вудворт указывает на ограничение, накладываемое групповыми ситуациями на составляющих группу индивидов, как на важный фактор индивидуального поведения. Вместе с тем он понимает, что группа не просто осуществляет ограничивающее влияние на индивида, но и открывает ему такие возможности для действия, которых он как индивид был бы неизбежно лишен. Он идет даже дальше и говорит, что суще-

ствуется фундаментальная предрасположенность к участию в окружающих событиях, которая основательно изменяет диапазон и характер человеческой деятельности, если смотреть на нее в матрице групповой жизни. Люди именно тем и социальны, что участвуют в деятельности группы. Взгляд на человеческое действие, предложенный Джоном Дьюи в книге «*Человеческая природа и поведение*»¹, — а именно, что индивид есть не просто пассивное существо, реагирующее на среду, но что некоторые его импульсы делают его активным агентом в приспособлении к собственной среде и в трансформации этой среды, — оказывается вполне конгениальным подходу проф. Вудворта. Имея это в виду, он предлагает исследовать командную работу в малых группах детей, считая это одним из самых плодотворных способов, с помощью которых можно было бы открыть законы участия.

Статья проф. Блатца резко контрастирует со статьей проф. Вудворта. Он предлагает так разграничить психологию и социологию, чтобы первая изучала индивида, а последняя — группу. В общем и целом это разграничение было бы достаточно приемлемым, если бы сопровождалось ясным пониманием того, что групп без индивидов не существует и что изолированный индивид без хотя бы какой-то меры группового участия неведом человеческому опыту. Проф. Блатц отрицает эмерджентные свойства поведения индивидов в различных типах групповых ситуаций и утверждает, что в толчах, толпах и иных коллективах не проявляется никаких новых мотивов. (По всей видимости, он не признает ни единого элемента новизны даже в таком механизме, как круговая реакция, который сыграл полезную роль в анализе поведения толпы, принятом исследователями коллективного действия.) Проф. Блатц, по всей видимости, оперирует давным-давно отвергнутой социологами дихотомией изолированного индивида, с одной стороны, и плотного физического столпотворения — с другой. Именно эту упрощенную версию социологи пытались исправить, указывая, что социальная ситуация детерминирует индивидуальное действие гораздо более сложными и тонкими способами, чем те, которые включаются вследствие участия в толпе.

Разделив индивидуальное поведение на две фазы — одна из которых представляет адаптацию к физической среде, а другая адаптацию к социальной среде, — он утверждает, что обе они относятся к ведению психологии, оставляя тем самым социологию за бортом. Мотивы, опре-

¹ Dewey J. *Human nature and conduct*. — N.Y.: Henry Holt & Co., 1922.

деляющие, с его точки зрения, поведение младенца, включают установки приближения и бегства, аппетита (в том числе голод, жажду, устранение, отдых, изменение и сексуальность), а также эмоции, возникающие в ситуациях, к которым индивид чувствует себя не готовым. Эти три вида потребностей, которые он называет соответственно культурными, инстинктивными (appetitive) и эмоциональными, считаются базисными: по всей видимости, потому что они общи для всех индивидов и остаются действенными на протяжении всей жизни. Проф. Блатц не признает существования у младенца никаких форм поведения, которые были бы социальными в смысле поведенческих проявлений, указывающих на социальную потребность¹. Он говорит о социальных желаниях, хотя и не о потребностях, с того момента, когда ребенок развивается настолько, что начинает воспринимать сходство собственного опыта с опытом других. Но это поведение является не базисным, а полностью производным от указанных выше фундаментальных потребностей. Опираясь на наблюдение пяти близнецов Дионне, он не обнаруживает никаких признаков генезиса поведенческого паттерна, который можно было бы со всей ясностью истолковать как социальный, до 12–18 месяцев. С этого времени в игру вступают акты и реакции на акты других, кумулятивно формирующие социальное сознание ребенка. В анализе развития социального поведения проф. Блатцу могла бы оказать существенную помощь литература, посвященная социальному генезису Я, в особенности работы Мида и Кули. В частности, работа первого о различии между физическими и социальными объектами и работа последнего о зеркальном Я позволили бы ему провести его анализ с гораздо большей изощренностью и пронизательностью, чем позволяет сделать применяемый им подход. И все же, при всем невнимании к социологическому подходу, в своих усовершенствованиях теории для объяснения генезиса личности он вынужден принимать в расчет факторы, выводящие его за пределы его исходных посылок. В конечном итоге он все же признает значимость социального взаимодействия и роль общих стандартов сообщества в определении поведения индивида. В частности, когда он начинает объяснять чрезвычайно дифференцированное поведение разных индивидов, по всей

¹ Проводимое проф. Блатцем различие между «потребностью» и «желанием» требует дальнейшего прояснения. Обычные потребности понимаются как условия, необходимые для выживания организма, независимо от того, становятся они мотивами действия или нет.

видимости, реагирующих на одну и ту же среду, как, например, в случае с близнецами Дионне, он сталкивается с мягкими влияниями групповых символов и их разными индивидуальными интерпретациями, и, несмотря на настойчивые утверждения об адекватности психологического подхода, это уводит его в мир социологического дискурса.

Проф. Андерсон, сосредоточивая внимание на проблемах индивида и общества, как они видятся исследователю развития ребенка, прослеживает сдвиг интереса со старых теорий на современные исследования поведения детей в их групповых отношениях. В личности ребенка он видит продукт социального взаимодействия. Структурирование социального поведения зависит от исходной организации индивида, содержания среды, воздействию которой он подвержен, а также модификаций, происходящих из наблюдения им воздействий, которые его поведение оказывает на других. По мере того как индивид инкорпорируется в социальную организацию, происходит переход от одиночной и параллельной игры младенца — через кооперативную игру ребенка — к организованной и дифференцированной социальной жизни подростка. Сложность продуктов социальной активности индивида кумулятивно возрастает по мере взросления. Круг социальных привязанностей с возрастом расширяется и становится более избирательным. Диапазон и действенность мотиваций, исходящих от группы, соответственно возрастают. Проф. Андерсон считает, что от традиционных дихотомий конкуренции и кооперации, негативистского поведения и поведения на основе раппорта, агрессии и поведения на основе симпатии — дихотомий, от которых отталкивались прежние исследования, — следует отказаться в пользу той точки зрения, что «в процессе социализации тенденции, которые выглядят антагонистическими, развиваются вместе». Учитывая удивительные результаты новейших исследований, он предлагает, чтобы личностные черты, такие, как господство и подчинение, анализировались в терминах дифференцированных ролей, играемых детьми в тех социальных группах, в которых они участвуют. Главными факторами, воздействующими на целостный склад личности ребенка и обуславливающими его реакции, являются, согласно проф. Андерсону: (1) содержание преобладающих паттернов группового поведения; (2) подвижный и изменчивый характер социальных связей ребенка; (3) круг личных контактов с другими; (4) богатство материалов, предоставляемых средой; и (5) возможности участия в многообразных деятельности, выходящих за рамки того репертуара, который задается школьной программой. На основе результатов, полученных

в ходе экспериментальной модификации социальных связей, он делает вывод, что как дифференцированные индивидуальные личности, так и групповые деятельности нужно рассматривать как возникающие в контексте групповых отношений, а, стало быть, исследователь поведения ребенка неизбежно выходит на анализ социального взаимодействия.

Пытаясь преодолеть ложную дихотомию индивида и группы и строгое разграничение наук, изучающих человека в обществе, проф. Браун предлагает проект «теории поля», рассматривающий «социопсихобиологию как базовую науку о человеческом поведении». «В теории поля неявно присутствует идея, что социальное поведение зависит от биологической природы индивида как интегральной части групп, чьи характеристики тесно связаны с культурными феноменами». Психоаналитики Фрейдовской школы, подчеркнувшие важность ранних эмоциональных переживаний, и социологи-марксисты, подчеркнувшие зависимость социальных установок и поведения от системы производства и от позиции индивида в ней во всех культурах, внесли вклад в более адекватное понимание этих взаимосвязей. Теория поля, по мнению проф. Брауна, поможет нам сформулировать систематический подход к ключевым исследовательским проблемам, лежащим в тех областях, где встречаются социология, психология и биология и где они влияют друг на друга своими открытиями.

Этот подход проистекает из того же движения и придерживается тех же процедур, которые связываются с именем проф. Левина и его топологической психологией, ставящей в центр понятие «жизненного пространства»¹. Левин иллюстрирует плодотворность структурного подхода анализом подросткового возраста. С индивида, понимаемого как обособленная сущность, он переносит центр исследования на ситуацию. Эта процедура, как он утверждает, могла бы стать «ключевой техникой даже для проблем индивидуальной психопатологии». Но и в его случае, как в случае проф. Брауна, следует заметить, что разумность используемой техники наблюдения ничего общего с концептуальным аппаратом топологической психологии не имеет. Также не ясно, каким именно был бы этот метод исследования при работе с поставленными проблемами, если

¹ Развитие этого подхода см. в: Lewin K. Principles of topological psychology. – N.Y., 1936; Brown J.F. Psychology and the social order. – N.Y., 1906.

не брать в расчет более или менее аналогичную процедуру перевода разных независимо сделанных наблюдений на язык теории поля¹.

Проф. Олпорт, показывая, что такие термины, как «обычай», «культура», «моды», «веяния», «традиции», «институты», «народные обычаи» и «нравы», употребляются разными авторами некритично и непоследовательно, выделяет центральный факт «конформности», который неявно подразумевается во всех них, и трактует их как вариации «действия большого числа людей в известных условиях их человеческой и нечеловеческой среды». Конформность, утверждает проф. Олпорт, не подчиняется дихотомии «все-или-ничего», как, с его точки зрения, толкуют ее исследователи культуры и общества, хотя этот взгляд, возможно, и помогает схватить суть проблемы. Индивидуальные различия располагаются в широком континууме и подчиняются нормальному вероятностному распределению. Выдвигая «гипотезу S-образной кривой конформного поведения», он предлагает эмпирически изучать на этой основе «ситуации обычая», единицами которых являются такие переменные, как время, пространство, вес, скорость и т. д. Вдобавок к этим эмпирическим континуумам он предлагает изучать неэмпирические континуумы, а именно те, которые измеряют тенденции или черты личности или измеряют выполнение поставленной задачи. В любой сфере конформности он призывает «применять шкалу, шагами которой являются вариации поведения, представляющие последовательные опознаваемые степени выполнения “принятой общей задачи”, варьирующие в диапазоне от предписанного, или “надлежащего” акта, наиболее полно выполняющего эту задачу, до акта, дающего ей наименее опознаваемую степень выполнения». Таким образом он надеется показать, в каких областях социальной жизни существует конформность, каким образом индивиды демонстрируют конформность, насколько они конформны, какие вариации конформности имеют место, кто желает конформности массы людей, что означает конформность для них, какое они имеют влияние и что означает конформность для тех, кто ее практикует. Хотя это и может дать нам операциональное определение обычая, вряд ли это хоть как-то прольет свет на процесс культурного изменения или на то, каким образом обычай

¹ Понятия топологической психологии кажутся всего лишь новыми названиями для уже наблюдавшихся объектов, но простая перемена названий не приносит новых открытий. Иначе говоря, эта теория не ведет к выявлению каких-то проблем, кроме тех, которые уже выявлены вне теории поля, и не дает никаких дополнительных данных, важных для решения этих проблем.

связан с обществом как своим носителем, особенно на мотивы, заставляющие разных индивидов, живущих, казалось бы, в одном и том же обществе и подверженных, как считается, влиянию одной и той же культуры, вести себя по-разному по отношению к нормам, преобладающим в тех дифференцированных группах, в которых индивид участвует, — нормам, которые не статичны, не абсолютны и не обособлены друг от друга.

Психоанализ, как считает д-р Френч, может внести свой вклад в анализ социальных явлений, предлагая взгляд на социальный конфликт как на аналог психического конфликта. Однако под социальным конфликтом он, как правило, имеет в виду втягивание большого числа индивидов в психические конфликты. Вследствие этого он предполагает, что раз психоанализ продемонстрировал терапевтический эффект постижения индивидуальных неврозов, то можно использовать схожую технику и в работе с конфликтными социальными интересами. Как разработать эту технику, однако, он не говорит, если не считать утверждение, что в условиях демократии эта техника состоит в как можно более свободной публичной дискуссии. Хотя социологи часто отмечали, что существует связь между ментальным конфликтом и культурным конфликтом, последний никоим образом не рассматривался как всего лишь массовое повторение первого. Более того, огромный массив социологических данных указывает на то, что главной причиной психического конфликта и личностной дезорганизации могут быть культурные конфликты в обществе¹. Да и сама психоаналитическая литература недавно признала наличие связи между культурой и неврозом. В книге «*Новые направления в психоанализе*» д-р Карен Хорни, пересмотрев гипотезы Фрейда, касающиеся базовых инстинктивных влечений, приходит к выводу, что типы реакций, приписываемые до сих пор исключительно организму, на самом деле имеют источником культуру и что анализ социального контекста, в котором живет индивид, позволяет понять не только его личные мотивы, но и возможности их удовлетворения, фрустрации, а также механизмы исполнения желаний, характеризующие его личность².

¹ Sellin T. Culture conflicts and crime / Social Research Council Bull. No. 41. — N.Y., 1938.

² Horney K. New ways in psychoanalysis. — N.Y.: W.W. Norton & Co., 1939. См. особенно главу X «Культура и невроз». (Рус. перевод: Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. — М.: Издательская группа «Прогресс»—«Универс», 1993. — С. 214—220.)

Д-р Гарри Стэк Салливан подходит к проблеме индивида и общества с богатым клиническим опытом, который, казалось бы, должен был склонить его к взгляду, подчеркивающему первичность организма. Тем ограднее отметить, что универсум межличностных отношений, составляющий главную область его интереса, почти тождествен современному социологическому подходу. Хотя как психиатру ему приходилось начинать исследование своих пациентов с анализа их психобиологических состояний, он рассматривает каждую личность «как неопределенную сущность, некоторые значимые характеристики которой можно вывести из процессов, происходящих в группе лиц — действительных и фантастических, — в которой участвует субъект-индивид». Наша социальная матрица, которую многие наивно считают недифференцированной связью, воздействующей на всех нас в основном одинаково, при ближайшем рассмотрении оказывается состоящей из высокодифференцированного набора миров межличностных отношений, в которых разные лица участвуют в разной степени. Хотя констелляция социальных ситуаций, в которой мы находимся, может демонстрировать относительно продолжительную интеграцию в четко ограниченных социальных мирах с устоявшимися системами норм и ценностей, мы можем прийти к пониманию плохо приспособленных личностей, только выявив личные значения этих ситуаций и норм для индивида. Обычно индивид участвует в разнообразных, но более или менее совместимых ролях в социальном мире, попадающем в орбиту его социальной жизни. Лишь когда эти роли не согласуются с психобиологическими чертами индивида или отчетливо конфликтуют друг с другом, в наши межличностные отношения проникают незащищенность, фрустрация и личностные проблемы.

Проф. Малиновский, подходя к проблеме связи между индивидом и группой с точки зрения культурной антропологии, настаивает, тем не менее, что, дабы избежать ошибочного полагания «группового разума» и «коллективного сенсориума», нам необходимо отстаивать понимание группы как совокупности индивидов и отталкиваться в нашем анализе от концепции индивида как биологической реальности. С другой стороны, индивида, личность, Я или разум нельзя адекватно описать иначе, кроме как в терминах членства в группе, «если мы не хотим цепляться за фикцию индивида как самостоятельной сущности». Удовлетворение телесных потребностей в условиях культуры — что в случае человеческой жизни означает: в любых условиях — обнаруживает полнейшую зависимость индивида от группы. Личность оказывается не чистым продуктом

физиологических процессов, а культурно сформированной сущностью. Изучая личность, мы должны, стало быть, учитывать не только организм и природный мир, но и произведенный человеком продукт, орудия и культурную ценность, которые являются порождениями групповой жизни. Пытаясь понять широкие вариации персонального поведения в матрице культуры, мы должны обращать внимание не просто на связь индивида с группой *вообще*, а на все разнообразие ассоциаций, в которых он участвует.

Эти вклады в понимание личности и общества, вносимые специалистами, исследующими разные аспекты человеческого поведения, отчетливо указывают на движение к признанию того, что социальное взаимодействие есть базовый процесс в формировании человеческой природы и социального порядка. Хотя базовые единицы анализа желательно и необходимо толковать по-разному, на поднятые нами реально значимые вопросы о человеческом поведении не может ответить ни одна из традиционных областей специализации. Проанализировав недостатки каждого частичного подхода к этой проблеме, мы увидим, что они в значительной мере являются порождением ограниченных перспектив, которые вели к искаженным представлениям о факторах, влияющих на человеческое поведение, если не соединялись с признанием альтернативных и комплементарных прозрений, предлагаемых другими дисциплинами. Можно считать признаком научного прогресса, что мы наконец-то сделали первый шаг в реалистическом анализе отношений между индивидом и группой, перешагнув те барьеры, которые издавна установились между различными академически обособившимися друг от друга дисциплинами.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ*

Человеческая экология как академически признанная интеллектуальная дисциплина значительно моложе нашего века. Свою концептуальную схему и в значительной мере свой метод она позаимствовала у растительной и животной экологии, которая сама появилась в научном мире лишь недавно. Когда в 1869 г. Эрнст Геккель ввел название для этой новой ветви биологической науки, он хотел привлечь внимание к тому факту, что строение и поведение организмов определяются в значительной степени их совместным проживанием с другими организмами того же вида и других видов, а также их средой обитания.

Что бы ни представляли собой люди, они, помимо прочего, животные и в этом своем качестве несут на себе отпечаток физической агрегации и своей среды обитания. Многие из того, что стало в итоге человеческой экологией, уже изучалось менее систематическим и научным образом географами, историками и философами под общей рубрикой «инвайронментализм». Новый импульс изучению человеческой экологии дали интерес к взаимосвязи между популяцией и средствами существования, вызванный работами Мальтуса, и новое понимание паутины жизни, в том числе выживания и развития видов, выдвинутое Дарвином и теоретиками эволюции.

Развитие демографии в XIX в. и более точное описание человеческих поселений, данное человеческой географией, вместе с зачатками социальных обследований конкретных сообществ, особенно в Англии, подготовили почву для систематической формулировки проблем и со-

* Wirth L. Human ecology // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 133–142. Впервые статья была опубликована в: American j of sociology. — Vol. 50 (May 1945). — P. 483–488.

вершенствования методов, из которых и выросли экологические исследования последнего поколения.

Социологи — как сельские, так и городские — исследовали человеческое сообщество с помощью методов, названных позже экологическими, задолго до того, как человеческая экология была признана отдельной областью научной деятельности. Серия важных карт пространственного распределения жизненных и социальных феноменов в Англии появилась в книге Генри Мейхью *«Рабочая сила Лондона и лондонские бедняки»*. *«Обследование жизни и труда населения Лондона»* Бута явило замечательный пример важности ареального исследования большого метрополиса. Фон Тюнен в *«Der isolierte Staat»* дал теоретическую схему для понимания последовательности концентрических зон регионального землепользования. Графическое изображение состава населения с помощью пирамид уже использовалось первопроходцами в переписях населения США. Были исследования городского землепользования, жилищного фонда и уровня бедности, заболеваемости и преступности. Имелись также и систематические интерпретации этих явлений, сделанные на высоких теоретических уровнях; ярким примером здесь будет, пожалуй, *«Прогресс и бедность»* Генри Джорджа. Исследования физических аспектов человеческого сообщества пробивали себе дорогу даже в социологические учебники, например, во *«Введение в изучение общества»* Альбиона У. Смолла и Джорджа Винсента. К. Дж. Гэлпин в своих обследованиях сельских сообществ и особенно в своей *«Социальной анатомии сельскохозяйственного сообщества»* указал методы объективного изображения взаимосвязей между торговым центром и его окрестностями. Вдобавок к этому, были многочисленные более или менее научные по характеру монографии о конкретных сообществах, поселках и городах в различных районах страны, в которых показывались их рост, их социальные характеристики, их физическая структура и уровень остроты проблем, таких, как обеспеченность жильем и социальная дезорганизация.

Но только в 1915 г., когда Роберт Э. Парк опубликовал в «Американском социологическом журнале» воодушевляющую статью *«Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде»*, то, что впоследствии получило признание как экологическое изучение человеческого сообщества, было сформулировано систематически. Предложения Парка дали толчок серии исследований, которые в считанные годы привели не только к накоплению богатых объективных дан-

ных, но и к осознанию важности изучения сообщества как физического факта для понимания его как социального явления и состояния духа, а со временем также и к признанию той роли, которую могла бы сыграть человеческая экология в изучении социальной жизни вообще.

Человеческая экология, в понимании Парка, была не частью социологии, а скорее перспективой, методом и корпусом знания, принципиально важными для научного изучения социальной жизни; следовательно, она, как и социальная психология, была общей дисциплиной, основополагающей для всех социальных наук. Он признавал ее родство с географией и биологией и ее происхождение от них. Вместе с тем он подчеркивал, что, в отличие от них, человеческая экология интересуется не столько отношениями между человеком и его средой обитания, сколько отношениями между человеком и человеком в той мере, в какой на них влияет, наряду с прочими факторами, их среда обитания. Отличая человеческую экологию от растительной и животной экологии, Парк подчеркивал уникальные характеристики человека и человеческого сообщества. Он отмечал, что, в отличие от растений и животных, люди в значительной мере сами создают свою среду; они сравнительно больше способны к передвижению и, следовательно, меньше привязаны к непосредственной среде обитания, в которую оказываются помещены природой; на них оказывают обуславливающее воздействие их способность к символической коммуникации, рациональное поведение, а также обладание сложной технологией и культурой. Более того, в агрегациях людей мы обнаруживаем, что жизнь индивидов регулируется осознанным контролем, правилами, нормами, законами, формальными организациями и институтами. Эти факторы вносят в изучение человеческой экологии усложнения, неведомые для растительного и животного мира.

В центре внимания экологических исследований до сих пор находились локализованные, или территориально ограниченные, социальные структуры и социальные феномены. В силу этого центральное положение в концептуальной схеме человеческой экологии заняло понятие сообщества. К сожалению, этому обыденному термину, как и всем другим обыденным терминам, употребляемым в научном дискурсе, свойствен такой недостаток, как двусмысленность. Ранняя литература по человеческой экологии уделяла много внимания различию между сообществом и обществом. В первом подчеркивались симбиотические связи, пространственные и временные параметры, физическая структура, конкуренция и разделение труда; в последнем выносились на передний план коммуникация,

консенсус, общие нормы, ценности, осознанный социальный контроль и коллективное действие. К сожалению, эти два идеально-типических аспекта человеческой социальной жизни зачастую путали с конкретными реальностями. В силу этого не удавалось увидеть, что все сообщества являются одновременно обществами, а все человеческие общества содержат в себе по крайней мере некоторые из характеристик сообществ. Например, конкуренция между людьми никогда не принимает форму слепой борьбы за жизнь и выживание. Скорее, она проявляет себя как более или менее регулируемая и контролируемая борьба за средства к существованию и за статус. Если в растительном и животном мирах механизмы коллективного поведения, которые в них присутствуют, встроены в структуру организмов и могут быть правильно описаны в терминах рефлексов и инстинктов, то поведение человеческого мира может быть понято только в свете привычки, обычая, институтов, морали, этики и законов.

Наряду с внушительной по объему теоретической литературой, которая появилась в области человеческой экологии, вклады этой дисциплины все более проявляются как аспекты конкретных исследований сообществ и регионов. По мере развития экологических интересов и техник почти во всех американских исследованиях сообществ становилось все более заметным использование экологических методов и знаний. Это касается исследований как сельских и городских сообществ, так и более широких регионов. Дело не только в том, что экологический аспект человеческой социальной жизни дает некоторую степень объективного знания, т. е. непротиворечивого описания физических фактов, и открывает возможности для высокого уровня измерения и точности, но также в том, что релевантность физической основы человеческой социальной жизни все выше ценится как условие понимания социокультурных феноменов. Поэтому человеческая экология стала занимать все более важное место в исследованиях сообществ, а также во всех исследованиях, имеющих ареальное измерение.

Возникновение человеческой экологии как научной дисциплины и ее новейшие достижения уже были адекватно рассмотрены другими авторами¹. В этом обзоре необходимо лишь коротко обрисовать новые ин-

¹ См.: McKenzie R. D. The field and problems of demography, human geography, and human ecology // The Fields and Methods of Sociology / Ed. by L. L. Bernard. – N.Y.: Long &

тересы, проблемы, процедуры и открытия этой дисциплины. Как и можно было ожидать, самые важные развития и достижения человеческой экологии обнаруживаются не в исследованиях, проходящих под этой рубрикой, а связаны с эмпирическими исследованиями сельских и городских сообществ и регионов, которые проводятся социологами, другими социальными учеными и специалистами в других практических областях, таких, как анализ рынка, администрирование и планирование.

Значительного прогресса удалось достичь в методах определения территориальных границ социальных феноменов и взаимосвязей. Благодаря этому родилось понятие естественного ареала, отличного от административного ареала. Было обнаружено, что поселение людей, паттернирование социальных институтов, уровень проявления социальных проблем и тонкая сеть социальных взаимоотношений не соответствуют, кроме отдельных случаев, произвольно ограниченным ареалам и что, следовательно, административные ареалы лишь изредка совпадают с экологическими, или естественными, ареалами. Например, типы землепользования и типы жилых ареалов, обнаруживаемые в городе при изучении городской жизни, не соответствуют аккуратным разграничениям участков, кварталов и другим политическим и административным границам. Ни преступность, ни заболеваемость, ни семейная дезорганизация, ни, вдобавок к тому, политические альянсы не укладываются в статичные паттерны формально принятых ареальных единиц. Они имеют собственные паттерны, и изменения в этих паттернах происходят в соответствии с совокупными условиями жизни. В человеческой экологии разработаны техники базовых карт, точечных карт и рейтинговых карт для более точного выяснения и определения действительной частоты и распределения этих феноменов. Идеальная концепция роста города, разработанная Бёрджессом¹, и многочисленные исследования делинквентности, семейной дезорганизации, расового и экономического распределения, жилого фонда, доходов и уровней жизни в сельских и городских ареалах показали, что исследователи социальной жизни не могут принять без существенного пересмотра представление и анализы данных,

Smith, Inc., 1934. – P. 52–66; Quinn J. A. Topical summary of current literature on human ecology // *American j. of sociology*. – Vol. 46 (September, 1940). – P. 191–226.

¹ Park R. E., Burgess E. W. *et al.* The city. – Chicago: University of Chicago Press, 1925. – Чап. II. (Рус. перев.: Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // *Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология*. – 2000, № 4. – С. 122–136.)

предлагаемые им официальными службами, которые обязаны пользоваться произвольными административными ареальными единицами. Развитие в городах переписных участков, например, со стороны Бюро переписи населения США, говорит о признании необходимости сокращения крупных произвольных ареальных единиц до как можно меньших единиц в целях научного исследования.

При изучении городских ареалов и метропольных регионов особенно остро проявилась необходимость в открытии действительной степени влияния, оказываемого центром на периферию. К институтам это относится в такой же степени, как к технологии и популяционным агрегатам. Метрополис благодаря своей замысловатой сети взаимосвязей обычно охватывает своим влиянием территорию, выходящую далеко за пределы непосредственно окружающих его урбанизированных окрестностей. Поскольку перепись изображает человеческие поселения в соответствии с тем, где люди спят, а не тем, где они работают, у нас нередко формируется ложное впечатление об экономическом и социальном единстве, образующем метрополис, и возникает склонность мыслить его прежде всего как политическую единицу.

Из признания факторов, которые лежат в основе распределения людей и объясняют дифференциацию типов человеческих поселений, вытекают важные следствия для социального контроля, особенно правительственного. Например, преступник волен перемещаться туда-сюда невзирая на политические границы, тогда как полиция связана по рукам и ногам жесткими границами ареальной юрисдикции; в то время как болезнетворные микробы не проявляют почтения к административным барьерам, медицинские чиновники часто ограничиваются в своей деятельности районом. Ничейная земля на границе двух или более юрисдикций, столь часто становящаяся благоприятным местом для незаконной деятельности, возникает в результате несоответствия между естественными и административными ареалами. Отсутствие совпадения между естественными ареалами (которые определяются протяженностью действительных функций и постоянно пребывают в текучем состоянии) и административными ареалами (которые определяются законом и относительно статичны) представляет особый интерес для организации и планирования сообщества. Если ареал организации и планирования сообщества не совпадает хотя бы примерно с ареалом, в пределах которого сосредоточены явления, подлежащие организации и планированию, неизбежно возникают путаница и неэффективность.

На исследования в области человеческой экологии возлагают большие надежды и ждут от них более реалистичной концепции сообщества и региона. В специальной монографии «*Метропольные районы*»¹, изданной по итогам 15-й переписи населения США (1930), ясно описана региональная протяженность по крайней мере наших крупнейших городских центров. В исследовании Маккензи о метропольном сообществе² прослеживаются «некоторые фундаментальные изменения, которые стали происходить в американских городах с появлением автомобильного транспорта», и «важнейшие структурные изменения, которые происходят в американском поселении» под влиянием новых технологических достижений. Взяв сферу территориального распространения газеты как один из факторов, определяющих границы метропольного региона и ареал влияния городских институтов, это исследование дало ориентиры для ряда дальнейших исследований экологических аспектов социально-психологических феноменов, которые прежде либо не замечали, либо считали недоступными объективному анализу. Последовавшие далее многочисленные исследования, посвященные ареалам радиопрослушивания и границам влияния таких городских институтов, как фондовая биржа, профессиональная организация, службы и учреждения здравоохранения, социальной защиты, образования, управления и культуры, в полной мере продемонстрировали теоретическую и практическую полезность этого подхода.

Нигде новая концепция метрополиса не получила такого признания, как в планировании. «*Региональное обследование Нью-Йорка и его окрестностей*»³, подготовленные Национальной комиссией по ресурсам отчеты «*Региональные факторы национального планирования и развития*»⁴ и «*Наши города: Их роль в национальной экономике*»⁵ со всеми приложениями, а также такие технические руководства по планированию, как «*Работа для города: Справочник по планированию сообществ*

¹ Metropolitan districts. – Washington: Government Printing Office, 1932.

² McKenzie R. D. The metropolitan community. – N.Y.: McGraw-Hill Book Co., Inc., 1933.

³ The regional survey of New York and its environs. – N.Y., 1927–31.

⁴ Regional factors in national planning and development. – Washington: Government Printing Office, 1935.

⁵ Our cities: Their role in the national economy. – Washington: Government Printing Office, 1937.

ва»¹, показывают, насколько глубоко в искусство и науку планирования проникли точка зрения, понятия, методы и открытия экологии. Это касается не только городских исследований, но в равной степени сельских и широких региональных анализов и мероприятий по планированию².

Даже когда планирование было в основном физическим, оно всячески приветствовало методы и открытия человеческой экологии; но с тех пор, как планирование стало включать экономическое и социальное проектирование и перепроектирование сообщества, человеческая экология заняла в нем еще более важное место. Планирование нацелено на оптимальное использование ресурсов и рациональную интеграцию жизни сообщества. Знание, которое сумел добыть эколог относительно размещения промышленности, распределения, сегрегации и сукцессии населения, ареалов влияния социальных институтов и взаимосвязи между физическими, технологическими, экономическими, политическими и культурными аспектами жизни сообщества, показало свою незаменимость.

Следует, между тем, заметить, что человеческая экология не была просто служанкой других социальных наук, с одной стороны, и таких практических искусств, как планирование, — с другой. В последние годы она создала солидный запас научного знания, обладающего самостоятельной ценностью, и обращалась к другим отраслям социальной науки за данными и гипотезами. Так, например, исследования коммуникации, общественного мнения, рынков и голосования внесли существенный вклад в формулировку проблем человеческой экологии, в массив данных, с которыми эта дисциплина работает, а также в объяснения и интерпретации, к которым она стремится.

Следует также отметить, что, хотя наиболее интенсивные исследования человеческой экологии сосредоточились на городских и сельских сообществах, человеческая экология применялась и к более крупным ареалам и всемирным феноменам. Так, помимо прочего, с помощью методов человеческой экологии изучались, по крайней мере предварительно, паттерны урбанизации, тенденции миграции, взаимоотношения между национальными государствами, функции фронтиров и проблемы

¹ Action for cities: A guide for community planning. — Chicago: Public Administration Service, 1943. Руководство издано при поддержке Американской муниципальной ассоциации, Американского общества планирования и Международной ассоциации городских менеджеров.

² См.: Vance R.B. Rural life studies / Prepared by the U.S. Department of Agriculture, Bureau of Agricultural Economics.

меньшинств; и есть все основания полагать, что знания, полученные в узких по масштабу локальных исследованиях, будут в будущем применены к миру в целом.

Накопление огромных массивов точного описательного материала и его графического изображения с помощью карт и диаграмм, к сожалению, привело некоторых исследователей к мнению, что либо эти факты сами себя объясняют, либо один набор экологических фактов может быть адекватно истолкован с помощью других экологических данных. В экологических исследованиях делинквентности, сумасшествия, семейной дезорганизации, религиозной жизни, политического поведения и социальных институтов иногда наивно допускалось, что, как только выявляется пространственное распределение людей, институтов, функций и проблем и устанавливаются их концентрация и дисперсия, экологу остается лишь связать эти феномены с другими экологическими данными и получить тем самым надежные объяснения. Этот взгляд не учитывает того, что социальная жизнь есть сложное взаимозависимое целое. Материальные условия существования — разумеется, важные факторы в детерминации социальной структуры и личных характеристик и поведения. Средства к существованию, конкуренция, разделение труда, пространственные и временные упорядочения и распределения — важные аспекты материальных условий существования и, в свою очередь, социальной жизни. Однако они не составляют всей социальной жизни. Напротив, как было адекватно продемонстрировано многочисленными исследованиями, типы установок, личностей, культурных форм и социальных организаций и институтов могут оказывать на формирование экологических паттернов и процессов такое же значительное воздействие, какое последние оказывают на обусловливание социальных и социально-психологических феноменов. На самом деле, учитывая наши нынешние знания о социальной причинности, мы вполне могли бы склониться к тому общему принципу, что физические факторы, хотя и оказывают немалое влияние на социальную жизнь и психологические феномены, являются в лучшем случае обусловливающими факторами, которые открывают возможности и ставят пределы социальному и психологическому существованию и развитию. Иными словами, они создают сцену для человека, актора. Мы еще не продвинулись настолько далеко, чтобы с уверенностью сказать, какую важность следует придавать тому или иному фактору, действующему в сложной сфере социального и психологиче-

ского, и еще менее готовы оценить относительную значимость физических факторов по сравнению с социальными и психологическими.

Это, конечно, не значит, что экологические исследования нерелевантны для социологии и социальных наук. Они дают незаменимый каркас знания, от которого зависит наше социальное и психическое существование. Они часто помогают нам в определении и локализации наших проблем. Они помогают нам выявить взаимосвязи, которые мы иначе не могли бы в полной мере осознать, и предлагают набор критериев для контролируемого исследования. До сих пор остается под вопросом, в какой степени экологические факты могут служить индексами социальных и психологических фактов. Например, использование дохода, рода занятий, ареала проживания, владения жильем, суммы арендной платы и продолжительности проживания по данному месту жительства вполне может быть оправданным при анализе социального статуса; но если социальный статус не считается тождественным экономическому статусу и если, как мы резонно могли бы предположить, сам экономический статус есть результат действия факторов, среди которых названные являются лишь некоторыми, то использование такого индекса, как сумма арендной платы, для экономического статуса, не говоря уже о социальном статусе, скорее всего будет вводить нас в заблуждение. Но если использовать такой индекс разумно, он может оказаться полезным для научного анализа, особенно если устанавливается его корреляция с другими фактами того же порядка.

Исследования, показывающие значимые различия в таких явлениях, как делинквентность и душевные расстройства, между разными ареалами города, чрезвычайно важны для развития научного знания. Установление градаций для уровней личностной и социальной дезорганизации от центра города к его периферии является научным достижением, которое выводит нас далеко за рамки обыденного знания, которое мы до сих пор имели. Но было бы нелепо говорить, что в самих внутренних ареалах или в том факте, что они прилегают к центру города, есть нечто, производящее высокие уровни делинквентности или иные формы социальной дезорганизации. Скорее, объяснение этих фактов мы должны искать в относительной концентрации и сегрегации определенных популяционных групп, живущих в определенных условиях и в определенной культуре. Таким образом, человеческая экология дает нам один из до сих пор ускользавших от внимания аспектов той матрицы, в которой происходят социальные события, и, следовательно, концептуальную схему и

батарей методов, с помощью которых эти социальные феномены могут быть полнее и адекватнее поняты.

Однако было бы напрасно ожидать от человеческой экологии, что она даст нам более чем частичный (segmental) взгляд на групповую жизнь человека, которую пытается изобразить и понять социология. Работая в сотрудничестве с исследователями социальной организации и социальной психологии, экологи человека могут дать более объемный и реалистичный анализ общества, чем это было бы возможно в ином случае. Они могут ввести в изучение социальных феноменов объективные референты, которые будут основательнее укоренять обобщения об обществе, к которым все социологи стремятся, во времени, в пространстве и в материальной реальности. Человеческая экология — не замена других схем соотнесения и методов социального исследования, а дополнение к ним. Внедрив в изучение социальных феноменов кое-что от духа естественных наук и многое из содержания и методов, присущих им, человеческая экология привлекла внимание к широким областям, где социальную жизнь уместно изучать так, как если бы наблюдатель не был неотъемлемой частью того, что он наблюдает. Это благотворное влияние, однако, было бы перечеркнуто, если бы экологи человека повели себя так, словно они с демографами и статистиками являются среди социологов единственными подлинными учеными, или стали считать, что только они способны понять и объяснить запутанные и неуловимые реальности в сфере социального и что помощь других, оперирующих другими методами, им не нужна.

ПРЕДЕЛЫ И ПРОБЛЕМЫ СООБЩЕСТВА*

О важности и интересности сообщества как предмета социологического изучения говорит целый ряд выдающихся книг, от таких теоретических трудов, как «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» Тённиса и «*Сообщество*» Макайвера, до таких практически ориентированных работ, как «*Организация сообщества*» Штейнера и «*Планирование соседства и сообщества*» Перри. Как и другие понятия, взятые из обыденного языка, термин «сообщество» употреблялся с небрежностью, граничащей с поэтической вольностью. У некоторых авторов сообщество обозначало те органические взаимосвязи, которые формируются в растительном и животном мире между организмами одного или разных видов, живущих вместе на симбиотическом базисе, и которые могут быть найдены также в человеческих отношениях. Другие имели в виду под сообществом связь скорее психическую, чем органическую, и, исходя из этого, переносили акцент с симбиоза на консенсус и с разделения труда на коллективное действие.

В этом, по всей видимости, состоит фундаментальное различие между точками зрения Герберта Спенсера и Огюста Конта. Если первый подчеркивал один аспект социального комплекса, а именно разделение труда, конкуренцию и взаимозависимость, то последний считал более фундаментальным фактом в социальном сплочении консенсус, т.е. общую культуру, общие переживания, цели и понимание. Акцент на том или другом из этих двойственных аспектов человеческой групповой жиз-

* Wirth L. The scope and problems of the community // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 9—20. Впервые статья была опубликована в: Publications of the Sociological Society of America. — Vol. 28 (May 1933). — P. 61—73.

ни настойчиво воспроизводится в истории нашей дисциплины. Он скрыто присутствует в различении «статуса» и «договора» у сэра Генри Мэна, в проводящемся Дюркгеймом различии между двумя типами взаимной зависимости, или *solidarité*, один из которых является органическим, а другой механическим; и он же кристаллизовался в смысловом различии между «сообществом» и «обществом», нашедшем выражение в трудах Тённиса, Макса Вебера, Парка и Бёрджесса и Макайвера.

«Сообщество» стало обозначать групповую жизнь, рассматриваемую с точки зрения симбиоза, а «общество» — групповую жизнь, рассматриваемую с точки зрения консенсуса. Территориальная база, распределение в пространстве людей, институтов и деятельностей, тесная совместная жизнь на основе родства и органической взаимозависимости, общая жизнь, базирующаяся на взаимном соответствии интересов, обычно характеризуют сообщество. Общество, в свою очередь, стало больше относиться к добровольным и договорным связям между людьми, на которые, как предполагалось, меньше, чем на органические связи между ними, влияет их распределение в пространстве.

Есть, стало быть, три базовых понятия, вокруг которых в значительной мере вращаются теоретические дискуссии в социологии: «социальная группа», «сообщество» и «общество». И поскольку неразборчивое употребление этих терминов ведет к путанице, нам, если мы хотим иметь достаточно устойчивые рамки соотнесения, необходимо ясно установить значения, которые мы придаем этим словам, когда их используем.

Термин «социальная группа» можно считать среди этих терминов самым широким, бесцветным и включительным. Он относится к любой агрегации или ассоциации людей, которую можно мыслить как каким-то образом сплоченную и имеющую собственное единство. Важность такого понятия, указывающего на сплоченность индивидов, предполагается Джосайей Ройсом, когда он говорит о «плодотворности агрегаций», имея в виду, что некоторые вещи, истинные для коллективов, не являются истинными для образующих их индивидов. Изучение групповых или коллективных аспектов человеческого поведения, составляющее основной интерес социальной психологии и социологии, основано на признании этого факта.

Среди социальных групп можно выделить два общих разряда: группы, которые лучше всего понимаются как сообщества, и группы, которые лучше всего могут быть поняты, если рассматривать их как общества. На самом деле это могут быть одни и те же социальные группы.

О каждой социальной группе можно сказать, что она распределена в пространстве, хотя для некоторых это территориальное распределение может быть менее значимым по сравнению с другими аспектами групповой жизни. Парк и Бёрджесс пишут: «Индивид может принадлежать ко многим социальным группам, но обычно будет принадлежать не более чем к одному сообществу, если только меньшее сообщество, членом которого он является, не включено в большее сообщество, в котором он тоже состоит членом». Вместе с тем было бы, пожалуй, чрезмерным упрощением сложности жизни говорить, как они, что «каждое сообщество есть общество, но не каждое общество является сообществом»¹. Трудно представить социальную группу, которая бы не проявляла некоторых характеристик жизни сообщества настолько, чтобы невозможно было нанести ее членский состав на карту. Мы используем выражение «социальная группа» как общий термин, по отношению к которому термины «сообщество» и «общество» имеют подчиненный характер; кроме того, последние взаимно соотносятся друг с другом.

Хотя термины «сообщество» и «общество», при рассмотрении их с точки зрения их исторического развития, могут показаться соперничающими друг с другом за исключительное внимание социологов, как только социологические интересы переключаются с проведения логических дихотомий и философской генерализации на анализ конкретных сегментов социальной жизни, выясняется, что это не взаимно конфликтующие сущности, а два взаимно дополняющих друг друга аспекта любой формы групповой жизни. Каждая социальная группа существует как в территориальных, физических и экологических связях, так и в социально-психологических связях; первые и вторые представляют собой два противоположных полюса, к тому или иному из которых каждая социальная группа в большей или меньшей степени тяготеет. Для ответа на некоторые вопросы социальную группу лучше мыслить как сообщество, для ответа на другие — как общество. Это не два разных вида групповой жизни, а два аспекта любой человеческой групповой жизни.

Что делает каждое сообщество обществом, так это, по-видимому, то, что человеческая социальная жизнь неизменно заключает в себе некоторую степень коммуникации. Вероятно, именно этот факт отличает растительные и животные сообщества от человеческих. Сообщества

¹ Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. — Chicago: University of Chicago Press, 1921. — P. 163.

растений и животных интересны для социологов, поскольку представляют в простейшей и самой абстрактной форме те симбиотические связи, которые до крайности усложняются в человеческом сообществе, где их затушевывает факт коммуникации и консенсуса. По словам Дьюи, имеется «не просто вербальная связь между словами *общий*, *сообщество* и *общение*. Люди живут в сообществе благодаря тому, что является для них общим; а общение — это способ, с помощью которого они приходят к этому общему, что они имеют»¹. Каждое сообщество всегда, стало быть, двойственно, заключая в себе, с одной стороны, совместную жизнь и, с другой стороны, участие в общей жизни. В случае растительного и животного мира вполне достаточно анализировать жизнь сообщества в терминах симбиоза и соревновательной кооперации, механизмы которых, так сказать, встроены в организмы. В случае человеческого сообщества, однако, мы никогда целиком не исчерпаем возможности нашего анализа до тех пор, пока, вдобавок к этому, не поймем участие индивидов в общих предприятиях, разделение общих надежд и идеалов и механизмы коммуникации и социального взаимодействия, которые не встроены в организмы, а существуют в языке, коллективных символах, законах и обычаях, короче говоря, в социальном наследии.

Понятие «сообщество» становилось все более значимым для социологов, и они вынуждены были все более с ним считаться благодаря его емкости. Оно обозначало широкий круг феноменов: от разделения труда до коллективного действия, от групповой жизни, рассматриваемой в ее вещественной форме, до психических процессов, заключенных во взаимодействии личностей. Таким образом, оно вмещало фактически весь спектр социологических интересов: от территориальной основы до коллективного действия, от человеческой экологии до социальной психологии. В каком-то смысле можно сказать, что понятие «сообщество», благодаря неясным и изменчивым его определениям, помогло нам обратить внимание на то, что все социальные феномены располагаются между этими двумя далеко отстоящими друг от друга полюсами.

Исторически «сообщество» было выражением, которое подчеркивало единство общей жизни народа или человечества. Однако даже поверхностная ретроспектива обнаруживает, что сама эта общая жизнь претерпевала глубокие изменения, которые отражались в изменении научного интереса к сообществу. Одна из главных задач в каждой челове-

¹ Dewey J. Democracy and education. — N.Y.: Macmillan, 1916. — P. 1–7.

ческой группе – порождение чувства того, что все к ней принадлежат. Перед лицом растущей механизации жизни, национального и культурного провинциализма, углубляющейся сегментации жизни и более детального разделения труда эта задача, по словам Макайвера, стала «не менее настоятельной, но более сложной»¹. При переходе от типа социальной организации, основанного на родстве, статусе и простейшем разделении труда, к типу социальной организации, который характеризуется быстрым технологическим изменением, мобильностью, развитием специальных групп интересов и формальным социальным контролем, сообщество приобрело новый смысл и обнажило новые проблемы.

Когда-то территориальные связи, родственные связи и связи, основанные на интересах, в большей степени совпадали в своих границах, чем сегодня. В сельском народном сообществе было явно больше от первичной группы (в том смысле, в каком употреблял термин Кули), чем в той форме групповой жизни, которая преобладает сегодня в западной цивилизации. Когда народная жизнь уступает дорогу технологической цивилизации, должны появиться новые основания для социальной интеграции, если люди хотят сохранить способность действовать коллективно перед лицом расходящихся интересов и растущей взаимозависимости. Переход от статуса к договору, отчетливо проявляющийся в тенденции перехода от семьи к государству как господствующей форме социальной организации, и переход от относительно высокой степени местной самодостаточности к хрупко и неустойчиво уравновешенной международной взаимозависимости, лучше всего представленный в переходе от натурального обмена и локальных рынков к международной торговле, финансам и политике, предполагают более широкий территориальный базис для жизни сообщества и неустойчивый характер общего мнения и действия в современном сообществе. Территориальные границы современных сообществ не могут быть проведены на основе какого-то единственного критерия. Каждый важный интерес в жизни сообщества может иметь разный диапазон влияния и подвергаться, в свою очередь, ответным влияниям извне косвенного и отдаленного типа. Умножение корпоративных групп в современную эпоху, широкая дисперсия их членского состава и возрастающее количество уз идентификации и аффилиации

¹ MacIver R. M. Community; a sociological study, being an attempt to set out the nature and fundamental laws of social life. – N.Y.: Macmillan, 1936. – P. 51.

индивида с разными обществами часто скрывают от глаз тот факт, что каждое общество есть также в какой-то степени и сообщество.

Среди исследователей коллективного поведения растет осознание того, что современное сообщество, в отличие от старого его прототипа, базируется на ином принципе сплочения образующих его элементов, что может быть увидено через контраст между родством и территорией, между чувством и интересом, между статусом и договором и между обычаем и правом. Примечательный факт, касающийся сегодняшней жизни сообщества, состоит в том, что оно в такой же мере способно к коллективному действию, в какой кажется к нему способным, и это при том, что у него нет почти ничего, кроме механизма газет и технических средств, что связывало бы его воедино. Компетентность наших нынешних публик, взятых отдельно от специализированных профессиональных групп, сект и групп интересов, ограничена простейшими и элементарнейшими вопросами. Если проблемы нашей жизни в сообществе становятся все более сложными и техническими, то наша жизнь в обществе становится чрезвычайно мобильной и скудной, а относящаяся к ней сфера согласованного мышления и действия — такой же неуловимой и мимолетной, как заголовки на первых страницах наших городских газет. Если не брать немногие глупые стереотипы и сенсационные «по-человечески интересные» новостные материалы, у нас нет универсума дискурса, основанного на общих смыслах, и мы не развили адекватной техники интегрирования разных и зачастую конфликтующих мотивов особых групп интересов. Именно этот растущий разрыв между нашей взаимозависимостью и нашей способностью действовать как единое целое, между нашей потребностью в организации и неудовлетворением этой потребности тенденцией современной социальной жизни поверг в отчаяние друзей демократии и по сути парализовал движение за организацию сообществ. Движение «разгребателей грязи», движение социальных обследований и движение за организацию сообществ можно рассматривать как три тесно связанных друг с другом движения, исходящих из признания этих фактов.

Когда территориальные единицы, на которых зиждется наша политическая организация, перестают совпадать с ареалами экономической и культурной организации, результатом становится не только неэффективность в управлении; могут проявиться проблемы дезорганизации сообщества, такие, как крушение институтов, политическая коррупция, физическое обветшание, порок, преступность и паралич коллектив-

ного действия. Насущные проблемы жизни сообщества удручающим образом игнорируют политически определяемые или исторически складывающиеся административные границы. С точки зрения исследований, которые постепенно признаются необходимым предварительным шагом в развитии техник планирования сообщества и контроля над ним, самым печальным следствием несоответствия между границами сообщества и границами административного ареала становится нестабильность и несопоставимость во времени единиц, в отношении которых собираются базовые статистические данные, правительственные и пр.

Принятие сравнительно мелких переписных участков как постоянных единиц для сбора такого базисного материала для изучения сообществ служит, по крайней мере отчасти, решением этих затруднений. Это расхождение между естественными и административными границами выявилось отчасти благодаря попыткам найти и определить локальные единицы для сбора и накопления статистических данных, таких, как данные переписи и иная базовая социальная информация. Конкретное социологическое изучение сообщества, стало быть, привлекло внимание к потребности, случайно сопутствовавшей исследованию, тем самым указав путь к реорганизации административных ареалов. Некоторые серьезные трудности, с которыми сталкиваются исследователи проблем сообщества, особенно в городских сообществах, в какой-то мере связаны с тем, что эти проблемы выходят за официальные пределы города и приобретают региональный масштаб. Наша взаимозависимость, наша мобильность и новые механизмы, влияющие на коллективное поведение, снабжают практически все проблемы жизни сообщества в нашей культуре более чем локальной, а порой даже более чем региональной средой и значимостью.

Когда исследовательские интересы переключились с более абстрактного рассмотрения жизни сообщества на изучение конкретных ареалов, деревень, поселков, городов и регионов, стала очевидной важность наличия относительно стабильных и сопоставимых единичных ареалов и непрерывно отслеживаемых показателей изменения в жизни сообщества. Но здесь, как, впрочем, и везде, факты не валяются под ногами в ожидании того, когда любопытные социологи их поднимут. Данные релевантны только для специфических проблем, и каждая проблема может требовать своего набора фактов, которые необходимо открыть, организовать и проинтерпретировать, чтобы прийти к каким-то выводам. А потому мы

должны ясно сформулировать вопросы, на которые хотим ответить, прежде чем сможем сказать, какие данные будут релевантными.

Поскольку сообщество интересует нас как ученых, а не как технических специалистов или политиков, ряд вопросов о нем, которые мы поднимаем, более общи, более абстрактны и, вероятно, более универсальны, чем вопросы, возникающие в рамках практических дел повседневной жизни. И если это так, то мы могли бы составить перечень данных, которые считались бы минимально необходимыми для социологического изучения любого сообщества. Если наша теория правильна, то эти данные должны оказаться базисными и для решения практических и технических проблем существования в сообществе. Более того, любое приемлемое определение сообщества плодотворно только в той степени, в какой оно не просто определяет область исследования, но и предлагает набор вопросов или гипотез, для ответа на которые и проверки которых могли бы собираться специфические множества данных.

Один из аспектов любого сообщества — это его территориальный базис. Определение центра и границ сообщества есть, следовательно, предварительная задача любого исследования. В прошлом, когда интересы социологов еще не были определены так ясно, как теперь, ареал сообщества устанавливался либо произвольно, либо по политическим или административным границам. В настоящее время даже в такой официальной процедуре, как определение метропольных ареалов для нужд переписи, наметилась тенденция выделять территории на базе четких критериев внутренней связности сообщества и установления границ влияния разных сообществ друг на друга. Бюро переписи, определяя периферию метропольных районов, пользуется такими критериями, как административные границы, ареалы розничной торговли, ареал маятниковых миграций между работой и домом, локальные почтовые или транспортные тарифные зоны. Чем больше мы интересуемся регионами как сообществами, тем более мы склонны принимать во внимание другие факторы, такие, как зона распространения газет, ареалы оптовой торговли, банковские ареалы и более широкие культурные ареалы, над которыми данное поселение осуществляет свое господство.

То, что относится к регионам и более крупным сообществам, относится в равной степени и к меньшим ареалам внутри сообщества, таким, как зоны и соседства в городах. Здесь, как и при определении центров и периферий более крупных ареалов, социологи применяют эмпирические критерии определения единиц, по которым они собирают и орга-

низуют данные. Возможно, самый простой способ взглянуть на ареал — это рассмотреть его как распределение населения. Простая табуляция таких данных для разных ареалов будет обычно обнаруживать ощутимые различия в популяционном составе — в возрастных и половых пропорциях, национальном составе, роде занятий и группировании по доходам, — которые могут быть соотнесены с другими социальными данными, такими, как владение жильем, оседлость или миграция, состояние здоровья, уровни делинквентности и преступности, частота психических заболеваний, активность на выборах, политическая и религиозная принадлежность, а также другие характеристики популяционных групп.

Изучение распределения населения как такового традиционно было делом демографов. Но если мы мыслим ареал как сообщество и трактуем его как обладающий некоторого рода единством, мы переходим из демографии в сферу человеческой экологии. Эколога интересуют процессы, такие, как вторжение, концентрация, сегрегация, сукцессия и мобильность, происходящие с населением в ареалах, рассматриваемых как единицы, или сообщества. Однако в человеческих сообществах, в отличие от сообществ растений и животных, мы имеем дело не просто с пространственными отношениями и отношениями по поводу самосохранения, но неизменно находим усложнение этих элементарных взаимосвязей экономическими, политическими и культурными факторами. Пространство и время переводятся в стоимость, борьба за жизнь превращается в борьбу за средства к существованию, а состязательная кооперация становится конфликтом и осознанным сотрудничеством для достижения общей цели.

Социолог видит сообщество не только как распределение и конкуренцию населения, но и как физический механизм, состоящий из зданий, улиц, средств коммуникации и транспорта и комплекса технических приспособлений, которые трансформируют ареал в человеческую среду обитания. Распределение населения связано взаимным влиянием не только с характером ландшафта, но и с такими факторами, как цены на землю, типы использования земельного фонда, доступность мест (во времени и в стоимостном выражении), наличная техническая инфраструктура жизни сообщества. Паутина жизни, в которую вилетены человеческие сообщества, несопоставимо сложнее и техничнее, чем паутина жизни растительного или животного сообщества.

Еще один подход к сообществу — мыслить его как констелляцию институтов. Сюда входят не только формальные и установленные соци-

альные структуры, такие, как школы, церкви, суды, деловые учреждения и поселения, но и такие феномены, как семьи, соседские организации, политические партии, доходные дома, банды, клубы, газеты и рекреационные центры. Институты имеют историю и естественную историю; последняя связана с сообществами, в которых они возникают, и является их сегментом. Институты можно изучать с точки зрения их местоположения, пространственного распределения людей, в чьей жизни они функционируют, изменяющихся ролей, которые они играют в жизни общества, и можно изучать их как конкурирующие и конфликтующие друг с другом в попытках завоевать интерес и лояльность населения. Именно к этому аспекту жизни сообщества в первую очередь проявляет интерес движение за организацию сообществ, но только сейчас мы начинаем собирать данные, которые могли бы придать этому движению больше основательности и эффективности, чем раньше.

Более специфически социально-психологический подход к сообществу представлен видением сообщества как констелляции типов личностей. Более объективные и внешние данные относительно сообществ, обозначенные выше, явно нуждаются в дополнении более субъективным материалом, добываемым только через личный контакт с людьми и через посредство личных документов. Статистические данные, содержащиеся в цифрах переписи, могут наполниться смыслом лишь при понимании культуры, активными и динамичными составными элементами которой являются личности. Каждое сообщество может ставить определенные пределы возможностям личностного развития; в каждом сообществе обычно есть широкий репертуар личностных типов, который можно проанализировать и классифицировать; и вместе с тем, как подметил Адам Смит, есть некоторые типы личности, которые могут быть обнаружены только в больших городах. Распределение компетентности, таланта и дарований по разным ареалам города и между сельской местностью и городом может быть очень неравномерным. В некоторых сообществах можно найти отличительные типы личности, уникальные для данного ареала и являющиеся достоверным отражением его жизни. Концентрация особых типов личности в особых ареалах, в которых они находят или создают для себя гостеприимную культуру, — один из факторов, придающих городу его отличительный колорит.

Социальные проблемы сообщества можно мыслить как проистекающие из конфликтов между установками, ценностями, личностями, институтами и экономическими, расовыми, политическими и культур-

ными группами. Эти конфликты можно рассматривать как индексы социального изменения, роста и дезорганизации и легче всего понять, если видеть в них части или симптомы более широкой конфигурации сообщества, которая, с точки зрения социолога, может быть разложена на экологическую, экономическую, технологическую, культурную и политическую составляющие.

Отсюда вытекают три типа задач, которые необходимо решить, чтобы этот материал вышел за рамки праздного любопытства и стал полезным как с научной, так и с практической точки зрения. (1) Факты, касающиеся проблем сообщества, должны удостоверяться единообразным и непрерывным сбором базовых данных, дабы их можно было использовать как индексы социального изменения, роста и дезорганизации. (2) Эти факты требуют соотнесения друг с другом, так чтобы их можно было рассматривать как аспекты более широкого целого, а именно целостности жизни сообщества. (3) Прозрения, полученные из рассмотрения этих проблем как индексов фундаментальных взаимосвязанных изменений сообщества, должны помогать координировать техники решения проблем и планирования. Локальные и региональные исследования в Чикаго, региональное обследование Нью-Йорка и его окрестностей и различного рода специализированные мероприятия, которые осуществлялись в последнее время в национальном масштабе действующим в Чикаго Аналитическим центром государственного управления, симптоматичны и, возможно, предвещают новый взгляд на сообщество. Чтобы осмысленно планировать будущее, мы должны знать кое-что о настоящем и о процессах, которые обуславливают изменение нашей жизни в тот самый момент, когда мы ее изучаем. Ни абстрактные теории, ни эмпирические факты не дадут нам прочного основания для действия до тех пор, пока мы не признаем необходимость тщательной и широкой эмпирической работы, которая должна занять свое место между теоретическим анализом и практическими программами.

Значительная часть полных энтузиазма усилий была посвящена и все еще остается до какой-то степени посвященной тому, что называется организацией сообщества. Последнюю можно понимать в узком смысле как заключающую в себе просто локальные усилия по переупорядочению на основе здравого смысла институциональных механизмов с целью приспособить их к предполагаемым потребностям сообщества путем создания новых институтов, законодательной работы или стимуляции коллективного действия. Вместе с тем ее можно понимать и в широком смысле

(учитывая локальные, региональные и более широкие территориальные взаимосвязи), опираясь на непрерывный, а не на спорадический сбор фактов, рассматривая ее как нечто целостное и анализируя ее в терминах базовых социальных процессов. Есть признанная потребность в последнем типе организации сообщества, принимающем форму социально-планирования.

Как и в любом кризисе, в нынешних чрезвычайных обстоятельствах нет недостатка в панацеях, предлагаемых для переустройства социальной жизни на более адекватных основаниях. Некоторые считают, что перспективы нашего социального порядка лежат в возвращении к локальным узам соседства. Однако тенденция нашей цивилизации, как все мы чувствуем, ведет в противоположном направлении. К локальному самодостаточному соседскому сообществу нельзя вернуться, кроме как отбросив технологические и культурные преимущества этой изменчивой, ненадежной и взаимозависимой, но при этом чрезвычайно интересной и широкой жизни сообщества, а отказаться от этого мало кто готов. Между тем социологи, исследующие сообщество, независимо от того, работают они в локальном, региональном или в более широком масштабе, благоразумно посвящают силы анализу более фундаментальных процессов жизни сообщества и социального изменения, на котором только и может базироваться серьезная программа социальной реорганизации. При нынешнем состоянии нашего знания всякое предсказание, которое мы можем сделать, несомненно, будет сопряжено с большой долей риска ввиду фрагментарности и неопределенности наших данных; но в той мере, в какой мы надеемся опереться в коллективном действии на интеллект, а не на удачу, мы выбираем не между предсказанием и непредсказанием, а между лучшим или худшим предсказанием. Благодаря строгому определению наших понятий, благодаря осознанию взаимосвязи различных сегментов материала, с которым мы работаем, благодаря наличию более точных и поддающихся широкому сравнению данных, а также благодаря интенсивному анализу более фундаментальных и, возможно, с необходимостью более абстрактных проблем социологический подход к сообществу обещает нам в конечном итоге более высокий уровень социального контроля.

Науки отличаются друг от друга не столько предметом, сколько разными вопросами, которые они задают в отношении этого предмета. Не все вопросы одинаково плодотворны, но мы тем ближе к науке, чем более способны задавать научные, т. е. абстрактные, теоретические,

универсально значимые вопросы по поводу нашего предмета. Социальное обследование проявляло интерес прежде всего к нахождению демографических фактов. Движение разгребателей грязи занималось в основном разоблачениями, ведущими к коллективному действию. Движение за организацию сообщества проявляло интерес главным образом к институциональным аспектам жизни сообщества. Как бы ни были важны для своего времени эти движения, они, как практические движения и техники, лишь во вторую очередь заботились о постановке вопросов, представляющих научный интерес.

Курсы о сообществах, несомненно, будут читаться в университетах и в будущем, так же, как они читались в прошлом, и есть основания надеяться, что практические усилия по организации сообщества и социальному планированию дорастут до возможностей и потребностей нашего времени; между тем, вряд ли этой деятельности пойдет на пользу социологическая монополия. Когда-нибудь социолог, если он хочет доказать свое право называться ученым, доведет до совершенства свои теоретические изыскания в областях человеческой экологии, социального взаимодействия и социальной психологии, и своими открытиями относительно этих более абстрактных вопросов, которые он имеет все шансы сделать и которые в малом масштабе он уже сделал, он в конечном итоге внесет неопределимый вклад в понимание сообщества.

СОЦИОЛОГИЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*

В каком-то смысле все данные всех социальных наук суть исторические данные. Иногда различные социальные науки импровизируют свои собственные истории; в других случаях им подворачивается счастливая возможность обнаружить, что некий историк уже поработал над тем, чтобы предоставить им упорядоченное сличение фактов, на основе которого можно строить обобщения. Связь между социологией и локальной историей, которой в первую очередь посвящена эта статья, — это связь, в которой социолог является потребителем продуктов исторической эрудиции. Историки, разумеется, не создают историю главным образом для того, чтобы ее потребили социологи. Их клиентура широка и разнообразна, и кое-что из того, что они производят, несомненно, потребляется ими самими.

Как и другие гуманитарии, люди искусства и даже ученые, по крайней мере в нашем типе цивилизации, историк не должен оправдывать свое существование полезностью того, что он делает. Его терпели бы, даже если бы он занимался историей ради нее самой. Он получал бы некоторую поддержку от общества, даже если бы не мог придать открываемым им фактам никакой иной ценности, кроме простой новизны. В истории, как и во многих других научных дисциплинах, некоторые из самых значимых результатов приносила страсть к бесполезности. Но независимо от того, утверждает ли историк упрямо в своих трудах «*Wie es eigentlich gewesen ist*» в скромной роли служителя других социальных наук, следует ли своему призванию ради него самого или исходя из ка-

* Wirth L. Sociology and local history // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 177–188. Этот материал представляет собой фрагмент неопубликованной рукописи (рукопись не датирована).

ких-то других мотивов, именно по его плодам мы узнаем его и определяем нашу связь с ним.

Дабы меня не упрекнули ходячим афоризмом, что «бедным выбирать не приходится», спешу добавить, что связь между социологией и историей никоим образом не является односторонней. Историк не начинает с *tabula rasa*, когда приступает к установлению фактов истории. Фактов не существует; их делают. Они конструируются людьми, у которых есть что спросить касательно опытов, с которыми они сталкиваются, и интерпретируются в свете пресуппозиций, которые вопрошающий имеет в виду, когда начинает свое исследование. Некоторые из этих пресуппозиций заимствуются из обыденных и научных обобщений, уже имеющих хождение, а некоторые из последних, особенно те, которые касаются процессов, формирующих человеческую личность, и базовых факторов, формирующих институты, социальные движения и идеи, осознанно или неосознанно перенимаются из социально-научных дисциплин, одной из которых является социология.

Конечно, жаль, что, с одной стороны, социологи не всегда знают, куда обратиться за наиболее аутентичными историческими фактами, а, с другой стороны, историки не всегда заимствуют наиболее надежные социологические обобщения. Однако то, что существует тесная взаимозависимость между этими двумя дисциплинами, едва ли подлежит сомнению. Оптимальное перекрестное опыление между ними будет достигнуто скорее тогда, когда практик каждой из этих дисциплин будет занят своим делом, нежели когда он будет пытаться взять на себя функции другого. Тем не менее каждый должен знать как можно больше о том, что другой делает, чтобы уметь отличить в трудах другого подлинное от поддельного, а значимое от тривиального.

Связь между историей и социологией можно рассмотреть конкретно на примере связи между социологией и *локальной* историей. В некотором смысле, вся история есть локальная история, поскольку все события происходят в конкретное время и в конкретном месте. Обыватель, однако, склонен видеть в типичном историке человека, который обыкновенно орудует большой кистью и рисует широкими мазками на просторном холсте. История, как и бизнес, если воспользоваться словами покойного судьи Брандейса, поражена «проклятием крупности». Обыватель и, подозреваю, немало самих историков приписывают наибольший престиж историку вселенскому и национальному. Местная ис-

тория до сих пор считается уделом любителя и историков менее породистых.

Есть, конечно, и такие цепочки событий, которые могут быть адекватно восприняты только в универсальном, континентальном или национальном масштабе. Пока мы продолжаем жить в условиях той формы политической организации, которая известна как национальное государство, а человеческие дела совершаются в космической матрице, мы будем требовать национальных и всемирных историй для привнесения смысла в стереотипы, засевшие в наших головах. Всемирная и национальная история, между тем, не парит в вакууме. Ее образуют дела реальных и конкретных людей, которые сформированы особыми локальными влияниями, со всех сторон их атакующими, и которые принимают более широкие или более узкие роли в соответствии с широтой или узостью той конкретной сцены, на которой им надлежит действовать. Даже на национальные решения часто оказывают определяющее воздействие относительно локальные события. Когда будет писаться адекватная история роли Соединенных Штатов в период после Первой мировой войны, хорошо было бы принять во внимание тот факт — или то, что я считаю фактом, — что решающим персонажем этого критического периода был не бывший президент Принстонского университета с космополитическим мировоззрением, а небольшая группа узко мыслящих западных сенаторов, к коим присоединились, разумеется, некоторые столь же узко мыслящие или введенные в заблуждение новоангличане, которые верили или надеялись, что они выражают чувства и предрассудки незначительных в численном отношении континентов избирателей в их особых законодательных вотчинах.

Взгляд на локальную историю, который мне наиболее близок, лучше всего проиллюстрировать через сопоставление со структурой мозаики. Каждый кусочек локальной истории может быть рассмотрен как фрагмент, вносящий свой вклад в целостный дизайн. Но в отличие от фрагментов в мозаике, каждая локальная история обладает также своим собственным миниатюрным дизайном, который может как иметь, так и не иметь сходство с тем Левиафаном, частью которого он является. Все общие положения истории, поскольку они отражают нечто истинное для коллектива, такого, например, как нация, должны, конечно, базироваться на положениях меньшего масштаба и быть делимыми на такие положения. Иногда общее положение представляет среднее — среднее, медиану или моду, — рассчитанное на основе множества примеров, или

случаев. Иногда оно выражает нечто уникально истинное для единой конфигурации, такой, как нация или мир. Меня не столько занимает локальная история как миниатюрная копия национальной истории или как средство того синтеза, который мы зовем национальной историей, сколько интересуют ее внутренние характеристики. Иными словами, я хотел бы ограничиться обсуждением локальной истории как того, что существует по собственному праву.

В этой связи, быть может, уместно привлечь внимание к американскому историографическому инциденту, который кажется мне символическим в свете дальнейшего развития исторической науки в Соединенных Штатах. Я имею в виду тот факт, что университетское изучение истории в Соединенных Штатах фактически началось с «*Исследований в исторической и политической науке университета Джонса Хопкинса*». Это пионерское начинание в деле локальных исторических исследований, инициированное в 1883 г. Гербертом Б.Адамсом, похоже, было подавлено доминирующими тенденциями исторической учености последующих поколений. Дело выглядит так, словно историками с тех пор овладели иллюзии величия. Первый том этой серии представлял собой собрание статей о «Локальных институтах». Во введении к этому тому Эдвард Фриман, очевидно, под воздействием скромного масштаба содержащихся к нему статей, счел необходимым привести следующую *apologia*:

«Изучение местных институтов штатов, округов, городов и т.п. в Соединенных Штатах и, по сути, в Америке вообще является, на мой взгляд, делом, представляющим гораздо больше, чем местный интерес... Когда бы институты ни вырастали сами по себе... они становятся предметом научного изучения. Институты Массачусетса и Мериленда – не просто институты Массачусетса и Мериленда. Они являются частью общих институтов английского народа... Короче говоря, история массачусетского церковного прихода или мерилендского поместья становится, если взглянуть на нее в научном духе, частью общей истории мира. Если сказать, что сегодня в Массачусетсе существует некоторый обычай, или сказать, что много веков тому назад в Афинах существовал некоторый обычай, то в обоих случаях мы будем иметь образцы знания, которые, если не пойти дальше, не имеют большой ценности и не представляют большого интереса. Но если вы сможете привести массачусетский обычай и афинский обычай в какого-то рода связь друг с другом, если вы сможете показать, что, при всех несходствах в деталях, через оба проходит сходство общей ведущей идеи, если вы сможете показать, что это сходство не результат простой случайности, а что оно мо-

жет быть объяснено общим происхождением из общего источника, если вы сможете показать, что моменты несходства тоже отнюдь не случайны, а могут быть объяснены различиями во времени, месте и обстоятельствах, — если вы сможете все это сделать, то вы действительно сделаете нечто для научного изучения сравнительной Политики»¹.

Из этого комментария очевидно, что Фриман понимал локальную историю не столько как материал для социологов, сколько как саму социологию.

Интересен и показателен тот факт, что о темах, выбранных практически всеми участниками этих первых семинаров по истории в Университете Джонса Хопкинса, можно догадаться заранее, зная, из каких конкретных сообществ прибыли эти исследователи. Конечно, как справедливо указывает Фриман, эти локальные исследования, будь то тотальные истории сообщества или частичные истории какого-то из аспектов жизни сообщества, писались на заданную тему, а именно, были иллюстрациями того тезиса, что американские сообщества — это трансплантации, продолжения и локальные адаптации сообществ Старого Света, соответствующие специфическим паттернам, которые были приняты в западной цивилизации. В силу этого уникальная ценность и особые проблемы локальной истории недооценивались. Тем не менее эти исследования невольно внесли вклад в совершенствование техник локальных исследований и оценку их особых достоинств. Все их авторы, казалось, были во власти идеи, что они не просто изображают отдельные локальные исторические последовательности, а закладывают своей работой надежный исторический фундамент для построения генерализирующих социально-научных дисциплин. Особенно хорошо это видно в исследовании Дж.Джонсона-мл., озаглавленном «Рудиментарное общество среди подростков»². Проф. Адамс, представляя это исследование, говорит:

«Когда начиналась публикация *Johns Hopkins University Studies*, редактор вовсе не предвидел, что кто-то из авторов станет опускаться в шкале институциональных тем ниже городков, приходов, поместий и т.д. Но м-р Джон Джонсон-младший... обра-

¹ Johns Hopkins University studies in historical and political science. — Vol. I. — 1883. — P. 14.

² Johnson J., Jr. Rudimentary society among boys // Johns Hopkins University studies. — Vol. II. — 1884. — P. 5–8.

тился к влиянию учительской среды на сельскую школу для мальчиков и начал изучать аграрные обычаи и институциональные инстинкты рудиментарных граждан нашей более широкой республики. На первый взгляд, такое изучение подросткового общества может показаться ребяческим и несколько тривиальным, но более внимательный взгляд на обычаи и институты макдоноховских мальчиков убедит читателя, что они вполне заслуживают научного наблюдения. Между тем, жизнь этого подросткового общества столь курьезно живописна, что кто-то из читателей может заподозрить м-ра Джонсона в написании своего рода политического памфлета с социалистической моралью. Но его утверждения – всецело строжайшие факты, зафиксированные с добросовестностью и кропотливой точностью местного историка. Современные исследователи находят исторический и социологический материал в таких художественных сочинениях, как “Республика” Платона, “Утопия” Мора и “Новая Атлантида” Бэкона, но некоторые ученые сочли достойным использовать те несметные богатства фактов и иллюстраций для институциональной истории, которые лежат буквально за нашими дверями. М-р Джонсон сделал, возможно, первый шаг в этой новой и интереснейшей области... Работа м-ра Джонсона... представлена в настоящем номере *Studies* в надежде, что она, быть может, вдохновит на аналогичные исследования других.

Редактор просит позволения обратить внимание на социологическое и институциональное значение этой монографии. На старой плантации в Мериленде... обрело жизнь свежее и юное общество. Пусть пока еще под надзором наставника, но мальчики проходят во многом через тот же цикл аграрной истории, через который снова и снова проходили ветви великой арийской расы... В своей картине Института МакДонноха м-р Джонсон показал нам микрокосм не только аграрной, но также политической и экономической истории общества... Социолог и исследователь человеческих институтов могут открыть в компании подростков не только рудименты простейшего общества, но и семена его развития... Мир уже обладает довольно большим запасом великих принципов и теперь нуждается в свежем сборе фактов, дабы подвергнуть все проверке и крепко держаться того, что хорошо. Аристотель начал свой великий трактат о политике с обсуждения первичных элементов государства, семьи в ее элементарных частях, деревенской общины, состоящей из группы домовладельцев, и города, или содружества, сформированного ассоциацией деревень. Из таких элементов, как эти, должна постоянно реконструироваться не только политическая наука, но и практическая политика... Все исследователи социологии должны уразуметь эту же радикальную истину и должны также помнить... что изучение отдельных элементов социальной и политической жизни (школы и колледжа, поселка и города, государства и нации) есть подлинный метод развития социологии и политики вообще».

Я не имею ничего против утверждения, имплицитно заложенного в этих исследованиях и повторяемого Констанцией МакЛафлин Грин в аналогичной программе декабря 1939 г., что изучение локальной истории имеет первостепенное значение, поскольку «в ней кроются корни американской цивилизации». Но я хотел бы подчеркнуть то, что я считаю королларием этого положения, а именно, что локальная история не просто представляет корни американской цивилизации, но и плодоносна сама по себе. Точно так же я искренне согласен с утверждением миссис Грин о «необходимости изучения американской жизни снизу доверху», но сам лично был бы в равной степени доволен изучением ее внизу без всякого намерения подняться наверх¹.

Есть некоторые значимые аспекты социальной жизни, которые могут быть схвачены лишь при условии, что социальная жизнь видится с небольшого расстояния. Есть некоторые качества жизни, которые присутствуют или ясно проступают только во взаимоотношениях между лицами в интимных группах. Есть институты, существующие только в специфических локальных мирах, и процессы социального взаимодействия, которые не могут быть найдены нигде, кроме как в специфической культурной среде, где индивиды взаимодействуют как личности, а не как функционеры. Как бы ни были важны факты и прозрения локальной истории в качестве ручейков, питающих поток истории в более широком масштабе, как бы ни были важны локальные вариации для уточнения более объемлющих исторических положений и сколь бы ни были нужны факты локальной истории для установления и проверки общих научных положений о человеческой природе и социальном порядке, именно в уникальных чертах локальной истории ее связь с социологией является наитеснейшей.

Эти уникальные черты локальной жизни, которые имеют тенденцию исчезать, когда единица социальной жизни укрупняется в плане численности и территории, могут быть использованы для иллюстрации возможностей тесного сотрудничества между социологами и местными историками. В другом месте я уже отмечал, что город есть единица социальной жизни, более крупная, чем та, в которой каждый житель может знать все о каждом другом жителе². Это мне кажется сутью локализма.

¹ Green C. M. The value of local history // Ware C. F. (ed.) Sources for cultural history. — N.Y.: Columbia University Press, 1940. — P. 275.

² См. статью «Урбанизм как образ жизни».

В каких бы других отношениях люди ни встречались друг с другом, они встречаются также в этих интимных личных отношениях, или в том, что Кули назвал «первичной группой». Они сталкиваются друг с другом лицом к лицу и встречаются как личности, а не в тех частичных ролях, в которых они функционируют в широком мире. Прежде чем Авраам Линкольн стал президентом, он был в каком-то роде местным политиком, и в своей роли окружного адвоката, соседа, друга и семейного человека он продемонстрировал и приобрел некоторые характеристики, которые могут как проступить, так и не проступить ясно в его карьере национального героя, но которые, несомненно, пришлось бы принять в расчет при необходимости адекватно проанализировать его характер в этих последующих ролях. Вполне возможно, что нет пророка в своем отечестве, но каждое отечество имеет своих пророков, большинство из которых так и не достигает национальной известности. Что социологи могут узнать от локальных историков относительно генезиса типов личности, зависит от адекватности локальной биографии; чему историк может научиться в этом плане у социолога, так это оценке уникальных характеристик локальной социальной среды (*milieu*), в которой эти личностные типы формируются.

То, что относится к изучению личности, относится в равной степени к локальным ассоциациям и институтам. Несмотря на вторжение корпоративного предприятия в маленький город и локальное сообщество, роль семьи как экономического института упорно сохраняется в локальном масштабе. Так, в деревне и маленьком городе семейные связи, пожалуй, гораздо более значимы, чем любой другой фактор, в первоначальном формировании карьеры человека. Таланты, раскрываемые и капитализируемые в локальном сообществе, могут радикально отличаться от тех, которые отбираются безличным более широким сообществом в качестве основания статуса человека. Процессы социального отбора, из которых рождаются лидеры, в локальном масштабе совсем не те же самые, что в более широких по масштабу социальных мирах. В этих вопросах социологи и локальные историки тоже вполне могли бы потрудиться сообща.

Мы иногда бойко описываем наш тип общества, по крайней мере в политическом смысле, как представительную демократию, подразумевая тем самым, что мы делегируем полномочия другим, которые представляют нас в высших советах. Но мы часто упускаем из виду, что в локальной жизни очень мало делегирования полномочий и что все члены на

этом уровне участвуют в политическом процессе более непосредственно. Было бы, следовательно, ошибкой, по крайней мере в этом отношении, считать локальное сообщество микрокосмом соответствующего макрокосма, коим является государство или нация. И наоборот, мы не можем понять наших представителей в Конгрессе до тех пор, пока не узнаем природу локальной политики, посредством которой они выходят на общенациональный уровень.

Каждый, кто когда-либо жил достаточно долго в небольшом городе, поселке или в сельском сообществе, не сможет не вспомнить о своем участии во множестве неформальных ассоциаций, которые складываются вокруг основных институтов сообщества и благодаря которым жизнь в таком сообществе кажется богатой, слаженной и насыщенной. Разумеется, большой город в какой-то мере предоставляет людям хитроумные суррогаты этих более или менее спонтанных неформальных ассоциаций маленького городка; но при этом нужно признать, что как по своей структуре, так и по своим функциям ассоциации интимного локального сообщества отличаются от безличных, гетерогенных, масштабных, формальных ассоциаций большого города. Национальные организации таких ассоциаций, как Ассоциация родителей и учителей, Американский легион или Лоси, не являются простой суммой локальных организаций. Они качественно от них отличаются. Более того, многие ассоциации, проявляющиеся на локальной сцене, не имеют аналогов на национальной сцене. Если социологи и локальные историки смогут помочь друг другу оценить эти отличительные особенности локальной жизни и смогут проводить свои исследования с более ясным знанием следствий, вытекающих из этих отличительных особенностей, то ценность их работы необычайно возрастет.

То, что относится к ассоциациям и институтам, в равной мере верно для социальных движений, идеологий и ценностных понятий. Несмотря на мобильность нашего американского населения, ускоренную автомобилем, есть локальные обычаи, традиции, диалекты, фольклор и предрассудки. Более того, есть культурные островки, которые могут быть архаическими напоминаниями о ранней форме изолированного существования и не поддаются, подобно цифрам опросов Гэллапа, простому усреднению в национальный стандартизированный индекс мнений и установок. Есть религиозные секты, никогда не имеющие более чем локальной значимости. Некоторые социальные проявления, вроде Популистского движения, могут произрастать из сопоставимых состояний не-

приспособленности и беспокойства, существующих во множестве отдельных сообществ, но в каждом сообществе они имеют свой особый аромат даже тогда, когда кристаллизуются в национальные крестовые походы.

Иногда бывает желательно формулировать исторические положения как национальные или региональные средние, но недопустимо делать из этого вывод, что такие положения точно описывают жизнь любого локального ареала. Отклонения от нормы конституируют законный интерес локального историка в такой же мере, в какой и типичность локальной жизни, которую он описывает. Так, многие люди из наших депрессивных ареалов или ареалов с меньшими экономическими возможностями недавно перебрались в регионы и метропольные ареалы, в жизнь которых они до сих пор полностью не вписались и в которых они создают проблемы, имеющие больше чем локальное значение. Было бы ошибкой полагать, что люди, которые живут в городах, *ipso facto* имеют атрибуты горожан. Стоит помнить, что большинство людей, населяющих наши города, воспитывались в маленьких городишках и в культурном плане несут на себе отпечаток своей ранней среды.

Таким образом, локальный историк и социолог вынуждены изучать эксцентричные особенности локальной культурной жизни, прослеживая нити, связывающие одну местность с другой. В самом деле, та внутренняя миграция, которая во многом дала американской жизни в целом ее закваску, представляет собой один из интереснейших объектов совместного изучения для социологов и локальных историков. Надеемся, что когда споры вокруг «гипотезы фронта» Тернера наконец утихнут и историки придут к согласию по поводу релевантных данных, поддерживающих и подрывающих эту гипотезу, социолог подхватит ее в надежде пролить новый свет на вопрос о том, что делает Соединенные Штаты одним и в то же время многим.

В значительной мере из-за того, что локальные историки понимали свою задачу преимущественно как подготовительную черновую работу к написанию национальной истории, они иногда не использовали в полной мере уникальные возможности, предоставляемые локальной историей. Это объясняет также тот факт, что социологам при изучении локального общества часто приходилось импровизировать свои собственные локальные истории. А следовательно, было бы неплохо обратить внимание на некоторые важнейшие особенности методов, пригодных для изучения локальной жизни.

В силу своего меньшего масштаба и большей компактности, локальные исторические исследования и социологические исследования не нуждаются в обращении к такому средству, как выборка; они могут действительно пытаться охватить все сообщество. Социальные ученые, в частности, были склонны в последнее время говорить о необходимости изучения того, что называется «целостной ситуацией»; но только тогда, когда масштаб нашего исследования относительно узок, мы можем приблизиться к этому идеалу. Полная опись сообщества скорее всего будет открывать разновидности поведения и ситуаций, которые, возможно, никогда бы не были выявлены обширными выборочными исследованиями, неизбежно используемыми тогда, когда история и социология делаются по-крупному. Более того, тот факт, что большинство американских сообществ относительно новы по сравнению с сообществами Старого Света, делает возможным изучение их существования фактически с самого начала. Локальная история и локальная социология имеют, таким образом, возможность отразить богатство локальной жизни во всей ее целостности, на фоне которой более широкие научные предприятия выглядят частичными, фрагментарными и далекими. Плоть и кровь, которую локальный историк и социолог способны тем самым представить в своих отчетах, дают такую степень правдоподобия, на фоне которой более широкомасштабные исследования блекнут и превращаются в фантомы.

Как в истории вообще, так и в локальной истории, традиции научности заставляли историка считать основным источником письменные документы. Я понимаю, что было бы совершеннейшей ересью усомниться в правильности этого священного исторического кредо. Тем не менее, может быть, стоит для блага историков поднять вопрос, который некоторые из нас были вынуждены поднять в наших социологических кругах в связи с нашими исследованиями, а именно о том, не позволили ли мы, не желая того, нашим данным и нашим техникам диктовать нам проблемы, в то время как нам надлежит сначала определять наши проблемы, а затем подбирать как можно лучше релевантные источники и разрабатывать соответствующие техники. Этот вопрос был бы, вероятно, особенно уместен в случае локальной истории, ибо здесь, как и в обстоятельствах жизни, с которыми сталкивается антрополог в дописьменных сообществах, возможно, лишь незначительный фрагмент социального процесса будет зафиксирован или отражен в записях. Каждому, кто когда-либо жил интимной жизнью семейного круга в деревенском сообществе,

должно быть очевидно, что он получил бы очень искаженную картину, если бы ограничился теми выражениями и остатками межличностных отношений, которые застыли в письменной форме. Чем интимнее и компактнее жизнь локального сообщества, тем меньше его существенные жизненные процессы могут быть воссозданы по письменным свидетельствам. Поэтому я, нисколько не пытаясь преуменьшить ценность документов, предлагаю подвергнуть переоценке надежность и достоверность документов как свидетельств социальной жизни.

Аналогичный вопрос возникает и в связи с традиционным требованием историка, чтобы объективные факты были непротиворечиво установлены. Где бы мы ни встречали формы социальной жизни, основанные на близких личных отношениях, нас поражает тот факт, что реальность, в соответствии с которой живут люди, конституируется не столько тем, что действительно произошло, сколько представлениями, воспоминаниями, легендами и мифами о том, что предположительно произошло. В интимных кругах локальной жизни люди меньше мотивированы новостями в газетах и больше заразительными слухами, которые переносятся через творческое посредство (*medium*) сплетен. А потому локальному историку и социологу недостаточно просто собрать такой местный фольклор; необходимо отнестись к этому фольклору как к жизненной силе, действительно упорядочивающей коллективную жизнь сообщества.

Даже газета, которая стала рассматриваться как очень важный источник в исторических исследованиях, не является на локальной сцене тем же самым инструментом, каким она является на сцене метрополиса или на национальной сцене. Несмотря на уравнительный и стандартизирующий эффект новостных синдикатов, настоящая местная газета все еще сохраняет больше характеристик личного средства выражения и коммуникации, чем иногда представляется. Ее содержание, следовательно, должно анализироваться по иным критериям, чем те, которые представляются применимыми к прессе городов-метрополисов.

Поскольку многие ценные факты локальной истории не регистрируются в рукописной и печатной форме, то из этого, видимо, следует, что локальная история и локальная социология должны обращаться к другим источникам и развивать другие исследовательские техники, нежели те, которые пригодны для изучения более формальных и безличных отношений. В первую очередь, они должны иметь дело в большей степени с присутствующими и живыми, чем с отсутствующими и мертвыми, ибо именно присутствующие и живые являются носителями коллективных воспо-

минаний группы. Я бы не стал преуменьшать важность газеты, писем, деловых записей и официальных документов, но при этом подчеркнул бы значимость анекдотов, которые мы собираем, жизненных историй, которые мы можем записать, интервью, которые мы можем взять, случайных разговоров, в которые мы можем вступить, и наблюдений, которые мы можем зафиксировать. Это не отменяет использования формальных анкет, обследований, дневников, каталогов, справочников, церковных, школьных и судебных документаций, переписной статистики и других официальных и неофициальных документов. Мы прибегаем к документам, когда интимная жизнь людей нас не интересует или когда у нас нет других средств извлечь из надежных свидетельств выводы о том, какова эта интимная личная жизнь. В локальном сообществе, однако, у нас есть другие источники и техники, которые особенно подходят для выявления внутреннего смысла человеческого опыта и интерпретации его внешнего выражения.

Было бы неверно описывать локальную историю как имеющую больше общего с этнографией, практикуемой антропологами в случае дописьменных сообществ, чем с историческим методом, к которому мы привыкли со времен Ранке. Сообщества, с которыми имеют дело локальный историк и локальный социолог, являются по большей части сообществами письменными. Стало быть, не отсутствие письменности, а скорее наличие первично-групповых отношений делает локального историка и социолога похожими друг на друга. Следует, конечно, понимать, что стандартизация, сложившаяся в американской жизни под воздействием современных коммуникаций, транспорта, промышленности и правительства, все больше и больше вовлекала локальную жизнь в водоворот метропольных и общенациональных дел. Межрайонные школы, торговые сети, радио и легионы правительственных агентств осуществляют выравнивающее влияние и акцентируют взаимозависимость. Локальный историк, будь то деревни или города, занимаясь недавним прошлым и настоящим, все больше и больше сталкивается с техническими проблемами, которые, если бы он пытался справиться с ним сам, без помощи других социальных ученых и разного рода специалистов, потребовали бы от него такого знания, которое никто не в силах скопить за всю свою жизнь. Никто не сможет написать историю городского планирования, местных финансов, транспорта или населения без соответствующих специальных знаний, а они настолько огромны, что требуют интенсивного обучения в соответствующих областях. А потому достойный уважения

локальный историк будет противиться конструированию собственной социологии, экономики и политической науки, равно как социальный ученый должен противиться изобретению собственной локальной истории.

МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО, МИРОВОЕ ОБЩЕСТВО И МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ПОПЫТКА ПРОЯСНЕНИЯ ТЕРМИНОВ*

I

Поиск свободного, мирного и справедливого мира, в котором все люди могли бы в максимальной степени развить свои способности и наслаждаться благами развивающейся цивилизации, является целью, в которой открыто признаются многие американцы и другие члены человеческого рода. Эта цель формулировалась по-разному, иногда как построение мирового сообщества или мирового общества, а иногда как строительство мирового правительства или мирового государства.

Хотя эти термины призваны помочь нам в определении цели, к которой нам нужно двигаться, они сами вносят элемент путаницы в программы действия и тем самым становятся препятствиями для осуществления целей, которые они символизируют. Некоторые, например, считают, что мы уже имеем *мировое сообщество* и что нам нужно развивать соответствующее *мировое общество*. Другие принимают как данность существование мирового общества — или, по крайней мере, эмбрионального мирового общества — и считают настоятельной потребностью наше-

* Wirth L. World community, world society, and world government: An attempt at a clarification of terms // Wirth L. *et al.* The world community. — Chicago: University of Chicago Press, 1948. — P. 9–20. Статья была представлена в качестве доклада на 23-м ежегодном летнем институте, проведенном 23–25 марта 1947 г. в Чикаго под эгидой Фонда памяти Нормана Уэйта Харриса. На страницах 21–46 указанного издания можно найти стенограмму обсуждения этого доклада, в котором принимали участие М.Мид, К.Янг, Р.Бенедикт, У.Л.Уорнер, Т.Парсонс, Р.Энджелл, Ч.Моррис, Г.Й.Моргентау, К.Поланы, Дж.Маршак, Д.Рисмен и др.

го времени создание мирового правительства или мирового государства. А поскольку характерным признаком правительства и показателем существования государства является режим закона и порядка, они приступили к разработке такого основного закона, или конституции, для управления миром и, стало быть, к сотворению мирового государства.

Ясно, что если мировое сообщество уже существует, то излишне тратить силы на то, чтобы вызвать его к жизни. Если мировое общество уже есть, то явно глупо ждать того, когда оно возникнет. Это, конечно, оставляет открытым вопрос о том, является ли мировое сообщество или общество необходимой предпосылкой эффективной работы мирового правительства и эффективного функционирования мирового государства. Также остается открытым вопрос о том, является ли создание мировой конституции необходимым и желательным шагом в построении мирового сообщества. Кроме того, остается без ответа вопрос относительно того, может ли мировое сообщество быть построено по волевому решению или оно есть невольный продукт роста и непреднамеренной деятельности. И остается открытым вопрос о том, были бы вообще необходимы мировое правительство или государство для достижения свободного, мирного, справедливого и процветающего человечества, если бы мировое сообщество или общество уже существовали.

Разногласия по поводу целей, к которым нужно стремиться, и наиболее подходящих средств, которые нужно использовать для достижения этих целей, будут сохраняться до тех пор, пока эта путаница продолжает нам досаждать. Между тем путаница, досаждающая человечеству и интеллектуальным лидерам человечества в их попытке разобраться в проблемах современного мира, — это путаница двух типов: (1) двусмысленность терминов дискурса и (2) различия в суждениях относительно фактов и отношений между фактами. Задача этой статьи — разобраться лишь в первой, хотя будет трудно избежать по крайней мере некоторого обращения ко второй, в особенности потому, что невозможно обсуждать термины и отношения между терминами без ссылки на объекты, или феномены, которые они обозначают, и отношения, которые предположительно существуют между этими объектами, или феноменами.

Согласие в отношении целей и программ действия будет, очевидно, затруднено до тех пор, пока спорящие стороны будут говорить друг *за* другом, а не друг *с* другом. Даже после того, как термины, используемые в дискурсе, будут прояснены, могут оставаться разногласия по поводу

ценностей, которых нужно достичь, и процедур, которые нужно использовать для их достижения, поскольку могут еще оставаться ошибки в фактах, в логике и в теории. Но то меньшее, что мы можем сделать, чтобы способствовать осуществлению наших общих надежд, — это снабдить себя довольно точными категориями мышления и коммуникации, в рамках которых мы понимаем себя и других.

II

Существующие споры вокруг того, должно ли мировое сообщество предшествовать мировому государству, развиваются ли они одновременно или можно ожидать появления мирового сообщества из мирового правительства, основаны в значительной степени на том, какой смысл приписывается термину «мировое сообщество». Хотя термины «государство» и «правительство» никоим образом не однозначны, в целом их употреблению присуще меньше путаницы, чем употреблению термина «сообщество». Во всех этих случаях путаница, конечно, обусловлена во многом тем обстоятельством, что эти и большинство других слов, которыми мы пользуемся в социально-научном дискурсе, являются также терминами, имеющими хождение в обыденной речи, и часто отражают в себе универсум «здорового смысла».

Но даже обыденное значение терминов «государство» и «правительство» имеет коннотацию с более или менее формальной организацией, в то время как термин «сообщество» коннотирует (хотя в действительности их не обозначает) с отсутствием формальной ассоциации и организации и отсутствием правового санкционирования или регулирования совместной жизни людей. На самом деле мы даже говорим о сообществах растений и животных, в которых формальная, осознанно задуманная и санкционированная законом организация исключена.

Когда растительный и животный эколог говорит о сообществе, он имеет в виду агрегацию живых форм, связанных симбиотическими узлами в паутину жизни. Через свою втянутость в борьбу за существование в данном хабитате разные индивидуальные члены и виды организмов обретают пространственное положение и место в разделении труда, дающее каждому его особый характер и функцию, а всему сообществу в целом — подобие равновесия.

Связи по поводу жизнеобеспечения и репродуктивные связи, которые индивидуальные организмы и типы живых существ развивают друг

с другом и с хабитатом в целом, придают сообществу растений и животных внутреннюю взаимозависимость и обособленность от других сообществ, которые оставляют у внешнего наблюдателя впечатление отдельной идентичности каждого сообщества. Узами, которые связывают водоедино индивидуальные организмы и разновидности растительных и животных организмов, служат функциональные взаимосвязи, имеющие по существу конкурентный характер. Когда мы говорим о «законе джунглей», мы имеем в виду войну всех против всех. Это состояние существования, если его вообще можно назвать социальным, базируется на том, что Кант называл «необщественной общительностью» человека, иначе говоря, на некотором наборе условий, при которых каждый организм стремится достичь собственных целей и лишь непреднамеренно приносит какую-то пользу другим организмам, но через этот непреднамеренный побочный продукт своего эгоистического устремления создает узы взаимозависимости с другими. Такое состояние взаимозависимости не требует ни осознания, ни коммуникации, ни существования норм или согласия относительно них.

Симбиотические связи, лежащие в основе каждого сообщества растений и животных, — это связи (1) *мутуализма*, когда функции одного организма или вида организмов приносят пользу другим, и наоборот, (2) *комменсализма*, когда выгоды, извлекаемые одним, безразличны для другого, или (3) *паразитизма*, когда выгоды, извлекаемые одним, предполагают причинение вреда другому. Классические примеры каждого типа симбиотической связи можно легко найти в растительной и животной экологии.

Особым случаем животного сообщества, часто приводимым в качестве модели для человечества, является своеобразная симбиотическая связь между членами колоний общественных насекомых. Но даже здесь существующие порядок и сплочение базируются не на коммуникации, взаимном осознании и принятии социальных норм, а на морфологии и элементарных рефлексах, или инстинктах, которые встроены в организмы и действуют автоматически.

III

Человеческое сообщество тоже держится на схожем экологическом базисе, но следует заметить, что человеческие сообщества никогда не бывают просто экологическими единицами. Над экологическим бази-

сом неизменно надстраиваются экономический, культурный, политический и моральный, или этический, уровни взаимозависимости. В человеческой экономике всегда есть некоторые правила игры. Всегда есть некоторая степень осознания другого. Всегда есть некоторая мера сознательного контроля. Есть язык, символическая коммуникация и некоторое приближение к взаимному пониманию. Есть права и обязанности, притязания и ожидания. Есть не только тропизмы и рефлексy, но также привычки и чувства, обычаи, институты, разделяемые нормы и ценности. Короче говоря, есть не просто симбиоз, но и какая-то степень консенсуса.

Между тем, одним из постоянных интересов в кругу тех, кто изучает человека, является попытка провести различие между сообществом и обществом. В каком-то смысле в попытках понять человеческую социальную жизнь эти два термина стали полярными понятиями. Когда мы употребляем термин «сообщество», мы пытаемся выделить и подчеркнуть физические, пространственные и симбиотические аспекты человеческой групповой жизни, а употребляя термин «общество», мы желаем поставить в центр внимания и подчеркнуть психические, созерцательные, рациональные, нормативные и консенсуальные стороны группового существования. Когда мы имеем дело с людьми как популяционными агрегатами, распределенными в пространстве и по отношению к ресурсам, полезно использовать понятие «сообщество». Когда, с другой стороны, человеческие группы мыслятся как объединенные коммуникацией, узами интереса и когда они движутся к общим коллективным целям, для чего им требуется общее понимание символов и разделение общих норм, мы имеем дело с обществом.

Следует заметить, однако, что каждое человеческое сообщество всегда есть в какой-то степени общество. Трудно помыслить людей, живущих вместе в тесном физическом контакте друг с другом без вовлечения в коммуникацию, особенно если физический контакт сохраняется в течение длительного времени. И, как указывал Дьюи, имеется «не просто вербальная связь между словами *общий*, *сообщество* и *общение*. Люди живут в сообществе благодаря тому, что является для них общим; а общение — это способ, с помощью которого они приходят к этому общему, что они имеют»¹.

¹ Dewey J. Democracy and education. — N.Y.: Macmillan, 1915. — P. 5.

Иногда мы находим примеры того, как две или более группы живут рядом друг с другом, но почти или вообще не поддерживают друг с другом прямого физического контакта. Этикет классической кастовой системы был как раз таким; была «молчаливая торговля», в ходе которой соседние сообщества обменивались благами без коммуникации или прямого физического контакта. Диффузия современной технологии, происходящая в мировом масштабе через посредство более или менее безличного рынка, — еще одно приближение к такой ситуации. Хотя рыночный механизм включает в себе некоторого рода коммуникацию между участниками торгов, физическая и социальная дистанция между производителями и конечными потребителями в условиях современного мирового рынка в капиталистической цивилизации неизмеримо больше, чем она была в прошлом. Это не значит, что сегодня нельзя обнаружить некоторых пережитков интимного, личного рынка; но он определенно не представляет типичных экономических отношений в современном мире.

В то время как каждое сообщество обыкновенно генерирует некоторый элемент общества, обратное не столь очевидно. О людях, рассеянных по земной поверхности, которые разделяют, скажем, общий интерес к некой эзотерической вере или некоторому знанию, но которые могут никогда не встречаться, можно, вероятно, сказать, что они живут в некоем подобии сообщества, но узлы такого сообщества будут в лучшем случае слабыми. В таких случаях, в которых узлы сплоченности между индивидами базируются на разделяемых представлениях, основанных на коммуникации, правильнее делать акцент на полярном понятии общества. И наоборот, там, где узлы, связывающие индивидов, опираются на пространственную смежность, на разделение труда и на конкуренцию на рынке, предпочтительнее делать акцент на сообществе. Что делает, однако, каждое сообщество по крайней мере эмбриональным обществом, так это тот факт, что любое втягивание во взаимные отношения между людьми требует некоторого рода коммуникации и генерирует некоторую степень консенсуса.

IV

В каком-то смысле, понятие «мировое сообщество» — это противоречие в терминах, ибо сообщество чаще всего понимается как территориально ограниченная *локальная* единица. Мы обычно не говорим об индивиде, что он принадлежит «к более чем одному сообществу, разве

что постольку, поскольку меньшее сообщество, членом которого он является, включено в более широкое, в котором он также является членом»¹. Говоря более конкретно, признаком сообщества считалось то, что «жизнь человека может быть прожита полностью внутри него, что все его социальные отношения могут быть найдены в нем»². В этом смысле сообщество есть включительная, относительно интегрированная территориальная группа, в отличие от сегментарных и широко простирающихся уз и идентификаций общества.

Таким образом, оказывается, что в традиционной концепции общества неявно заложены представления о территориальной компактности и плотности, интимности контакта и относительной самодостаточности. Эти критерии очень легко прикладываются к большинству человеческих поселений на раннем этапе цивилизации; но трудно найти современные сообщества, которые могут быть четко обведены в их экономической, социальной и политической жизни узкими локальными границами. Современная технология, экономика, политическая организация и даже культура имеют тенденцию охватывать всю землю. Мы можем яснее это увидеть, если признаем и попытаемся проследить те тонкие и широко раскинувшиеся сети взаимоотношений, которые ассоциируются с такой относительно компактной единицей, как метрополитенский регион. Пределы такого региона должны определяться более или менее произвольно в терминах ареала розничной и оптовой торговли, ареала маятниковых миграций, ареала чтения газет и сервисного ареала центрального города. Попытки очертить «общинные» (communal) границы такой крупной сущности, как национальное государство, несомненно, привели бы к еще большим затруднениям.

Препятствия для универсального распространения технологии, науки и культуры, конечно, все еще труднопреодолимы. Племенные, расовые, национальные, языковые, религиозные, экономические, политические и прочие различия все еще разделяют мир на отдельные регионы. Но, с другой стороны, остается мало самодостаточных, внутренне гомогенных островков, по крайней мере некоторые обитатели которых не были втянуты в универсальные течения современной жизни; и эти немногие оставшиеся островки быстро исчезают.

¹ Park R. E., Burgess E. W. Introduction to the science of sociology. — Chicago: University of Chicago Press, 1921. — P. 163.

² MacIver R. M. Society: Its structure and changes. — N. Y., 1931. — P. 9.

Всеобщая тенденция ведет от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*¹; от социальных группировок, основанных на «статусе», к группировкам, основанным на отношениях «договора»²; от гомогенных агрегатов, сплоченных «механической солидарностью», к гетерогенным агрегатам, базирующимся на «органической солидарности» и разделении труда³; от «первичных групп» к «вторичным группам»⁴; и от «народной культуры» к городской промышленной цивилизации⁵.

Узы рынка определенно не являются такими личными и интимными, как узы родства и тесной локальной ассоциации, но они организуют жизнь во все более широких ареалах, приближающихся к пределам всего мира. Есть все еще местные диалекты, но есть и мировые языки. Есть все еще слухи и сплетни, но есть и все более широкая опора на новости. Есть все еще местные культуры, но есть и приближение к мировой цивилизации. Есть все еще местные, окружные, штатные и национальные правительства, но есть и зарождающиеся всемирные политические институты, пусть даже пока еще слабые. Мы даже находим более или менее успешные апелляции государственных деятелей к суду «мирового общественного мнения», к «совести человечества» и к лояльностям и обязанностям «мирового гражданства». Эти фразы могут быть пока еще просто фигурами речи, но в критических ситуациях недавнего прошлого они показали свою способность приводить в движение мысли и действия людей.

V

¹ См.: Tönnies F. *Gemeinschaft und Gesellschaft*. — 5th ed. — Berlin, 1922 (на рус. языке: Тённис Ф. *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии* / Пер. с нем. Д.В.Скляднева. — СПб.: «Владимир Даль», 2002).

² См.: Maine H. S. *Ancient law*. — London, 1861 (на рус. языке: Мэн Г.С. *Древний закон и обычай. Исследования по истории древнего права*. — М., 1884); *Village communities in the East and in the West*. — N. Y., 1889.

³ См.: Durkheim É. *The division of labor in society*. — N. Y., 1933 (на рус. языке: Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда* / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1996); *Elementary forms of religious life*. — N. Y., 1915.

⁴ См.: Cooley C. H. *Social organization*. — N. Y., 1909.

⁵ См.: Redfield R. *The folk culture of Yucatan*. — Chicago: University of Chicago Press, 1941.

Главное, что делает понятие «сообщество» значимым для проблем мира, мирового порядка и прогресса, — это необходимость основы для эффективного сотрудничества и коллективного действия наций и народов мира. В этой связи можно было бы указать, что сплоченность группы проистекает (или широко считается, что проистекает) отчасти из ее антагонистического противостояния другим группам. Эту функцию внешнего конфликта как фактора, повышающего внутреннюю интеграцию, Уильям Грэм Самнер и другие до него, особенно Гумплович, драматически изображали как противостояние между мы-группой и они-группой. Предполагалось, что если бы весь мир стал единым сообществом, то организующий и благотворный эффект конфликта был бы потерян, и что, стало быть, такой мир не мог бы долго оставаться интегрированным единством, если бы не нашел себе какую-нибудь внеземную оппозицию.

Здесь может быть уместно подчеркнуть, что сплоченность локального сообщества, какое мы имеем сегодня, поддерживается конфликтом с другими сообществами лишь в самой незначительной степени. Я лично не располагаю никакими свидетельствами, на основании которых исследователи локальных сообществ могли бы прийти к выводу, что солидарности внутри сообщества значительно способствует его конфликт с другими сообществами. В высокой степени спорно, что внешний конфликт является существенным ингредиентом внутренней сплоченности сообщества, и, по крайней мере, вероятно, что можно обнаружить полноценные эквиваленты внешнего конфликта в том, что Зиммель называет войной с «внутренними врагами». И если в данный момент у нас нет под рукой готовых «внутренних врагов», мы всегда можем их изобрести. У нас есть, конечно, внушительная по объему литература, тяготеющая к поддержке того положения, что национальные государства никогда не бывают так сильны, как когда им угрожают внешние враги. Какими бы ни были факты на национальном и международном уровне, допущение, что локальные сообщества обретают значительную меру своей внутренней сплоченности через внешний конфликт, ничем не подтверждается.

VI

Если мы хотим применить уроки, почерпнутые нами из структуры жизни локального сообщества, к проблеме организации мира, то нам будет полезно мыслить сообщество в терминах ряда процессов и уровней взаимодействия.

В своем простейшем смысле сообщество есть хабитат, поддерживающий популяцию. Симбиотическая связь, или соревновательная кооперация, которой требует занятие общего хабитата, создает общий экологический базис, в опоре на который могут развиваться социальные связи.

На этом экологическом базисе люди обычно строят технологический порядок, разделение труда и экономику. Такой порядок неизбежно порождает некоторый набор норм и институтов, которые контролируют участников. Эти механизмы контроля являются сначала по большей части неосознанными. Позднее они обычно становятся осознанными и формальными. Когда такой порядок кристаллизуется, он принимает политические формы, для которых символичны право, государство и полиция. На протяжении всего этого процесса происходит коммуникация, и складывается некоторый набор общих пониманий, ценностей и идеалов и совокупность лояльностей, базирующиеся на участии в общих переживаниях и генерировании и распространении общих символов. Из этого основания прорастают начала морального порядка, в котором поведение индивида и группы контролируется уже не столько внешним принуждением, сколько добровольным консенсусом.

Таким образом, мы движемся в континууме от сообщества к обществу, от той формы совместной жизни, в которой члены агрегата имеют не только конфликтующие и параллельные интересы, но также общие или разделяемые интересы*. Таким образом, сообщество может рассматриваться как состояние существования, а общество — как состояние духа.

VII

На пути рационального дискурса о мировом сообществе часто встает серьезное недоразумение. Наивно предполагается, что сходство характеристик обеспечивает интеграцию, тогда как гетерогенность препятствует интеграции. На самом деле сходство черт может также быть поводом к более интенсивному антагонизму, а дифференциация черт может быть основой для взаимовыгодного разделения труда. Мы видим эту ситуацию в растительном и животном мире, где нам известно о наличии

* Это странное по смыслу предложение — возможно, следствие небрежности в тексте самого Вирта или ошибки при его типографском наборе. Мы не сочли уместным вносить в текст при переводе смысловые исправления. — *Прим. перев.*

«схожих симбионтов» и «несхожих симбионтов». Между «схожими симбионтами» часто разворачиваются жесточайшие войны. Если бы такая черта, как воинственность, была универсальной для всех людей, она, разумеется, не облегчила бы создание мирного мира. Все, следовательно, зависит от того, какие черты схожи, а какие различаются.

Аналогичным образом, часто наивно предполагается, что чем больше мы имеем друг с другом контактов и чем более тесными являются эти контакты, тем меньше у нас будет поводов для конфликта. Следует заметить, однако, что частота и близость контактов может стать основой как для гармонии, так и для конфликта. Лучшее знание друг друга часто означает более жгучую ненависть друг к другу. Разумеется, общий язык и общая культура способствуют взаимно осмысленной коммуникации, но также они делают возможным конфликт в тех сферах жизни, в отношении которых мы раньше были индифферентными. Чем больше мы знаем друг друга и чем более частыми и близкими становятся наши отношения друг с другом, тем больше существует возможности для несогласия, для раздражения и для открытого конфликта.

VIII

При построении мирового сообщества или мирового общества мы сталкиваемся с проблемой «организации сообщества» (community organization). Исходя из того, что было сказано раньше, организация сообщества есть отчасти неосознаваемое развитие, происходящее во взаимодействии на симбиотической основе состязательной кооперации, но отчасти также и продукт осознанного конструирования, образования, стимулирования, коммуникации, строительства институтов и других механизмов формального контроля, а также участия в организованной жизни. Здесь можно было бы обратить внимание на историю движения за организацию сообществ. В Соединенных Штатах это движение существует уже в течение двух поколений. Оно начиналось с обследований и исследований действительных сообществ, как они существовали в Англии и Америке, таких, как обследование Лондона, проведенное Чарльзом Буттом. В ходе этих исследований выяснилось, что сообщества обладают организацией, или структурой, совершенно независимо от каких бы то ни было осознанных и слаженных попыток создать такие структуры. Выяснялись реальные проблемы социальной жизни этих сообществ, и предпринимались организованные усилия по исправлению некоторых из

этих нежелательных условий жизни посредством приведения дисгармоний во взаимную гармонию, разработки новых программ действия и инициации новых рычагов контроля. Это была целенаправленная попытка создания институтов и служб сообществ и манипулирования ими в интересах более гармоничной жизни; она и получила известность как движение за организацию сообществ.

Это возвращает нас к любопытной дискуссии, которая развернулась в XVIII в. между шотландскими моралистами по поводу отношений между «естественным порядком» и «гражданским порядком». Они подняли вопрос о том, в какой степени сообщество является организмом, или естественной сущностью, и, напротив, в какой степени сообщество является артефактом, т. е. изобретенной сущностью. Хотя полноценное обсуждение этой проблемы увело бы нас слишком далеко от обсуждаемой темы, это значимая проблема в свете нынешней дискуссии относительно необходимости строить мировое общество. Утверждалось, например, что бесполезно пытаться строить мировое общество, ибо если уж оно должно существовать, то появится само как непреднамеренный конечный продукт участия людей в каких-то общих делах мирового масштаба. Я скептически смотрю на этот аргумент, поскольку из локального опыта мы узнали, что, хотя формальная организация может иногда мешать естественному развитию, верно и то, что формальная организация может ускорять и направлять такие естественные процессы.

Следовательно, в борьбе за рождение мирового сообщества и мирового правительства хорошо бы помнить, что у нас уже есть много чего, на что можно опереться. Во многих отношениях мир уже движется в сторону сообщества. В других отношениях ему можно помочь или помешать в этом процессе.

Имеется, например, взаимная связь между мировой торговлей и мировой политической организацией. Чем больше мы торгуем, тем больше правил и регламентаций нам будет нужно для ведения торговли и тем больше мы будем их развивать; и, в свою очередь, чем больше мы подчиняем себя общепринятым правилам и регламентациям, тем легче мировая торговля может вестись. Я не имею в виду, конечно, что эти правила и регламентации всегда идут во благо; они могут быть глупыми и вести к появлению торговых барьеров. Аналогичным образом, чем больше общей культуры мы имеем, тем меньше мы нуждаемся в формальном праве и тем легче такое право проводить в жизнь. С другой стороны, попытка создать общую власть закона в ареалах, в которых такого закона

никогда прежде не существовало, сама по себе увеличивает и углубляет сферу общей культуры. Формулировка и принятие Конституции Соединенных Штатов были, вероятно, важным фактором в появлении у нас «национального сообщества».

Даже в высокоинтегрированных локальных сообществах мы находим некоторые отклонения от принятых норм в форме преступности и иных формах социальной дезорганизации. Однако сами проблемы для публичных дискуссий и действий, которые ставятся такими девиациями, дают поводы для возрастания солидарности сообщества. И в самом деле, как указывал Дюркгейм, именно в попытке сообществ предотвращать и наказывать нарушения социальных правил эти сообщества подтверждают и упрочивают свою солидарность. Стало быть, нам не следует в мировом масштабе сколько-нибудь больше, чем в локальном, ожидать нахождения полной и неизменной приверженности существующим социальным нормам. Скорее нам нужно быть готовыми к использованию этих поводов как возможностей для создания мирового общественного мнения, мировой совести, всемирного согласованного коллективного действия и чувства принадлежности к мировому единству.

В построении завтрашнего мира, следовательно, мы должны начинать с того, что имеем. Мы должны воспринимать мир таким, какой он есть. Мы не можем ожидать начала с чистого листа. Если мы видим ингредиенты мирового сообщества в ряде форм взаимодействия в универсальном масштабе — в действиях, которые прежде по большей части осуществлялись в локальном, региональном или национальном масштабе, то мы можем измерять прогресс в мировой солидарности и интеграции по мере нашего движения вперед. Мировое сообщество, на котором в конечном счете должно базироваться мировое общество, не возникнет автоматически вследствие выработки мировой конституции или даже формального принятия такой конституции; но, с другой стороны, нет нужды ждать, пока мир будет готов к универсальному правовому режиму, чтобы начать двигаться к миру и порядку. Между неизбежным и невозможным лежит область выполнимого. И на нее мы должны направить наш взгляд, ибо именно эта область дает возможность обдуманного вмешательства и задает пределы такого вмешательства.

У нас уже есть несколько эмбриональных мировых институтов. Они показывают, в какой степени мы достигли мирового сообщества. На данный момент они еще слабы; но они представляют огромный прогресс по сравнению с тем, что мы имели раньше. Вероятно, мы на своем веку

не дождемся ничего даже близко похожего на ту экологическую, экономическую, культурную, политическую и моральную интеграцию, которой мы достигли в сообществах в локальном масштабе. Но даже некоторый прогресс в этом направлении в мировом масштабе лучше, чем война или постоянное разделение мира на два потенциально воюющих лагеря.

УРБАНИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ*

I. ГОРОД И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Как начало западной цивилизации отмечено образованием оседлых поселений у бывших кочевых народов в средиземноморском бассейне, так и зарождение специфически современного в нашей цивилизации ознаменовано прежде всего ростом больших городов. Еще нигде род человеческий не отходил так далеко от органической природы, как в жизненных условиях, характерных для этих городов. Современный мир уже не являет нашему взору той картины небольших обособленных человеческих групп, рассеянных по обширной территории, которую нарисовал, описывая примитивное общество, Самнер¹. Отличительной особенностью образа жизни человека в современную эпоху является сосредоточение людей в гигантские агрегации, вокруг которых группируются центры меньшего размера и из которых расходятся круговыми волнами идеи и практики, именуемые нами цивилизацией.

Степень, в какой современный мир можно назвать «городским», нельзя полно и точно измерить процентной долей населения, живущего в городах. Влияние, которое города оказывают на социальную жизнь человека, выше, чем может показать нам удельный вес городского населения, ибо город все больше становится не просто местом, где современ-

* Wirth L. Urbanism as a way of life // American j. of sociology. — Vol. 44 (July, 1938). — P. 1–24. Перевод впервые опубликован в: Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 3 1997, № 3. 3 С. 164–196. Для настоящего издания перевод заново сверен и отредактирован. Сверка осуществлена по варианту текста, опубликованному в сборнике: Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University Press, 1956. — P. 100–132. Он несколько отличается от журнального.

¹ Sumner W. G. Folkways. — Boston: Ginn and Co., 1906. — P. 12.

ный человек живет и работает, но и стимулирующим и регулирующим центром экономической, политической и культурной жизни, вовлекающим в свою орбиту самые отдаленные сообщества земного шара и соединяющим в единый космос разные территории, народы и виды деятельности.

Рост городов и урбанизация мира — один из наиболее впечатляющих фактов современной эпохи. Хотя невозможно точно установить, какая часть мирового народонаселения, насчитывающего, по приблизительным оценкам, около 1 млрд. 800 млн. человек, проживает в городах, в странах, где проводится различие между городскими и сельскими районами, городское население составляет 69,2%¹. Если же учесть тот факт, что население мира распределено очень неравномерно, а рост городов в некоторых странах, лишь недавно затронутых влиянием индустриализма, не зашел еще очень далеко, то можно сказать, что эта средняя оценка преуменьшает степень, которой достигла концентрация населения в городах в тех странах, где влияние промышленной революции было более могущественным и более давним. Этот переход от сельского к преимущественно городскому обществу, произошедший в таких индустриализованных ареалах, как США и Япония, в течение одного поколения, сопровождался глубокими изменениями буквально во всех сторонах социальной жизни. Эти изменения и их последствия заставляют социолога обратиться к изучению различий между сельским и городским образом жизни. Изучение этой темы служит необходимой предпосылкой понимания некоторых важнейших проблем нынешней социальной жизни и, быть может, установления контроля над ними, ибо может дать одну из самых плодотворных перспектив для понимания изменений, происходящих в настоящее время в человеческой природе и социальном порядке².

Поскольку город является продуктом роста, а не одномоментного сотворения, следует ожидать, что влияния, которые он оказывает на

¹ Pearson S. V. The growth and distribution of population. — N. Y.: J. Wiley & Sons, Inc., 1935. 3 P. 211.

² В то время как сельская жизнь в США давно стала для правительственных служб предметом пристального интереса (самым показательным образцом подробного отчета по этой проблеме был отчет Комиссии по жизни в сельской местности, представленный в 1909 г. президенту Теодору Рузвельту), сопоставимых официальных исследований городской жизни не предпринималось до учреждения Исследовательского Совета по урбанизму при Национальной комиссии по ресурсам. (См.: Our cities: Their role in the national economy. — [Wash.: Government Printing Office, 1937].)

образы жизни, не могли полностью уничтожить ранее господствовавшие способы человеческой ассоциации. Следовательно, наша социальная жизнь в большей или меньшей степени несет на себе отпечаток существовавшего ранее народного общества, для которого были характерны такие формы поселения, как крестьянский двор, поместье и деревня. Это историческое влияние усиливается тем обстоятельством, что население города рекрутируется большей частью из сельской местности, где сохраняется образ жизни, напоминающий об этой ранней форме существования. А потому нет оснований ожидать резкого и радикального различия между городским и сельским типами личности. Город и сельскую местность можно рассматривать как два полюса, между которыми находятся все человеческие поселения. Рассматривая городское промышленное общество и сельское народное общество как идеальные типы сообществ, мы можем получить перспективу для анализа основных моделей человеческой ассоциации, проявляющихся в нынешней цивилизации.

II. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДА

Несмотря на всю важность города для нашей цивилизации, наше знание о природе урбанизма и процессе урбанизации, при всех многочисленных попытках выделить отличительные особенности городской жизни, остается крайне скудным. Географы, историки, экономисты и политологи давали разные определения города, привнося в них точки зрения своих дисциплин. Нисколько не претендуя на то, чтобы их превзойти, формулировка социологического подхода к городу может, помимо прочего, привлечь внимание к взаимосвязям между ними, выведя на передний план специфические характеристики города как особой формы человеческой ассоциации. Социологически значимое определение города пытается выделить в урбанизме те элементы, которые отличают его как особый способ человеческой групповой жизни.

Определение сообщества как городского исключительно на основании размера явно будет произвольным. Трудно отстаивать нынешнее определение, принятое в переписях, которое обозначает сообщества с населением 2500 и более человек как городские, а все остальные — как сельские. Такая же ситуация будет и в тех случаях, когда мы примем в качестве критерия 4 тыс., 8 тыс., 10 тыс., 25 тыс. или 100 тыс. человек, ибо, хотя в последнем случае мы и могли бы почувствовать, что ближе подошли к определению городского агрегата, чем когда брали сообщест-

ва меньшего размера, ни одно определение урбанизма не может претендовать на полную удовлетворительность до тех пор, пока в качестве единственного критерия берется численность. Более того, не составит труда показать, что сообщества, имеющие меньшее, чем произвольно установленное, число жителей, но находящиеся в радиусе влияния крупных городских центров, могут претендовать на звание городских в большей степени, чем более крупные поселения, ведущие обособленное существование в преимущественно сельском ареале. И наконец, необходимо признать, что на определения, принятые в переписях, чрезмерно сильно влияет тот факт, что, со статистической точки зрения, город всегда есть понятие административное и решающую роль в ограничении городского ареала играют физические границы. Нигде это не проявляется так отчетливо, как в концентрации на периферии крупных метрополитенских центров людей, которые пересекают произвольные административные границы города, округа, штата и государства.

До тех пор, пока мы отождествляем урбанизм с физическим существом города, рассматривая его как строго ограниченную в пространстве сущность, и полагаем, что все городские свойства внезапно исчезают, как только мы пересекаем произвольно установленную границу, мы, вероятно, так никогда и не придем к сколько-нибудь адекватной концепции урбанизма как образа жизни. Технологический прогресс в средствах транспорта и коммуникации, открывающий поистине новую эпоху в человеческой истории, подчеркнул роль городов как доминирующих элементов нашей цивилизации и привел к распространению городского образа жизни далеко за пределы города как такового. Главенствующее положение города, особенно крупного города, можно рассматривать как следствие концентрации в городах промышленных, коммерческих, финансовых и административных учреждений и деятельности, транспортных путей и линий коммуникации, а также такого культурного и досугового оснащения, как пресса, радиостанции, театры, библиотеки, музеи, концертные залы, оперы, больницы, университеты, исследовательские и издательские центры, профессиональные организации, религиозные и социальные учреждения. Не будь город столь привлекателен и не будь того влияния, которое он оказывает с помощью этих средств на сельское население, разница между сельским и городским образами жизни была бы еще более глубокой. Урбанизация — это уже не просто процесс, посредством которого люди стягиваются в место, называемое городом, и встраиваются в его систему жизни. Это еще и кумулятивное заострение

характеристик, которые отличают связанный с ростом городов образ жизни; наконец, это также то движение к образам жизни, считающимся городскими, которое проявляется у людей везде, где они оказываются в радиусе чарующих влияний, исходящих от города по транспортным и коммуникационным каналам, в силу огромного могущества его институтов и личностей.

Недостатки, присущие такому критерию урбанизма, как число жителей, свойственны по большей части и критерию плотности населения. Возьмем ли мы в качестве критерия городских поселений плотность населения в 10 тыс. человек на кв. милю, как предлагает Марк Джефферсон¹, или 1000 человек на кв. милю, как предпочитает делать Уилкоккс², ясно, что до тех пор, пока мы не свяжем плотность со значимыми социальными характеристиками, она сможет дать лишь произвольный базис для отличия городских сообществ от сельских. Поскольку наши переписи учитывают не дневную, а ночную популяцию ареала, то место наиболее интенсивной городской жизни, а именно городской центр, будет иметь, как правило, низкую плотность населения, а промышленные и коммерческие ареалы города, где сосредоточены наиболее характерные для городского общества виды экономической деятельности, вряд ли вообще хоть где-то окажутся подлинно городскими, если брать плотность населения как признак урбанизма в буквальном смысле. То, что городское сообщество отличается большим скоплением и относительно плотной концентрацией населения, вряд ли можно оставить без внимания, когда мы пытаемся дать определение города; тем не менее эти критерии нужно видеть в соотношении с общим культурным контекстом, в котором возникают и существуют города. Они социологически значимы лишь постольку, поскольку действуют как обуславливающие факторы социальной жизни.

Ту же критику можно высказать и в отношении таких критериев, как род занятий жителей, наличие определенных физических сооружений, институтов и форм политической организации. Вопрос не в том, проявляют ли города в нашей или других цивилизациях эти отличительные черты, а в том, насколько они способствуют формированию опреде-

¹ Jefferson M. The anthropogeography of some great cities // Bull. American Geographical Society. – Vol. XLI (1909). – P. 537–566.

² Willcox W. F. A definition of «city» in terms of density // Burgess E.W. The urban community. – Chicago: University of Chicago Press, 1926. – P. 119.

ленного строя социальной жизни, а именно — специфически городской ее формы. Кроме того, пытаясь сформулировать плодотворное определение, мы не можем позволить себе пренебречь огромными различиями между городами. При помощи типологии городов, базирующейся на их размере, местоположении, возрасте и функции, — такой, какую мы попытались разработать в нашем отчете, представленном недавно в Национальную комиссию по ресурсам¹, — мы сочли полезным упорядочить и классифицировать городские сообщества, варьирующие в диапазоне от небольших городишек, борющихся за место под солнцем, до преуспевающих мировых центров, от обособленных торговых центров, расположенных в глубине сельскохозяйственных регионов, до процветающих мировых портов, коммерческих и промышленных конурбаций. Эти различия кажутся исключительно важными, поскольку социальные характеристики и влияния этих разных «городов» очень сильно различаются.

Рабочее определение урбанизма должно не только учесть существенные черты, которыми обладают все города — по крайней мере в нашей культуре, — но и быть пригодным для изучения их различий. Промышленный город в социальном отношении будет значительно отличаться от коммерческого, шахтерского, рыболовецкого, курортного, университетского или столичного. Город, в котором сосредоточена одна-единственная отрасль, будет проявлять иные наборы социальных характеристик, нежели мультииндустриальный город; столь же сильно будут отличаться город, в котором сбалансированы разные отрасли промышленности, от города, в котором такой баланс отсутствует, пригород — от города-спутника, спальные пригороды — от промышленных пригородов, город, включенный в метрополитенский регион, — от города, в него не включенного, старый город — от нового, южный город — от города в Новой Англии, город Среднего Запада — от города, расположенного на тихоокеанском побережье, растущий и развивающийся город — от стабильного и умирающего.

Социологическое определение явно должно быть достаточно широким, чтобы охватить все существенные характеристики, общие для этих разных типов городов как социальных существностей, но, очевидно, не может быть настолько подробным, чтобы учесть все вариации, имплицитно содержащиеся в перечисленных выше многочисленных классах. Судя по всему, некоторые характеристики городов играют в обуслови-

¹ Op. cit. — P. 8.

вании природы городской жизни более важную роль, чем другие, и можно ожидать, что самые примечательные черты городской социальной сцены будут варьировать в зависимости от размера, плотности и функционального типа города. Более того, можно предположить, что сельская жизнь в той мере, в какой она благодаря контакту и коммуникации попадает под влияние городов, будет нести на себе отпечаток урбанизма. Чтобы придать больше ясности последующим утверждениям, вероятно, будет полезно еще раз повторить, что, хотя локус урбанизма как образа жизни обнаруживается, разумеется, прежде всего в тех местах, которые соответствуют требованиям, включенным в определение города, урбанизм не ограничивается такими местами, а в разной степени проявляется везде, куда доходят городские влияния.

Хотя урбанизм, или тот комплекс черт, который образуют характерный для городов образ жизни, и урбанизация, означающая развитие и расширение влияния этих факторов, обнаруживаются не только в тех поселениях, которые являются городами в физическом и демографическом смысле, свое наиболее яркое выражение они, тем не менее, находят именно в таких ареалах, особенно в городах-метрополисах. Формулируя определение города, нужно соблюдать осторожность, дабы избежать отождествления урбанизма как образа жизни с какими-либо специфическими локально или исторически обусловленными культурными влияниями, которые, хотя и могут весьма значительно повлиять на специфический характер сообщества, не являются существенными детерминантами его собственно городской природы.

Особенно важно обратить внимание на опасность смешения урбанизма с индустриализмом и современным капитализмом. Рост городов в современном мире, конечно, не оторван от появления современных машинных технологий, массового производства и капиталистического предпринимательства; но как бы ни отличались города прежних эпох от больших городов наших дней в силу того, что развивались в условиях доиндустриального и докапиталистического порядка, они, тем не менее, были городами.

Для социологических целей город можно определить как относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов. На основе постулатов, предполагаемых этим минимальным определением, и в свете существующего знания о социальных группах можно сформулировать теорию урбанизма.

III. ТЕОРИЯ УРБАНИЗМА

Тщетно ищем мы в обширной литературе, посвященной городу, такую теорию урбанизма, которая бы представила имеющиеся знания о городе как социальной сущности в систематической форме. Правда, у нас есть превосходные теоретические трактовки некоторых специальных проблем, таких, в частности, как рост города, рассматриваемый в качестве исторической тенденции и регулярного процесса¹; у нас есть богатая литература, содержащая как социологически значимые прозрения, так и эмпирические исследования, дающие подробную информацию о множестве частных аспектов городской жизни. Однако, несмотря на растущий поток исследований и учебников, посвященных городу, мы до сих пор не имеем исчерпывающего корпуса четких гипотез, которые можно было бы вывести из набора постулатов, имплицитно заключенных в социологическом определении города, а также из наших эмпирически подтвержденных общесоциологических знаний. Наибольшие приближения к систематической теории урбанизма, которыми мы располагаем, содержатся в проницательном очерке Макса Вебера «Город»² и в памятке Роберта Э. Парка, озаглавленной «Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде»³. Но даже эти великолепные работы далеки от того, чтобы дать нам упорядоченную и согласованную теорию, на которую можно было бы опереться при проведении исследований.

Ниже мы попытаемся выделить некоторые отличительные особенности города. Выделив эти особенности, мы покажем, какие следствия или другие характерные особенности из них вытекают в свете общей социологической теории и эмпирических исследований. Таким образом мы надеемся получить ряд важных суждений, образующих в совокупности теорию урбанизма. Некоторые из этих суждений уже сейчас можно подкрепить большим эмпирическим материалом; другие можно принять в качестве гипотез, в пользу которых говорят кое-какие пред-

¹ См.: Park R. E., Burgess E. W. *et al.* The city. — Chicago: University of Chicago Press, 1925, особенно главы II и III; Sombart W. *Städtische Siedlung, Stadt // Handwörterbuch der Soziologie / Ed. Alfred Vierkandt.* — Stuttgart: F. Enke, 1931, см. также библиографию.

² Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft.* — Tübingen: Mohr Siebeck, 1925. — S. 514–601 (ч. II, гл. VIII).

³ Park R. E., Burgess E. W. *et al.* *Op. cit.* — Chap. I.

варительные данные, но для подтверждения которых требуется более полная и тщательная верификация. Мы надеемся, что такая процедура, по крайней мере, покажет нам, какими систематическими знаниями о городе мы в данный момент располагаем и какие гипотезы будут наиболее значимыми и плодотворными для наших дальнейших изысканий.

Главная задача, стоящая перед социологом города, состоит в том, чтобы выявить те формы социального действия и организации, которые типичным образом проявляются в относительно постоянных и компактных поселениях большого числа гетерогенных индивидов. Мы должны также предположить, что наиболее характерную и крайнюю свою форму урбанизм будет принимать в той мере, в какой будут присутствовать определенные условия, с которыми он находится в состоянии соответствия. Так, например, чем более крупным, плотно населенным и гетерогенным является сообщество, тем сильнее будут выражены характеристики, ассоциируемые с урбанизмом. Вместе с тем следует признать, что в социальном мире институты и практики могут приниматься и воспроизводиться по иным причинам, нежели те, которые изначально вызвали их возникновение, и что городской образ жизни, соответственно, может воспроизводиться в условиях, совершенно чуждых тем, которые необходимы для его появления.

Вероятно, нужно как-то обосновать выбор основных терминов, которые мы включили в определение города. Мы старались сделать его одновременно как можно более широким и как можно более денотативным, не перегружая лишними предположениями. Когда мы говорим, что для образования города необходима большая численность населения, мы, разумеется, говорим о большой численности по отношению к определенной территории, т.е. о высокой плотности заселения. Между тем есть веские причины рассматривать большую численность и высокую плотность как отдельные факторы, поскольку каждый из них может быть связан с существенно разными социальными последствиями. Точно так же можно поставить под вопрос надобность добавления гетерогенности населения как необходимого и отличительного критерия урбанизма, поскольку с увеличением численности мы естественным образом ожидаем и возрастания различий. В защиту этого добавления можно сказать, что город демонстрирует такой тип и такую степень гетерогенности населения, которые нельзя в полной мере объяснить законом больших чисел и адекватно представить при помощи кривой нормального

распределения. Поскольку население города не обеспечивает собственного воспроизводства, оно вынуждено рекрутировать мигрантов из других городов, из сельской местности и — как это было в последнее время в нашей стране — из других стран. Таким образом, исторически город был плавильным котлом рас, народов и культур, создавая самую благоприятную почву для возникновения новых биологических и культурных гибридов. Он не просто терпел индивидуальные различия, он их вознаграждал. Он собирал воедино людей из разных уголков земного шара *постольку, поскольку* они различны и тем самым полезны друг другу, а не на основе их гомогенности и схожести их мышления¹.

На основе наблюдений и исследований можно сформулировать ряд социологических суждений о связи групповой жизни с (а) численностью населения, (б) его плотностью и (в) гетерогенностью жителей.

¹ Быть может, необходимо обосновать также и включение в определение термина «постоянное». То, что мы не даем развернутого обоснования включения этого характерного для города признака, связано с тем очевидным фактом, что до тех пор, пока человеческие поселения не пустят прочные корни в определенной местности, характерные черты городской жизни возникнуть не могут. И наоборот: совместная жизнь большого числа гетерогенных индивидов в условиях плотного сосредоточения невозможна без более или менее развитой технологической структуры.

Размер популяционного агрегата

Еще со времен «*Политики*» Аристотеля¹ признавалось, что возрастание в поселении количества жителей, превосходя некоторый предел, оказывает воздействие на отношения между ними и на характер города. Большая численность населения, как уже указывалось, предполагает более широкий диапазон индивидуальных различий. Кроме того, чем больше индивидов участвует в процессе взаимодействия, тем больше их *потенциальная* дифференциация. Следовательно, у членов городского сообщества можно ожидать гораздо более широкого диапазона колеба-

¹ См.: Аристотель. *Политика*, книга седьмая, IV. Можно процитировать следующий фрагмент: «Однако же и для величины государства, как и всего прочего — животных, растений, орудий, существует известная мера. В самом деле, каждое из них, будучи чрезвычайно малым или выдаваясь своей величиной, не будет в состоянии осуществлять присущие ему возможности, но в одном случае совершенно утратит свои естественные свойства, в другом — приведет в плохое состояние... Равным образом и государство с крайне малочисленным населением не может дозвезть себе (а государство есть нечто самодовлеющее). Государство с чрезмерно большим населением, правда, является самодовлеющим в отношении удовлетворения насущных потребностей, однако же оно скорее племенная единица, нежели государственная, так как ему нелегко иметь какое-либо правильное устройство. Действительно, кто станет военачальником такого до чрезвычайных размеров возросшего множества, кто будет глашатаем, если он не обладает голосом Стентора? Отсюда следует, что в своем первоначальном виде государство должно заключать в себе такое количество населения, какое было бы прежде всего самодовлеющим для устройства благой жизни на началах политического общения. Возможно и такое государство, которое, превосходя первое по количеству населения, будет больше его; но, как мы уже указали, это увеличение населения не должно быть безграничным. А какова граница избытка населения, легко усмотреть, исходя из действительного положения дел. Дейтельность государства распределяется между властвующими и подчиненными; задача первых — давать распоряжения и выносить судебные решения. Для того чтобы выносить решения на основе справедливости и для того чтобы распределять должности по достоинству, граждане непременно должны знать друг друга — какими качествами они обладают; где этого не бывает, там и с замещением должностей, и с судебными разбирательствами дело неизбежно обстоит плохо. Ведь и в том и в другом случае действовать необдуманно — несправедливо, а это явно имеет место при многолюдстве. Сверх того, и иноземцам и метекам легко присваивать себе права гражданства, так как нетрудно проделать это незаметно именно вследствие избытка населения. Таким образом, ясно, что наилучшим пределом для государства является следующий: возможно большее количество населения в целях самодовлеющего его существования, притом легко обозримое. Вот как мы определяем величину государства». (Цит. по: Аристотель. Собр. соч. / В 4 т. — Т. 4. — М., 1984. — С. 597—598.)

ний личностных черт, родов занятий, культурной жизни и идей, чем у жителей сельской местности.

Отсюда можно непосредственно заключить, что такие вариации имеют следствием пространственную сегрегацию индивидов по цвету кожи, этническому наследию, экономическому и социальному статусу, вкусам и предпочтениям. В агрегате, члены которого обладают столь разнородным происхождением и столь разными качествами, узы родства и соседства, а также чувства, порождаемые совместной жизнью на протяжении многих поколений в условиях общей народной традиции, скорее всего будут отсутствовать либо, в лучшем случае, будут относительно слабыми. В таких условиях место уз солидарности, на которых держится единение народного общества, занимают механизмы конкуренции и формального контроля.

Увеличение числа жителей сообщества сверх нескольких сотен человек ограничивает для каждого члена сообщества возможность лично знать всех других его членов. Макс Вебер, признавая социальную значимость этого факта, пояснял, что, с социологической точки зрения, большая численность и высокая плотность населения означают отсутствие того взаимного личного знакомства между жителями, которое, как правило, свойственно соседской общине¹. Следовательно, возрастание численности населения предполагает изменение характера социальных связей. Как отмечает Зиммель:

«[Если бы] в городе непрекращающийся внешний контакт множества людей сопровождался таким же числом внутренних реакций, как и в небольшом городке, в котором человек знает едва ли не каждого, с кем встречается, и с каждым связан позитивным взаимоотношением, он был бы полностью атомизирован внутренне и впал бы в немислимое душевное состояние»².

Увеличение числа лиц, находящихся в состоянии взаимодействия в условиях, делающих контакт между ними как полными личностями невозможным, вызывает ту сегментацию человеческих отношений, которую исследователи душевной жизни городов иногда используют для объяснения «шизоидного» характера городской личности. Это не значит,

¹ Op. cit. — P. 514.

² Simmel G. Die Grossstädte und das Geistesleben // Die Grosstadt / Ed. Theodor Pertz. — Dresden: v. Zahn & Jaensch, 1903. — S. 187–206. (Рус. пер.: Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. — 2002, № 3–4 (34). — С. 23–34. Ср. перевод цитаты на с. 28.)

что горожане имеют меньше знакомств, чем жители сельских местностей (возможно, как раз наоборот); скорее это означает, что из множества людей, которых они видят и с которыми сталкиваются бок о бок в повседневной жизни, они знают меньшую часть, да и этих людей знают менее глубоко.

Как правило, горожане встречаются друг с другом в очень частных ролях. В удовлетворении жизненных потребностей они, разумеется, зависят от большего числа людей, чем сельские жители, и, следовательно, связаны с большим числом организованных групп; но они меньше зависят от конкретных лиц, и их зависимость от других ограничивается крайне узким аспектом круга деятельности другого. Именно это имеется в виду, когда говорят, что город характеризуется вторичными, а не первичными контактами. Контакты в городе, даже если происходят лицом к лицу, являются безличными, поверхностными, мимолетными и сегментарными. Скрытность, равнодушие и безразличный вид, проявляемые горожанами во взаимоотношениях друг с другом, можно, таким образом, рассматривать как средства, помогающие им оградить себя от личных притязаний и ожиданий других.

Поверхностность, анонимность и мимолетность городских социальных связей позволяют понять ту умственную изоционность (*sophistication*) и ту рациональность, которые обычно приписывают обитателям городов. Наши знакомые обычно связаны с нами отношениями полезности, в том смысле, что роль, играемая каждым из них в нашей жизни, рассматривается нами всецело как средство для достижения наших целей. Хотя индивид достигает некоторой степени эмансипации, или свободы, от личного и эмоционального контроля со стороны близких групп, одновременно он теряет спонтанность самовыражения, моральный дух и чувство участия, сопутствующее жизни в интегрированном обществе. Это конституирует то состояние *аномии*, или социального вакуума, о котором говорит Дюркгейм, пытаясь объяснить различные формы социальной дезорганизации в технологическом обществе.

Сегментарный характер и утилитарная тональность межличностных отношений в городе находят свое институциональное выражение в умножении специализированных задач, наиболее развитую форму которых мы видим в профессиях. Денежные связи способствуют формированию хищнических отношений, которые подрывают эффективное функционирование социального порядка, если не сдерживаются профессиональными кодексами и цеховым этикетом. Приоритет, отдаваемый

полезности и эффективности, предполагает адаптивность корпоративного механизма организации предприятий, в работу которых индивиды могут вовлекаться лишь группами. Преимущество корпорации над индивидуальным предпринимательством и деловым партнерством в урбанистическо-промышленном мире связано не только с теми возможностями, которые она открывает для централизации ресурсов многих тысяч индивидов, и с правовым преимуществом ограниченной ответственности и непрерывной преемственности, но и с тем, что у корпорации нет души.

Специализация индивидов, особенно в сфере их занятий, может, как отмечал Адам Смит, происходить лишь на базе расширенного рынка, который, в свою очередь, усиливает разделение труда. Этот расширенный рынок лишь частично опирается на прилегающие к городу районы; в значительной степени опорой ему служит то большое количество населения, которое содержится в самом городе. Благодаря разделению труда, обусловленному и усугубленному городской жизнью, становится объяснимо главенство города над окружающей местностью. С разделением труда и специализацией занятий тесно связаны крайняя степень внутренней взаимозависимости и нестабильное равновесие городской жизни. В силу тяготения города к специализации на наиболее выгодных для него функциях эти взаимозависимость и нестабильность еще более возрастают.

В сообществе, численность индивидов в котором превосходит предел, при котором каждый может близко знать любого другого и все могут собраться в одном месте, возникает потребность в опосредованной коммуникации и в выражении индивидуальных интересов посредством делегирования. В городе интересы обретают силу, как правило, через представительство. Сам по себе индивид мало что значит, но к голосу представителя прислушиваются с уважением, примерно пропорциональным количеству людей, от лица которых он выступает.

Хотя приведенная характеристика урбанизма, вытекающая из большой численности населения, никоим образом не исчерпывает тех социологических выводов, которые мы могли бы получить из имеющихся знаний о связи между размером группы и особенностями поведения ее членов, в целях краткости мы можем ограничиться приведенными утверждениями как примером того, какого рода суждения могут стать предметом нашей дальнейшей работы.

Плотность

Высокая концентрация населения в ограниченном пространстве, как и большая его численность, имеет определенные последствия, релевантные для социологического анализа города. Из них мы можем указать лишь некоторые.

Как отмечали Дарвин в отношении флоры и фауны, а позже Дюркгейм в отношении человеческих обществ¹, рост численного состава популяции при неизменной площади ареала (т. е. возрастание плотности) обычно вызывает дифференциацию и специализацию, ибо только таким образом ареал может поддержать существование возросшего числа особей. Стало быть, плотность усиливает диверсификацию людей и их деятельностей и возрастание сложности социальной структуры, вызываемые ростом населения.

С субъективной стороны, как предположил Зиммель, тесный физический контакт множества индивидов непременно вызывает изменение в средствах, с помощью которых мы ориентируемся на городскую среду, особенно на других людей. При тесноте физических контактов наши социальные контакты, как правило, дистантны. Городской мир отдает приоритет визуальному узнаванию. Мы видим униформы, обозначающие функциональные роли, и не замечаем скрытые за ними эксцентричные личностные особенности. Мы становимся все более восприимчивыми к миру артефактов и все больше отдаляемся от мира природы.

Мы сталкиваемся с разительными контрастами между великолепием и запущенностью, богатством и нищетой, интеллигентностью и невежеством, порядком и хаосом. Конкуренция за пространство велика, и каждый ареал обычно находит себе применение, приносящее наибольшую экономическую отдачу. Место работы все больше отделяется от места жительства, ибо близость промышленных и коммерческих учреждений делает ареал и с экономической, и с социальной точки зрения нежелательным для проживания.

Плотность населения, цены на землю, арендная плата, досягаемость, санитарные условия, престиж, эстетическая привлекательность, отсутствие таких досадных неудобств, как шум, смог и грязь, определя-

¹ Durkheim E. De la division du travail social. — Paris: Presses Universitaires de France, 1932. — P. 248. (Рус. перевод: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996.)

ют, насколько желательными будут те или иные ареалы города в качестве мест проживания для разных сегментов населения. Место и характер работы, доход, расовые и этнические характеристики, социальный статус, обычаи, привычки, вкусы, предпочтения и предрассудки – вот некоторые важные факторы, под влиянием которых происходит отбор городского населения и его распределение по более или менее обособленным районам проживания. Таким образом, разные элементы популяции, населяющие компактное поселение, сегрегируются друг от друга в той степени, в какой несовместимы их запросы и образы жизни, и в той мере, в какой они друг другу антагонистичны. Люди, обладающие гомогенными статусами и потребностями, невольно стекаются в один и тот же ареал, сознательно его выбирая или загоняясь в него обстоятельствами. Разные части города приобретают специализированные функции, и город все больше походит на мозаику социальных миров, где переход из одного мира в другой становится скачкообразным. Соседство дивергентных личностей и образов жизни рождает релятивистскую перспективу и чувство терпимости к различиям, которые можно рассматривать как необходимые предпосылки рациональности и которые ведут к секуляризации жизни¹.

Тесная совместная жизнь и работа индивидов, не связанных друг с другом sentimentalными и эмоциональными узами, подстегивает дух конкуренции, взаимной эксплуатации и стремления пробиться наверх. Для сдерживания безответственности и потенциального беспорядка учреждаются формальные механизмы контроля. Без строгой приверженности предсказуемой рутине большое компактное общество вряд ли смогло бы себя сохранить. Основу социального порядка в урбанистическом мире символизируют часы и светофоры. Частый и тесный физический контакт в сочетании с огромной социальной дистанцией повышает скрытность в отношениях между ничем не связанными индивидами и, не компенсируясь другими возможностями проявления взаимной отзывчивости, рождает одиночество. Неизбежные частые перемещения огромных масс индивидов в перенаселенной среде обитания создают недовольство и раздражение. Нервное напряжение, проистекающее из таких личных фрустра-

¹ Трудно определить, в какой степени сегрегация населения по особым экологическим и культурным ареалам и возникающие благодаря ей социальная установка терпимости, рациональность и секулярный менталитет являются функциями собственно плотности населения, а не его гетерогенности. Скорее всего, здесь мы имеем дело с явлениями, представляющими собой следствия одновременного действия обоих факторов.

ций, усугубляется быстрым темпом жизни и изощренной техникой, без которых немислимо существование плотно населенных ареалов.

Гетерогенность

Социальное взаимодействие между столь разнородными личностными типами, происходящее в городской среде, ведет к разрушению жестких кастовых барьеров и к усложнению классовой структуры, создавая тем самым более сложную и дифференцированную схему социальной стратификации, чем та, которая обнаруживается в более интегрированных обществах. Возросшая мобильность индивида, вовлекающая его в сферу стимулирующего влияния огромного множества разных индивидов и подчиняющая его колебательным изменениям статуса в дифференцированных социальных группах, образующих социальную структуру города, приводит индивида к принятию нестабильности и отсутствия безопасности в мире в целом как нормы. Этот факт, помимо всего прочего, помогает объяснить изощренность и космополитизм горожанина. Ни одна группа не может рассчитывать на его безраздельную преданность. Группы, к которым он присоединяется, не удается расставить в простой иерархический порядок. Благодаря многообразию интересов, связанных с различными аспектами социальной жизни, индивид становится членом самых разных групп, каждая из которых функционирует лишь в соотноении с одним из сегментов его личности. Нелегко поддаются эти группы и концентрическому упорядочению, при котором более узкие группы полностью попадали бы в окружности более широких, как это часто бывает в сельском сообществе или в примитивных обществах. Группы, к которым обычно принадлежит индивид, скорее, тангенциальны по отношению друг к другу или различным образом пересекаются.

Отчасти в результате физической неукорененности населения, отчасти в результате социальной мобильности, текучесть личного состава групп обычно велика. Место жительства, место и характер работы, доход и круг интересов подчинены флуктуационным изменениям, и задача сохранения сплоченности организаций, поддержания и стимулирования близких и продолжительных знакомств между их членами — далеко не из легких. Это поразительным образом проявляется в локальных ареалах города, в которых сегрегация людей определяется в большей степени различиями в расе, языке, доходах и социальном статусе, нежели личным выбором индивида или его позитивной тягой к себе подобным. В

подавляющем большинстве горожане не являются домовладельцами, а поскольку временная среда обитания не способствует установлению прочных традиций и чувств, то горожане очень редко бывают соседями в подлинном смысле слова. Индивид почти лишен возможности составить представление о городе в целом и выяснить свое место в его тотальной схеме. Вследствие этого ему оказывается трудно определить, что «в наибольшей степени соответствует его интересам», и сделать выбор из перечня проблем и лидеров, который предлагается ему средствами массового внушения. Индивиды, оторванные таким образом от организованных тел, интегрирующих общество, образуют текучие массы, которые делают коллективное поведение в городском сообществе крайне непредсказуемым и создающим много проблем.

Хотя город, рекрутируя для выполнения своих разных задач разные типы людей, выпячивая посредством конкуренции их уникальность, превознося эксцентричность, новизну, эффективность и изобретательность, создает крайне дифференцированное население, он оказывает на людей и нивелирующее влияние. Везде, где скапливается большое количество по-разному устроенных индивидов, начинается также и процесс деперсонализации. Эта нивелирующая тенденция коренится отчасти в экономическом базисе города. Развитие больших городов, по крайней мере в современную эпоху, в огромной степени зависело от концентрированной силы пара. Развитие фабрики сделало возможным массовое производство товаров для безличного рынка. Однако максимально полное использование возможностей, заложенных в разделении труда и массовом производстве, немыслимо без стандартизации процессов и продуктов. Рука об руку с такой системой производства идет денежная система. По мере того как на базе этой системы производства шло развитие городов, личные отношения как основа прежней ассоциации вытеснялись денежными связями, предполагающими продажность услуг и вещей. В этих условиях индивидуальность неизбежно должна быть вытеснена категориями. Когда множеству людей приходится сообща пользоваться техническими средствами и институтами, должна произойти перестройка этих средств и институтов, дабы они были приспособлены к потребностям среднего человека, а не конкретных индивидов. Услуги, предоставляемые коммунальными службами, досуговыми, образовательными и культурными учреждениями, должны быть приспособлены к массовым требованиям. Схожим образом, такие культурные учреждения, как школы, кинотеатры, радио и газеты, в силу своей массовой клиентуры тоже

неизбежно должны оказывать нивелирующее влияние. Политический процесс, характерный для городской жизни, невозможно понять, если не разобраться в призывах к массам, которые осуществ-ляются с помощью современных методов пропаганды. Чтобы хоть как-то участвовать в социальной, политической и экономической жизни города, индивид должен подчинить какую-то часть своей индивидуальности требованиям окружающего сообщества, и в той мере, в какой он это делает, он окунается в массовые движения.

IV. СВЯЗЬ ТЕОРИИ УРБАНИЗМА С СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

Благодаря такой организованной теории, которая только что в общих чертах была описана, сложные и многогранные феномены урбанизма могут быть проанализированы с помощью ограниченного числа основных категорий. Социологический подход к городу обретает таким образом принципиальное единство и связность, что позволяет исследователю-эмпирику не только более точно сосредоточиться на проблемах и процессах, которые по праву относятся к области его изучения, но и сделать более интегрированной и систематичной трактовку своего предмета. Дабы облечь в плоть и кровь выдвинутые выше теоретические положения, мы приведем некоторые типичные результаты эмпирического исследования урбанизма, прежде всего в Соединенных Штатах, и наметим некоторые ключевые проблемы для дальнейшего изучения.

Характеристики городской жизни, а также различия между городами разных размеров и типов можно объяснить, взяв за основу три переменные: численность городского населения, его плотность и степень гетерогенности.

К эмпирическому исследованию урбанизма как специфического образа жизни можно подойти с трех взаимно связанных точек зрения, рассматривая его: (1) как физическую структуру, включающую в себя популяционную базу, технологию и экологический порядок, (2) как систему социальной организации, включающую характерную социальную структуру, ряд социальных институтов и типичный паттерн социальных отношений, и (3) как набор установок и идей, а также констелляцию личностей, втянутых в типичные формы коллективного поведения и подчиненных характерным механизмам социального контроля.

Урбанизм в экологической перспективе

Поскольку при изучении физической структуры и экологических процессов мы можем оперировать вполне объективными показателями, перед нами открывается возможность получить достаточно точные и количественно представимые результаты. Доминирование города над сельской окрестностью можно объяснить функциональными характеристиками города, возникающими в значительной мере вследствие численности и плотности населения. Многие из технических средств, умений и организаций, создаваемых городской жизнью, могут развиваться и достичь расцвета лишь в городах, где спрос на них достаточно велик. Характер и репертуар услуг, предоставляемых этими организациями и институтами, а также то преимущество, которое они имеют над менее развитым техническим оснащением маленьких городов, укрепляют господствующее положение города, делая все более широкие регионы зависимыми от центрального метрополиса.

Состав городского населения демонстрирует действие факторов отбора и дифференциации. В городах доля людей, находящихся во цвете лет, больше по сравнению с сельскими ареалами, где выше процент пожилых и несовершеннолетних. В этом отношении, как и во многих других, чем крупнее город, тем сильнее проявляется эта характерная особенность урбанизма. Если не брать самые крупные города, притягивающие много мужчин иностранного происхождения, а также некоторые другие особые типы городов, женщины [в городах] численно преобладают над мужчинами. Гетерогенность городского населения проявляется также в расовом и этническом составе. Люди иностранного происхождения и их дети составляют примерно две трети всех жителей в городах с населением более 1 млн. человек. По мере уменьшения размеров города их доля в городском населении падает, составляя в сельских ареалах лишь около 1/6 всего населения. Аналогичным образом, в крупных городах больше негров и других расовых групп, чем в сообществах меньшего размера. Если учесть, что возраст, пол, раса и этническое происхождение связаны с другими факторами, такими, как род занятий и интересы, становится ясно, что одной из важнейших характеристик горожанина является его непохожесть на других. Никогда еще такие огромные массы столь разных людей, какие мы видим в наших городах, не оказывались заброшены в столь тесный физический контакт друг с другом, как в крупных городах Америки. Города вообще и американские города в част-

ности вобрала в себя пестрое разноцветье народов, культур и крайне дифференцированных образов жизни, которые часто почти никак друг с другом не сообщаются, в отношениях между которыми царит величайшее взаимное безразличие, самая широкая терпимость, иногда суровая борьба, но между которыми неизменно имеется разительнейший контраст.

Неспособность городского населения к собственному воспроизводству оказывается биологическим следствием комбинации факторов, заключенных в комплексе городской жизни, и падение рождаемости в целом можно считать одной из самых важных примет урбанизации западного мира. Хотя убыль населения в городах немного выше, чем в сельской местности, принципиальная разница между неспособностью нынешних городов и городов прошлого к поддержанию численности своего населения состоит в том, что если раньше она была связана с очень высокой смертностью среди городского населения, то сегодня, когда города стали более жизнеспособны в плане здравоохранения, она обусловлена низкой рождаемостью. Эти биологические параметры городского населения социологически значимы не только потому, что отражают городской способ существования, но и потому, что обуславливают рост и будущее господство городов со свойственным им типом социальной организации. Поскольку города преимущественно не производят, а потребляют людей, ценность человеческой жизни и социальная оценка личности не уходят от влияния соотношения между смертностью и рождаемостью. Паттерн землепользования, цен на землю, земельной ренты и собственности, природа и функционирование физических строений, жилого фонда, средств транспорта и коммуникации, общественных служб — эти и многие другие стороны физического механизма города не являются обособленными феноменами, никак не связанными с городом как социальной сущностью, а испытывают воздействие со стороны городского образа жизни и сами на него воздействуют.

Урбанизм как форма социальной организации

В число отличительных черт городского образа жизни социологи часто включают замену первичных контактов вторичными, ослабление родственных уз, падение социальной значимости семьи, исчезновение соседства и подрыв традиционной основы социальной солидарности. Все эти явления надежно подтверждаются объективными показателями.

Так, например, низкий уровень прироста населения и дальнейшее его падение предполагают, что город не благоприятствует традиционному типу семейной жизни, включающему в себя воспитание детей и сохранение дома как места сосредоточения всего круга жизненно важных деятельности. Перенос промышленной, образовательной и рекреационной деятельности в специализированные учреждения, находящиеся вне дома, лишил семью некоторых ее самых характерных исторических функций. В городах матери, как правило, устраиваются на работу, квартиранты чаще бывают частью домохозяйства, браки нередко откладываются, выше доля одиноких и не связанных семейными узами людей. Семьи меньше по размеру, чем в деревне, и чаще бывают бездетными. Семья как единица социальной жизни эмансипируется от более широкой родственной группы, характерной для сельской местности, а ее индивидуальные члены преследуют собственные расходящиеся интересы, связанные с их профессиональной, образовательной, религиозной, рекреационной и политической жизнью.

Такие функции, как охрана здоровья, методы смягчения трудностей, связанных с личной и социальной незащищенностью, обеспечение образования, досуга и культурного развития, дали жизнь высокоспециализированным институтам, действующим на базе сообщества, штата или даже государства. Те же самые факторы, которые привели к росту личной незащищенности, лежат и в основе огромных различий между индивидами, проявляющихся в городском мире. Сломав жесткие кастовые барьеры доиндустриального общества, город вместе с тем обострил различия между группами, дифференцированными по доходу и статусу. Как правило, в городах выше доля взрослых людей, имеющих хорошую работу, чем в сельской местности. В больших городах, торгово-промышленных центрах и городах меньшего размера более многочислен, чем в сельской местности, класс белых воротничков, включающий людей, занятых профессиональной, конторской и коммерческой деятельностью.

В целом, город расхолаживает экономическую жизнь, в которой индивид во время кризиса имеет надежную основу существования, и отбывает охоту работать самостоятельно. Хотя доходы горожан в среднем выше, чем у сельских жителей, в крупных городах, судя по всему, выше и стоимость жизни. Домовладение в городе обременительно и встречается реже. Плата за аренду жилья выше и съедает более значительную часть дохода. Хотя жителя города обслуживают многочисленные комму-

нальные службы, большую часть своего дохода он тратит на такие вещи, как отдых и развитие, а несколько меньшую — на питание. То, что не обеспечивается коммунальными службами, горожанин должен покупать, и нет буквально ни одной человеческой потребности, из которой коммерциализм не научился бы извлекать какую-нибудь выгоду. Утождение человеческим вожделениям и предоставление способов отвлечься от нудной, монотонной и рутинной работы стали, таким образом, одной из основных функций городского досуга; в лучших своих проявлениях он предоставляет возможности для творческого самовыражения и спонтанной групповой ассоциации, однако гораздо чаще в городском мире он имеет результатом, с одной стороны, пассивное зрительное наблюдение, с другой — приносящую острые ощущения безумную погоню за рекордами.

Низведенный как индивид буквально до уровня беспомощности, горожанин вынужден самореализовываться через организованные группы, присоединяясь для достижения своих целей к другим людям, преследующим аналогичные интересы. Это ведет к образованию необычайного множества добровольных организаций, ориентированных на цели столь многочисленные, сколь много у людей потребностей и интересов. Хотя традиционные узы человеческой ассоциации ослаблены, городское существование предполагает гораздо большую степень взаимозависимости между людьми и более сложную, хрупкую и изменчивую форму взаимных связей, многие стороны которой индивид как таковой вряд ли вообще способен контролировать. Нередко то, в какие добровольные группы индивид вступает, почти никак не связано ни с его экономическим положением, ни с другими базовыми факторами, которые определяют его существование в городском мире. Если в примитивных и сельских обществах обычно можно на основе нескольких известных факторов предсказать, кто к какой группе будет принадлежать и кто с кем будет связан едва ли не во всех жизненных взаимоотношениях, то в городе мы можем уловить лишь общий паттерн группообразования и групповой принадлежности, и в этом паттерне будет много внутренних несоответствий и противоречий.

Городская личность и коллективное поведение

Горожанин выражает и развивает свою личность, приобретает статус и способен осуществлять весь круг деятельностей, составляющих его жизненную карьеру, главным образом через участие в деятельности

добровольных групп, преследующих экономические, политические, образовательные, религиозные, рекреационные или культурные цели. При этом напрашивается вывод, что организационная структура, порождаемая этими высокодифференцированными функциями, не гарантирует сама по себе внутренней устойчивости и цельности тех личностей, чьи интересы она выражает. Личностная дезорганизация, душевное расстройство, суицид, делинквентность, преступность, коррупция и беспорядок — все это, как можно в таких условиях ожидать, будет приобретать в городском сообществе большие масштабы, чем в сельском. Сопоставимые показатели, которыми мы располагаем, это подтверждают; однако механизмы, лежащие в глубине этих явлений, нуждаются в дальнейшем анализе.

Поскольку при решении большинства групповых задач в городе не представляется возможным индивидуально обратиться к огромному множеству дискретных и дифференцированных граждан, а их интересы и ресурсы можно направить на достижение коллективных целей лишь с помощью организаций, к которым они принадлежат, то можно заключить, что социальный контроль в городе должен, как правило, осуществляться через формально организованные группы. Также из этого следует, что массы людей в городе поддаются манипулированию с помощью символов и стереотипов, которыми управляют индивиды, действующие издалека или незримо воздействующие из-за кулис благодаря контролю над средствами коммуникации. Самоуправление, будь то в экономической, политической или культурной сфере, сводится в таких обстоятельствах к простой фигуре речи или, в лучшем случае, к нестабильному равновесию между группами давления. Вследствие неэффективности действительных родственных связей мы создаем фиктивные родственные группы. Перед лицом исчезновения территориального единства как основы социальной солидарности мы создаем единения по интересам. Тем временем город как сообщество распадается на совокупность слабых сегментарных связей, накладывающихся на территориальную основу с определенно обозначенным центром, но без четко определенной периферии, и на разделение труда, которое выходит далеко за границы непосредственного местоположения города и оплетает собой весь мир. Чем больше людей находится в состоянии взаимодействия друг с другом, тем ниже уровень коммуникации и тем сильнее выражена тенденция к низведению коммуникации на самый элементарный уровень, т. е. на уровень того, что считается общим и интересным для всех.

Следовательно, симптомы, которые укажут нам на вероятное будущее развитие урбанизма как образа социальной жизни, нужно искать в тех новых тенденциях развития системы коммуникации и в той технологии производства и распределения, которые возникают вместе с современной цивилизацией. Направление текущих изменений в урбанизме, хорошо это или плохо, ведет к глубокому преобразованию не только города, но и всего мира. Важнейшие из этих факторов и процессов, возможности управления ими и установления над ними контроля требуют дальнейшего тщательного исследования.

Лишь в той мере, в какой социолог имеет ясное представление о городе как социальной сущности и рабочую теорию урбанизма, он может рассчитывать на разработку единого корпуса надежного знания, которым то, что сегодня именуется «городской социологией», пока еще точно не является. Если взять в качестве отправной точки теорию урбанизма, схематичный очерк которой дан выше, и разрабатывать ее дальше, проверяя и пересматривая в свете дальнейшего анализа и эмпирических исследований, то есть надежда, что нам удастся определить критерии релевантности и достоверности фактических данных. Разрозненное скопление разнородной информации, которое до сих пор находило себе путь на страницы социологических трактатов о городе, можно будет тогда тщательно перебрать и превратить во внутренне согласованную систему знания. Кстати говоря, только с помощью такой теории социолог сможет избежать бесплодной практики озвучивания от лица социологической науки многочисленных и часто ничем не подкрепленных суждений по таким техническим вопросам, как бедность, жилье, городское планирование, гигиена, муниципальное управление, полицейский контроль, маркетинг, транспорт и т.д. Хотя социолог не может решить ни одной из этих практических проблем — во всяком случае самостоятельно, — он может, если правильно найдет себе место, внести серьезный вклад в их понимание и решение. Наиболее блестящие перспективы в этом направлении открывает нам не рассмотрение проблем *ad hoc*, а общий, теоретический подход.

ЖИЗНЬ В ГОРОДЕ*

Происходящее в городе касается нас всех. Большинство американцев (56,5%) живут в том, что перепись населения США называет «городами» (куда включаются ареалы с 2500 и более жителями), и более четверти из них (27,9%) проживают в местах с населением 100 тыс. или более жителей. Вдобавок к тем, кто живет собственно в городах, есть несколько миллионов других, живущих так близко к городам, что их образ жизни во всех основных аспектах может быть назван городским. Более того, современные средства коммуникации и транспорта настолько близко подвели заразные влияния городской жизни и физическую инфраструктуру городских институтов к населению, учитываемому в статистике как сельское, что даже сельские люди уже не являются теми изолированными «варварами» — или, если хотите, «упертыми», непоколебимыми индивидуалистами, — которыми они когда-то были. Короче говоря, все, кроме самых отдаленных сельских поселений, идут в ногу с образом жизни, который ведут горожане.

Городская жизнь имеет много граней. Прежде всего, город повсюду был центром свободы и терпимости, родным домом прогресса, изобретения, науки, рациональности, вообще всего стимулирующего и нового, что входило в жизнь человека и вело его к новым рубежам достижений. Город гарантировал каждому индивиду возможность конкурировать со множеством других за место в мире. Следовательно, в городе мы находим более особенные и разнообразные типы людей, чем в любой другой

* Wirth L. Life in the city // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 206–217. Статья была впервые опубликована в: The library in the community / Ed. by Leon Carnovsky. — Chicago: University of Chicago Press, 1944. — P. 12–22.

форме человеческой ассоциации. Здесь необычное, экзотическое и странное может найти себе место и получить признание. Здесь каждый человек может быть пророком, поскольку может найти себе некоторое множество других, которые поддержат его в его странных верованиях. Из всего этого разнообразия и смешения, из всей этой индивидуалистической борьбы и энергии рождается немало разлагающего фермента и беспорядка, но вместе с тем и немало прогресса. Проблемы заболеваемости, преступности, порока и разрушения семьи принимают в городе более острый характер, чем в сельской местности, но мы готовы терпеть их как часть той цены, которую мы платим за возможность жить вместе большими массами с неравным доступом к комфорту и наслаждению жизнью.

В социальном аспекте город представляет новую форму человеческой ассоциации. Говоря социологически, город есть относительно крупная, плотно сконцентрированная агрегация гетерогенных индивидов, живущих в условиях анонимности, безличных отношений и косвенного контроля. Физическая близость и социальная дистанция, характеризующие городскую жизнь, делают необходимым культивировать скрытность (*reserve*). В число высших человеческих добродетелей в городе входят изощренность, способность не дать другим себя «одурачить» и здоровый скептицизм. Тем не менее горожанам приходится вступать в связи друг с другом, дабы каждый из них мог достичь своих индивидуальных целей. Поэтому в городе расцветают добровольные ассоциации. В отличие от сельской местности, они основываются не на родстве и общей традиции, а на высокоспециализированных интересах. Именно через эти организации городской житель себя выражает и приобретает власть. Город являет взору самые разительные контрасты между богатством и бедностью, образованием и невежеством, воспитанностью и грубостью, и, следовательно, круг соответствующих групп интересов чрезвычайно широк. Этих групп так же много, как много человеческих интересов. Эффективное коллективное действие города в целом возможно лишь при условии сотрудничества между большим числом этих добровольных ассоциаций. Те, кто манипулирует лидерами и символами этих групп, — действительные правители города.

С физической точки зрения, каждый город имеет свой индивидуальный облик; тем не менее под тонким поверхностным слоем особых идиосинкразий можно различить общий паттерн, свойственный всем городам. Обычно каждый крупный город развивает в качестве своего цен-

тра деловой район – ареал, отданный в основном офисным зданиям, универсам, магазинам, торговым центрам, банкам и административным учреждениям. В этом ареале цена земли и величина арендной платы высоки, в силу ограниченности пространства, и люди имеют тенденцию концентрироваться здесь для выполнения этих специализированных, региональных по масштабу функций.

Вокруг делового центра метрополиса обычно находится запущенный ареал, или «зона перехода». В этой зоне цены на землю относительно высоки. Арендная плата, между тем, невелика, и это указывает на то, что землю здесь держат прежде всего для спекулятивных целей. Владельцы, по большей части, считают, что когда-нибудь на их частном земельном участке будет построен новый небоскреб. Они надеются в будущем сколотить состояние на повышении капитализированной стоимости этой земли, но, поскольку в данный момент она приносит очень низкий доход, они не желают тратиться на налоги и потому не занимаются ее благоустройством. Поэтому эти земли превращаются в трущобы, складские ареалы, свалки и места обитания самой экономически обездоленной части населения. Большинство наших проблем – такие, как преступность, бродяжничество, разрушение семьи, беспорядок, болезни и множество других проявлений социального неблагополучия, – сосредоточены в этой транзитной зоне города.

За пределами этого ареала обычно располагается пояс рабочих домов. Люди переезжают в этот ареал из трущобного района, чтобы улучшить свои жилищные условия и повысить свой статус. Иммигранты перебираются сюда по мере того, как их экономическое положение улучшается, а их дети вырастают и требуют более широких жизненных возможностей. В этой зоне мы находим дома на две или четыре семьи, старые многоквартирные дома и небольшое число современных многоквартирных домов.

Следующей зоной, еще более отдаленной от центра города, является собственно ареал многоквартирных домов. Здесь большие земельные участки интенсивно застраиваются зданиями высотой в три, четыре, пять и даже более этажей. Земля относительно дорогая, и арендная плата соответственно высока. Транспорт обычно обеспечивает сравнительно быстрые перемещения, и этот район, в общем и целом, является желанным местом проживания. Здесь живут массы среднего класса. Школы, клубы и организации сообщества, как правило, пользуются финан-

совой поддержкой, и предпринимаются значительные усилия по развитию соседских организаций.

Следующим поясом поселений является городской ареал, больше всего напоминающий старую деревню. Здесь возведены коттеджи, бунгало и другие частные дома с небольшими садиками и зелеными лужайками; это, по большей части, продукт недавних разделений. Население относительно разреженное, но чувство общности обычно выше, чем в любых других ареалах внутренней части города.

Еще дальше находится широкий пригородный пояс современного города: отдельные городки, поселки и деревни, не подчиненные административному контролю центрального городского правительства. По характеру эти пригороды являются специализированными: одни — промышленные, другие — спальные. В спальных пригородах дома обычно стоят дороже. Земельные участки крупнее, и здания обычно окружены заборами и изгородями; иногда они приобретают характер средневековых феодальных поместий с лакеями, плавательными бассейнами и другими свидетельствами роскоши. Разумеется, в этот городской ареал стягивается наиболее преуспевающая в экономическом отношении часть населения.

Такова обобщенная картина города, как он существует сегодня. Однако этот «стоп-кадр» обретает смысл, только если рассматривать его в связи с остальной картиной, из которой он взят. С нашими городами происходило нечто такое, что сделало их существенно отличными от того, какими они были в прошлом. Во времена основания нашей нации американцы не могли указать ни на одно сообщество, численность которого достигала бы 50 тыс. человек. Это предполагает, что наша нация, большинство в которой составляют горожане, развила городскую цивилизацию в невероятно короткий промежуток времени. Постепенный процесс, растянутый на столетия, посредством которого деревни и дворы европейской сельской местности разрастались в небольшие города, а небольшие города — в крупные, оказался в этой стране свернутым в несколько десятилетий. Мы принимали как само собой разумеющееся, что нашим городам естественно увеличиваться в размерах и становиться все более крупными. Разумеется, зрелище «городов-призраков» порой говорило нам, что не все города неизбежно растут до бесконечности, но эти исключительные случаи, связанные преимущественно с лесозаготовительными и угледобывающими сообществами, отменялись в сторону как недоразумения.

На самом деле в начале XX в. были отдельные исследователи, которые смутно предчувствовали, что уход фронта, возможно, замедлит казавшийся беспредельным рост городов. Однако понадобилась последняя перепись, чтобы заставить нас с шоком для себя признать, что, хотя мы и пришли семимильными шагами к 75-миллионной численности городского населения, эра непрерывной урбанизации, видимо, резко достигла своего предела; ибо цифры показали, что в десятилетие депрессии наши города росли самыми медленными темпами за всю историю: 7,9%, что составляло менее трети от темпа роста в предыдущем десятилетии (27,3%) и меньше одной десятой от темпа роста, имевшего место столетие тому назад (92,1% в 1840–50 гг.). Те, кто воображает, что это падение темпа роста всего лишь временное затишье, могли бы задуматься над тем, что, несмотря на прокатившуюся волну миграции из сельских в городские ареалы в ответ на запросы военного производства, мы должны считаться с долгосрочным падением миграции из села в город и с отчетливо выраженным падением темпа естественного прироста (превышения рождаемости над смертностью) и что мы не можем полагаться на возрождение иммиграции из-за рубежа, которая уже накануне войны фактически иссякла с введением ограничительных законов. Наш темп прироста городского населения приближается к темпу для страны в целом — 7,2% в последнее десятилетие, наименьшему в нашей истории. Падение темпа городского роста еще более показательно, если взглянуть на него в свете темпа сельского роста, который увеличился с 3,2% в 1910–20 гг. до 4,4% в 1920–30 гг. и далее до 6,4% в последний период между переписями.

Не все регионы страны оказываются в равной степени затронутыми падением темпов городского роста. Если северные города в течение последнего переписного периода росли всего лишь с темпом 4,0%, то города Юга росли с темпом 18,5%, а города Запада — 16,2%. Прогрессирующая индустриализация Юга, новые процессы на Западе и относительный упадок промышленности в старых установившихся центрах производственной деятельности, видимо, дают объяснение тому факту, что люди, которые в преобладавших раньше условиях могли перебираться в другие регионы и старые городские центры в поисках лучших возможностей трудоустройства, теперь склонны оставаться в своих родных местах.

Но если рост городов, в общем и целом, подошел к концу, то теперь мы видим рождение нового типа сообщества — супергорода, или

метропольного региона. Концентрация бизнеса и промышленности в крупнейших городских центрах сопровождалась центробежным движением жителей, ищущих более благоприятных мест для жизни и воспитания своих детей. Желание убежать от неблагоприятных факторов, дороговизны и гражданских обязанностей жизни в городе было свойственно и промышленным предприятиям, которые, не желая лишать себя доступа к городским рынкам потребителей и труда, пытались извлечь выгоду из меньших затрат — особенно на аренду земли, оплату труда и налоги, — укореняясь за пределами центральных городов и вне досягаемости регулирующих их властей. Таким образом, происходил значительный сдвиг в распределении городских жителей. В общем и целом, города росли с гораздо меньшей скоростью, чем округа, в которых они расположены. Центробежное движение городского населения достигло той точки, когда около трети городов с населением 100 тыс. и более жителей (в 1940 г.) и около четверти городов с населением от 25 до 100 тыс. жителей в истекшее десятилетие стали реально терять свое население.

В США 140 ареалов признаны по переписи 1940 г. метропольными районами, или супергородами. В то время как центральные города, образующие ядра этих метропольных гигантов, выросли за последнее десятилетие только на 6,1%, окружающие их ареалы выросли на 16,9%. Сегодня примерно один из шести американцев — житель пригорода, и один житель пригорода приходится на двух обитателей метропольного города. Хотя эти супергорода перестали расти в своих центрах, их шупальца простираются все дальше в окружающую сельскую местность, вовлекая все большие пропорции населения Соединенных Штатов в орбиты нашей городской цивилизации.

Все это означает, что в наших городах произошла революция. Она привела к опустошающим последствиям, поскольку новизна и непредвиденный характер изменений помогли скрыть их революционность, и мы не успели к ним приспособиться. Городские улицы, приспособленные под лошадные экипажи, оказались запружены плотным потоком транспортных средств, и никто никогда не предполагал, что им нужно будет как-то их вместить. Городские системы налогообложения создавались, когда недвижимость, долго бывшая важнейшей основой богатства и товаром, постоянно возраставшим в цене и напрашивавшимся на спекулятивное использование, считалась единственным надежным источником общественного дохода. Городские правительства создавались по образцу новоанглийского городского собрания, получая ограниченные полномо-

чия от штатов. И от этих правительств ждут, что они будут работать в сообществах, где лишь немногие укоренены на земле, где лишь считанные граждане близко знают друг друга и где людей призывают голосовать за кандидатов, о которых они ничего не знают, кроме портретов, которые видят в газетах, и пропаганды, которую распространяют могущественные агенты публицити. От городов требуют решения проблем, над которыми они не имеют власти. Ограниченная юрисдикция городских правительств упирается в муниципальные границы, в то время как проблемы управления выходят далеко за эти пределы.

Понадобилась депрессия, чтобы мы осознали, что в наших городах свершилась революция, ибо депрессия подчеркнула упадок, начавшийся после того, как Америка покорила свои географические фронтиры. Охватившая всю страну массовая безработица, внезапная пропаша сбережений, подрыв доверия к городским правительствам, необычайный рост ответственности городских сообществ за коммунальное обслуживание и заботу о нуждающихся гражданах стали напоминанием о том, что эпоха спекуляции подошла к концу и что разрушительные последствия политики бездействия могут быть преодолены только мудрым планированием и разумным предвидением. Депрессия, помимо прочего, взорвала древний миф о локальной самодостаточности, ибо показала, что ни города, ни штаты не могут отныне самостоятельно гарантировать своим гражданам прожиточный минимум и упорядоченное функционирование своих институтов и правительственных служб.

Кроме того, депрессия породила новое чувство общей ответственности, о чем говорит появление многочисленных организаций самопомощи. Проводимая нашими властями политика общественных работ для безработных, призванная поддержать по крайней мере подобие минимального уровня жизни и извлечь какие-то непреходящие выгоды из постигшей общество катастрофы, оказалась неоправданной, когда мы перешли от депрессии к военной мобилизации, ибо едва городские сообщества Америки выбрались из экономического паралича тридцатых, как столкнулись с призывом к обороне. Армия безработных исчезла, и появился настоящий недостаток рабочей силы. Стагнирующая строительная отрасль начала переживать беспрецедентный бум. Рост доходов и цен быстро привел к дефициту, от которого удалось избавиться только путем нормирования продажи товаров и контроля над ценами. Сосредоточение на приоритетных сырьевых материалах и сферах приложения труда еще

больше усугубило невнимание к жилищному строительству, транспорту и коммунальным услугам, уже существовавшее в довоенные годы.

Распределение активности отраслей в годы войны лишь усугубило то состояние, которое уже было раньше. Если некоторые города были обделены военными заказами, то многие пережили строительный и промышленный бум, особенно в зонах предместий. Приток военных рабочих в эти отрасли создал гигантские проблемы с жильем и транспортом, которые в то время могли быть решены только какими-то импровизированными мерами. В городских занятиях произошла колоссальная перегруппировка, и в промышленность во все большей степени рекрутировались женщины, подростки и старики.

Основные сегодняшние городские проблемы, обнаженные с предельной ясностью депрессией и усугубленные войной, связаны — как причина, как следствие или как то и другое — с ареалом деградации и трущоб, который прогрызает себе путь из центра города вовне и захватывает все более широкие территории. Эти сдвиги не оставляют не затронутым ни один городской район. Ни один дом и ни один домовладелец не могут быть уверены в стабильности и безопасности перед лицом загнивания и упадка. Школы, церкви, библиотеки и центры общения, которые некогда обслуживали относительно устойчивые и гомогенные популяции, наполнены теперь беспокойными, не укорененными, гетерогенными смесями людей, являющихся чужими друг другу и тому ареалу, в котором они находят временное прибежище, в котором им не удастся пустить корни и за который они не чувствуют никакой ответственности, поскольку не владеют здесь собственностью и не причастны к традициям этого сообщества.

Центрбежный дрейф населения, бизнеса и промышленности создавал все более расширяющийся вакуум. Дорогостоящие сооружения — в том числе коммунальные сооружения, общественные учреждения и частные здания, — расположенные вблизи центра города и в его увядающих ареалах, либо стоят пустыми и бездействуют, либо призваны служить только части населения, для которого они предназначены. Издержки, тем самым, неизбежно повышаются, а качество услуг скорее всего ухудшается. Цены на землю падают, и вместе с сужением доходной базы и колоссальным ростом налоговых правонарушений и лишения должников права выкупа заложенного имущества растет невнимание к физическому состоянию этих районов. Гордость локального сообщества собой и его дух падают, и добровольные ассоциации, через которые массы городских

жителей обычно обретают способность действовать согласованно, распадаются.

Пригородный ареал обычно вбирает не только наиболее состоятельную часть населения, но также, возможно, тех, кто в прежний период жизни города нес на себе основное бремя гражданской ответственности. Город постоянно стремится очиститься от своих более компетентных и граждански мыслящих жителей и остается на попечении тех, кто в экономическом отношении занимает менее выгодное положение, а в культурном плане менее развит и компетентен, чтобы справляться с возникающими проблемами. Этот отток человеческих ресурсов является важным фактором, дающим городу репутацию средоточия беспорядка, преступности, порока, греха и некомпетентности — репутацию, на которую ссылаются как на извиняющее обстоятельство те, кто бежит из города в пригороды. Эти жители пригородов нередко склонны принимать враждебную установку в отношении самого города и проявлять мало заинтересованности в его развитии и процветании. Получая свой доход из центрального города и проводя там наибольшую часть своей культурной жизни, они отчуждаются от города в гражданском аспекте и бросают его на произвол судьбы.

Сочетаясь с архаической базой городского дохода, это бегство из старых ареалов приводит многие наши города на грань банкротства. Муниципалитеты, наследуя обязательства тех, кто бежал из города, и будучи неспособными добраться до капиталов, которые скапливаются в пригородах, не способны без помощи штатов и федерального правительства удержать минимальный уровень обслуживания своего населения.

Еще одна проблема, связанная с бегством из городов, — это особенно острый беспорядок, возникающий на стыке города и сельской местности, где либо вообще не существует контроля, либо он противоречив и неэффективен. Эта ничейная земля — сцена неуправляемого и беспорядочного развития; как и темные закоулки вблизи бывших городских ворот, она служит благоприятным местом (locale) для разного рода контрабандной деятельности.

До войны мы были далеки от достижения удовлетворительного уровня жизни. Война своими бедствиями, лишениями и возросшей усталостью создала огромный объем работы по реконструкции, которую необходимо выполнить. Временное жилье, без которого нельзя было обойтись во время войны, — трейлерные лагеря, палаточные городки и всякого рода временянки, в сочетании с беспланным и неконтролируемым раз-

витиём пригородной недвижимости по соседству с военными заводами, — оставит многие тысячи мигрантов, недавно перебравшихся в города, в столь неудовлетворительных условиях, что это будет угрозой здоровью, благосостоянию и порядку в сообществе. С учетом нехватки жилья, маловероятно, что эти временные поселения будут в надлежащий срок демонтированы. Если их не заменить как можно быстрее постоянными спланированными сообществами, они скорее всего превратятся в новые трущобы.

Ввиду всех этих проблем, ввиду беспорядка, хаоса и беспомощности, с которыми сталкивает нас городская жизнь, возникает желание последовать примеру тех, кто уже бежал из города, и выступить за то, чтобы люди бежали в сельскую местность и пытались воссоздать там более благородное и человеческое существование, нежели то, которое произвели города. Но такая попытка бежать из города чаще всего не учитывает того, что если мы вернемся к более простой, примитивной, стабильной форме существования, то нам придется пожертвовать множеством обогащающих факторов, делающих жизнь человека интересной и захватывающей. Покинуть города значило бы отказаться от преимуществ крупного производства, использующего самые хитроумные приспособления, известные человеку. Другая альтернатива — сделать город местом, пригодным для человеческой жизни, и реконструировать его в соответствии с органическим паттерном, который отводит надлежащее место каждой функции и соединяет образующие его ареалы так, чтобы были обеспечены свет, воздух, безопасность, порядок и жизненная экономия.

Какие шаги нужно предпринять, чтобы реабилитировать наши города? Один из очевидных и базисных шагов — распространение административной юрисдикции города на весь метропольный ареал, коим фактически и является современный город. С нашими городскими проблемами невозможно должным образом справиться, если нам приходится останавливаться перед нынешними произвольно установленными муниципальными границами. Такие проблемы, как преступность и болезни, не знают почтения к политическим границам, и чтобы с ними справиться, наша полицейская машина, наша судебная машина и наши учреждения и службы общественного здравоохранения должны быть так реорганизованы, чтобы ареалы, пораженные этими проблемами, были адекватно охвачены агентствами, призванными их контролировать. Кроме того, городам требуется некоторая мера независимости, чтобы решать свои особые проблемы без вмешательства со стороны аграрных интересов,

которые преобладают у нас в законодательных органах многих штатов. Короче говоря, нужно городское правительство, чьи полномочия и территорияльная юрисдикция соразмерны возложенным на него обязанностям.

Еще одна мера, которую настоятельно необходимо принять, с тем чтобы вернуть городу прочное финансовое здоровье, — пересмотр нашей устаревшей городской системы налогообложения. Нынешняя система придает несоразмерно большую значимость земле, тогда как земля уже не является основной формой, в которой проявляется современное богатство. Пока мы не внесем изменения в нашу налоговую систему, так чтобы она приняла в расчет те новые применения, которые современный индустриализм дает человеческой энергии и ресурсам, города так и будут оставаться в затруднительном финансовом положении.

Необходимая физическая перестройка крупных ареалов наших городов потребует серьезного хирургического вмешательства. Чтобы поднять города, и особенно их загнивающие центры, хотя бы до сносного уровня жизни, нужно перестраивать их целыми квадратными милями, а не брать отдельные дома или кварталы. Форма, которую примет эта реконструкция, может в значительной степени определяться решениями, принятыми промышленными отраслями относительно того, будут ли они производить продукцию на своих старых и, вероятно, устаревших предприятиях вблизи центра города или на современных гигантских предприятиях, построенных на городских окраинах, — решениями, на которые может влиять тот факт, что правительство имеет в новых заводах высокую долю участия. Вместо жизни в пригородах и поездок в город на работу мы можем увидеть все большее число тех, кто живет в городе и ездит на работу в пригороды. Это потребует полной реконструкции наших жилых кварталов и транспортных систем в центрах городов. Несмотря на упадок, расползающийся из сердца городов вовне, в разлагающихся ареалах сосредоточено огромное, многомиллиардное богатство в форме физических строений, которое можно спасти, сделав эти центры обитаемыми и привлекательными для жизни.

Построив лучшие города, мы будем иметь не только шанс устранить наши давние недостатки и восстановить ущерб, причиненный войной, но и возможность пойти вперед и построить лучшую Америку. Меры, принятые во время войны, научили нас, как вести широкомасштабное строительство. У нас родилась новая строительная индустрия, и мы можем развить дальше заводское изготовление домов, их монтаж на мес-

тах и финансирование строительства сообществом, которые находятся пока еще в зачаточном состоянии.

Мы начинаем не с чистого листа. Мы уже не сможем возводить новые города, как столетие тому назад, но у нас будет беспрецедентная возможность реконструировать с применением новых материалов и новых методов старые города, которые мы создали в ответ на условия, ныне уже не существующие. Как бы нам ни хотелось забыть старое и начать все заново, какое-то время наши планы реконструкции неизбежно будут направлены на исправление очевидных дефектов, которые были вскрыты прошлым, и особенно войной. С технологией, рожденной потребностями и опытом военного времени, мы получили новые промышленные продукты и процессы. Если мы сумеем создать современную строительную индустрию, которая, как ранее автомобильная промышленность, обеспечит сбыт массовой продукции по низким ценам, мы сможем дать работу нашим безработным строительным рабочим и производителям материалов, так что они будут строить по меньшей мере миллион домов в год в течение десяти лет, не выходя за рамки тех минимальных стандартов достойных жилищных и жизненных условий, которые нация может себе позволить. Нам нужно будет также принять во внимание аэроплан как средство общего пользования; и хотя автомобиль и общественный транспорт, несомненно, будут еще какое-то время оставаться главными средствами перемещения людей и вещей, мы правильно поступим, если, реконструируя наши города, подготовим их к эпохе воздушного транспорта.

Ни одно из этих изменений не произойдет автоматически. Каждое будет требовать тщательного планирования, и в Соединенных Штатах, где частное предпринимательство всегда было относительно необузданным, планирование необходимо в особенности. Этот термин, возможно, пугает тех, кто видит во всяком коллективизме угрозу американскому образу жизни. Но планирование не обязательно означает регламентацию. Оно вовсе не означает диктатуру. Оно означает использование человеческого интеллекта для предвидения возможного будущего и для рационального приспособления к возможным обстоятельствам или контроля над ними. Оно означает определение того, в чем мы коллективно нуждаемся, и приспособление удовлетворения этих потребностей — в рамках нашей правительственной и экономической системы — к имеющимся в нашем распоряжении ресурсам и средствам.

Города — аванпосты нового фронта, ведущего к развитию нового типа цивилизации. В этой цивилизации, по крайней мере, некоторые из проблем, с которыми люди сталкивались в прошлом, будут решены. Завтрашняя городская Америка делается сегодня. Какой она станет, зависит от мужества и мудрости, с которыми мы даем разуму возможность реализовать человеческие устремления, пользуясь темисредствами, которые предоставляет мир.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ «СЕЛЬСКИМ» И «ГОРОДСКИМ»*

Раздельное развитие сельской и городской социологии в США является достойной сожаления исторической случайностью. В какой-то мере оно было обусловлено сравнительно хорошим финансированием сельскохозяйственных опытных станций, а также отсутствием в нашем правительстве специального департамента, ведающего городами и городской жизнью, который был бы хотя бы приблизительно сопоставим по своим функциям с Департаментом сельского хозяйства, ведающим жизнью сельской. Городские исследования Национальной комиссии по ресурсам ознаменовали первое публичное признание этого факта.

Административное размежевание сельских и городских социологических исследований привело к тому, что на сегодняшний день методичного анализа сходств и различий между сельским и городским у нас нет.

Недавние глубокие изменения в технологии жизни, особенно в США и в какой-то степени во всем мире, сделали те представления, которые мы имели о сходствах и различиях между селом и городом, устаревшими. Город просочился в сельскую местность. Городские образы жизни в каких-то аспектах впитали в себя сельские влияния, особенно в пригородах. Вместе с тем промышленность, которая до сих пор была характерна для городов, ушла в сельскую местность. Транспорт сделал

* Wirth L. Rural-urban differences // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 172–176. Эти выдержки взяты из незавершенной рукописи и машинописного «резюме», которые служили основой для обсуждения этой темы в университете штата Висконсин в конце 1951 г. Накануне кончины Вирт, видимо, использовал эти материалы для подготовки статьи под данным названием для опубликования в «American sociological review».

город доступным для сельского люда. Радио, а чуть позже и телевидение принесли с собой обещание настоящей революции. Настало время переосмыслить смысл понятий «городское» и «сельское».

Трудности, встающие на пути строгого сравнения сельских и городских образов жизни и проблем, многочисленны, и нигде их не возникает так много, как в Соединенных Штатах и странах Западного мира, где сплавление воедино тех и других становится непреложным фактом. Урбанизм больше не тождествен индустриализму, а рурализм перестал отождествляться с немеханизированным трудом. Поскольку социальный контакт уже не зависит в такой степени, как раньше, от личных отношений, размер сообщества и его местоположение стали менее значимыми для образа жизни. Стандартизация образов жизни ведет нас к тому, что сельская жизнь, какой мы ее до сих пор знали, начинает выглядеть в наших глазах во многих отношениях архаичной; мы все более и более смотрим на нее как на пережиток прежней эпохи.

В статье «Урбанизм как образ жизни» я попытался описать город как особую форму человеческой ассоциации. Очевидным образом предполагалось, что на противоположном городу полюсе находится сельская местность. В тот раз я показал, что «социологически город можно определить как относительно большое, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов», и попытался разработать серию взаимосвязанных положений, которые, как я считал, можно вычленил из существующего знания о городе, опираясь на постулаты, которые предполагаются этим минимальным определением города как социального факта.

Все, что бы мы ни открыли таким образом относительно города, явно должно быть проверено в соотношении с тем, что мы знаем или могли бы узнать о человеческих поселениях, которые не являются городами, т.е. в соотношении с сельской местностью. Только после проведения такого сравнения мы могли бы сказать, что отобрали те значимые аспекты городской жизни, которые делают город особой формой человеческой ассоциации. Но как города отличаются друг от друга, так отличаются друг от друга и сельские поселения. По каждому из предложенных мною критериев городской жизни — численности населения, его плотности, постоянству и гетерогенности, — города представляют широкий континуум, плавно переходящий в негородские поселения. То же относится и к сельским поселениям, будь то сельские фермерские поселения, деревни или рассеянные на больших пространствах фермерские ареалы. Сгре-

бание в одну кучу огромного многообразия городов и сельских поселений, соответственно, скорее скрывает, чем раскрывает отличительные особенности тех и других.

Принятие идеально-типических полярных понятий, предложенных мною, и многих других, предложенных до меня, не доказывает, что город и сельская местность фундаментально и необходимо различны. Оно не оправдывает часто встречающегося ошибочного принятия гипотетических черт, приписываемых городскому и сельскому образам жизни, за установленные факты. Скорее оно предлагает некоторые гипотезы, подлежащие проверке в свете эмпирических данных, которые мы должны усердно собирать. К сожалению, эти данные не накапливались таким образом, чтобы можно было критически проверить хотя бы какую-то из основных гипотез, которые были предложены.

Мне не хотелось бы, чтобы это замечание было неверно истолковано как обвинительный акт тому огромному объему конкретного материала, который был накоплен относительно того, что называют городами, и того, что называют сельскими сообществами. Моя критика направлена скорее против механической и относительно наивной манеры, в которой мы до сих пор идентифицировали город и сельскую местность. Здесь, как и в очень многих других областях, исследователи социальной жизни чрезмерно полагались на данные, собранные другими; поскольку в рассматриваемом случае огромная часть данных имеет своим источником различные правительственные переписи, которые неизбежно прибегают в целях классификации к произвольным определениям, основанным преимущественно на количественных критериях, мы попали в ловушку, начав рассматривать эти произвольные определения как действительные сущности, соответствующие чему-то существующему в социальной реальности.

Но еще прискорбнее тот факт, что, приняв эту произвольную дихотомию в качестве основания (а следует заметить, что в техническом плане это все-таки трихотомия: городское, сельское фермерское и сельское фермерское), мы выстраивали на этом же основании собственные данные и тем самым усугубили ошибку. По ходу дела я мог бы добавить, что даже в отношении этой системы классификации надежное знание, которое мы имеем, далеко от адекватности. Тщетно ищем мы в учебниках по городской и сельской социологии тщательное, детальное и надежное сравнение города и сельской местности на основании: размера семьи, смертности, брачного статуса, уровня образования, этнического и

расового происхождения, рода занятий, благосостояния, дохода, жилищных условий, религии, политики, досуга, стратификации, мобильности, контактов, членства и участия в ассоциациях, потребления, сбережений, заболеваемости, физических дефектов, душевных расстройств, правонарушений и преступности, семейной организации, брачных практик, сексуальной жизни, воспитания детей и многих других фактов, в отношении которых непрерывные временные ряды были бы, видимо, незаменимы. Тем не менее это такой недостаток, который при надлежащем терпении и усердии можно в течение нескольких лет преодолеть.

Создание таких рядов для Соединенных Штатов и остального мира, хотя в высшей степени желательно, не избавит от фундаментального затруднения, на которое я указал раньше. Нам совершенно ни к чему беспредельное накопление массы надежной, непрерывной информации, если значительная часть этого труда будет расточительной тратой сил, продолжая опираться на такую систему классификации, какой мы до сих пор пользовались. Осуществляемый фактор за фактором анализ любой проблемы, в рамках которой сельские и городские поселения проявляют значимые различия — будь то уровни жизнеспособности, уровни преступности, семейные траты, политическая принадлежность и участие в политической жизни или любой другой из множества аспектов человеческого поведения, — такой анализ непродуктивен. Взяв выборку из множества исследований, в том числе своих собственных, касательно того, чем предположительно отличаются друг от друга сельчане и горожане, я выяснил, что если учесть каждый из этих функциональных факторов, то практически все отличия между сельским и городским поведением могут быть объяснены без обращения к предполагаемой естественной непохожести города и села.

Если окажется, что опыт других исследователей говорит о том же самом, то, вероятно, потребуется новый подход. Мы желаем знать не столько то, чем поселение с 2500 жителями отличается от поселения с 2499 жителями, и даже не то, чем один тип человеческого поселения именно как поселения отличается от другого, сколько то, как некий способ человеческой ассоциации, возможно, тесно связанный с типом человеческого поселения, обуславливает поведение и проблемы. Этот общий вопрос, соответствующий цели анализа, должен вести нас к вопросам о том, как численность, плотность и гетерогенность влияют на отношения между людьми. Для достижения этой цели нам, возможно, придется пре-

небредь статистически определенными категориями городского и сельского и вместо этого работать со степенями в пределах континуума.

Большая численность населения предполагает индивиду-альную изменчивость, относительное отсутствие близкого личного знакомства, сегментацию человеческих связей и их анонимный, поверхностный, безличный, мимолетный и утилитарный характер. Высокая плотность, как можно ожидать, будет вызывать и усиливать диверсификацию и специализацию, а при большой численности гетерогенных людей будет вызывать то уникальное состояние, для которого характерны соединение тесного физического контакта с огромными социальными дистанциями, разительные контрасты в образе жизни и статусе, сложные паттерны сегрегации и преобладание формальных способов контроля. Если наш взгляд на человеческую природу в разных социальных обстановках верен, то в городском поселении должны обнаружиться в акцентированном виде и другие феномены, связанные с перечисленными: интенсифицированная физическая и социальная мобильность, нестабильность жизни, гибкость социальных структур и институтов и дифференциальное участие индивидов во множестве конфликтующих, конкурирующих и взаимно пересекающихся групп с высоким уровнем текучести личного состава, посредством которого индивиды выражают свои интересы и удовлетворяют некоторые основные жизненные потребности.

Именно к этим и схожим *социальным* характеристикам исследователи городской и сельской жизни должны обратиться в поисках реалистического понимания того, каким образом тип поселения ассоциируется с образом жизни и состоянием духа. Важно заметить, что городской и сельский образы жизни не обязательно ограничиваются городскими и сельскими поселениями, каждый соответственно, по названным ранее причинам. Тот же самый человек, который с апреля по сентябрь является рабочим на ферме, оказывается с октября по март городским хобо. Крупные сельскохозяйственные организации могут быть не менее безличными, чем большие профсоюзы или организации производителей. Я видел леса телевизионных антенн в сельских ареалах Пенсильвании и замечал отсутствие таких антенн в крупных кварталах чикагских трущоб. Связан ли чернокожий арендатор или испольщик в Миссисипи хоть сколько-то теснее с владельцем фермы, чем аналогичный работник сталелитейной компании в Питтсбурге с управляющим завода?

Вместо того чтобы принимать наши гипотетические типы сельского и городского как данность, мы могли бы обратиться к тому, что дейст-

вительно обнаруживаем в особых условиях жизни, связываемых с тем, что мы называем городскими и сельскими сообществами.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ РЕГИОНАЛИЗМА*

Плодотворные идеи настолько редки, что, когда мы сталкиваемся с ними в научном мире, мы чаще всего воспринимаем их с более чем оправданным энтузиазмом. Как следствие, мы почти неизбежно склонны их переоценивать и превращать в предмет культа. В какой-то степени это произошло и с понятием регионализма. Другие авторы подчеркивали плодотворность этой идеи. Моя же задача — привлечь внимание к ее ограниченности.

Я вовсе не хотел бы принизить значимость идеи регионализма. Эта идея имеет освященную веками историю; она дала много плодотворных прозрений относительно жизни человека в обществе в разные эпохи и немало сделала для исправления и дополнения других односторонних перспектив. Следовательно, с самого начала нужно заметить, что, берясь за эту критическую задачу, автор не имеет намерения преуменьшить важность тех ключей к пониманию сложностей социальной жизни и тех многочисленных практических предложений по решению социальных проблем, которые пришли из регионального подхода.

Региональная идея обязана своей научной живучестью тому факту, что она предлагает натуралистическую и эмпирически верифицируемую теорию для толкования истории. Она ставит под контроль другие конкурирующие теории, удерживая исследователя на твердой почве физических условий существования, хотя следует признать, что при этом она не мешает его воображению воспарять в небеса. Вместе с тем взгляд

* Wirth L. Limitations of regionalism // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 159–171. Впервые статья была опубликована в сборнике: Regionalism in America / Ed. by M. Jensen. — Madison: University of Wisconsin Press, 1951. — P. 381–393.

на человека в обществе, который вычленяет взаимосвязи между человеческой средой обитания (*habitat*) и сложной тканью социальных устроений, образов жизни, идей и идеалов, нужно рассматривать как то, чем он на самом деле является, а именно — как однофакторную теорию, которая, взятая сама по себе, дает лишь одностороннюю, а потому искаженную картину социальной реальности. Чтобы иметь научную ценность, она должна быть дополнена другими перспективами, дающими иные, в такой же степени вероятные и значимые интерпретации, и совмещена с этими перспективами.

С незапамятных времен внимание думающих людей во многих частях мира было направлено на пространственные, или территориальные, аспекты человеческого существования и на ту физическую субструктуру, на которую опираются сообщества и общества. Некоторые из этих понятий складывались в космические теории, пытающиеся объяснить зарождение и упорное сохранение в некоторых местах некоторых институтов на основе тамошнего климата, осадков, топографии, природных ресурсов и подобных им факторов. Развитие и диффузия цивилизации, взлет и падение империй объяснялись в конечном счете условиями «среды». Преобладание демократии или автократии, монотеизма или политеизма, урбанизма или сельского типа существования, различных форм семейной, общинной или национальной жизни рисовалось как более или менее предопределенное такими физическими фактами природы. Влияние, которое оказал на западную мысль такой автор, как Монтескье, напрямую связано с той смелостью и убедительностью, с какой он документально обосновал такую теорию.

Было бы глупо отрицать, что благодаря такому подходу удалось пролить свет на многие тайны культурной уникальности и культурного сходства; но вместе с тем было бы наивно не замечать, что такие упрощенные интерпретации сложностей социальной жизни скрывали от взгляда другие, не менее важные элементы и вели к искаженным версиям сложного и, казалось бы, капризного хода человеческих дел.

Мы сталкиваемся со множеством разных концепций регионов в богатой и быстро разрастающейся литературе, создаваемой исследователями и учеными, представляющими широкий круг интересов. Географы, историки, антропологи, лингвисты, люди искусства, экономисты, социологи, политические ученые, администраторы, архитекторы, инженеры и планировщики — всех привлекала эта идея и все внесли вклад в ее разработку. Различные понимания региона, выросшие из этих разных

источников, представляют много смысловых нюансов этого понятия. Для одних регион — это ареал, определяемый одной или более физическими характеристиками, такими, как количество атмосферных осадков, продолжительность вегетационного периода, характер почвы, растительность, рельеф и аналогичные черты. Для других это ареал, границы которого задаются преобладанием одной или нескольких культурных характеристик — таких, как язык или диалект, костюм, форма социальной организации, тип архитектуры, пользование данными орудиями, принятие определенной религии, соблюдение некоторых социальных обычаев, — которые отличают этот регион от соседних ареалов, или других регионов. Антропологи называют это культурным ареалом.

От такого понятия естественного или культурного ареала, определяемого в терминах гомогенности в отношении одной или более черт, следует отличать концепцию региона как ареала, отделенного от других ареалов различного рода барьерами. Самые очевидные из этих барьеров — горы, пустыни, реки, озера и океаны. Не менее могущественными, однако, могут быть и искусственные, т.е. рукотворные барьеры, такие, как государственные и национальные границы, а также торговые, валютные и таможенные установления, которые препятствуют контакту между разными ареалами и, в свою очередь, обычно ограничивают деятельность данного ареала и изолируют его от других.

Третья концепция региона, прежде всего в противоположность первой из названных (предполагающей гомогенность характеристик), делает особый упор на взаимозависимости. В регионе, в таком его понимании, составные части не обязательно подобны или идентичны друг другу, но находятся в отношениях значимой взаимозависимости, или жизненной интеграции, в одном или более аспектах. Такой регион сталкивается с трудностью в определении своих границ, но обычно имеет выраженный доминирующий центр, тогда как типы регионов, описанные выше, могут быть легче определены с точки зрения их периферии, но могут не давать свидетельств существования центра, главенствующего над жизнью и деятельностью ареала. Примером третьего типа региона служит торговый ареал, границы которого заданы сетью экономических взаимосвязей, но который сохраняется как единое целое и может быть описан через радиусы влияния, исходящего из центра вовне. Важность таких регионов в исторических и нынешних обществах можно подчеркнуть, указав на роль сельских торговых центров, метропольных регионов, культурных и политических столиц, которые простирают свои шу-

пальца во всех направлениях и в различной степени влияют на жизнь своих регионов.

Такие регионы обычно нельзя отделить от примыкающих к ним регионов четко определенными границами, во-первых, потому что доминирующий центр может иметь разные радиусы влияния в отношении разных функций, которые он выполняет для региона, и, во-вторых, потому что периферия может плавно переходить в ничейную землю, где сталкивается с влияниями, исходящими из конкурирующего центра доминирования. Ареалы приема радиостанций, ареалы распространения газет, сети телеграфной передачи новостей с фондовых бирж, ареалы оптовой и розничной торговли метрополиса, а также ареалы притяжения медицинского центра, университета, оркестра, оперы или музея могут дать нам представление о том, насколько далеко центр простирает свое влияние в своих комплексных функциях и где он входит в столкновение с конкурирующим центром. Те из нас, кто работал с метропольными регионами и понимает, сколь многочисленные и разнообразные функции связывают такие регионы воедино, находятся в положении, обязывающем предостеречь других от наивного принятия определений регионов, базирующихся на однофакторном критерии, и еще больше от склонности принимать однажды установленные границы как постоянные. Регионы, базирующиеся на принципе взаимозависимости и доминировании фокального центра, не только не имеют четких границ, но и подвержены текучему состоянию, которое никогда не завершится.

Четвертый тип региона — это территориальная единица, определяемая в терминах какой-то *ad hoc* проблемы. Если мы хотим поставить под контроль распространение заразных заболеваний, преступность, трущобы, транспортное движение или другие проблемы сообщества, мы должны найти подходящие территориальные административные единицы, соответствующие тем ареалам, в пределах которых размещаются эти проблемы, и принимающие во внимание те факторы, которые лежат в основании этих проблем. Ареал, подходящий для одной цели, может быть непригоден для других целей. Администрация долины Теннесси, перед которой, следует заметить, ставится множество разных задач — национальная оборона, навигация и контроль за наводнениями, — как раз такой ареал; и одна из проблем, с которыми она сталкивается, напрямую связана с несколькими, возможно, даже противоречащими друг другу функциями, ради которых ее учредили. Управление Нью-Йоркского порта, видимо, не было бы подходящим образцом для вы-

страивания других региональных услуг, таких, как управление железными или шоссейными дорогами, и в еще меньшей степени для упорядоченного переустройства трущоб или контроля над преступностью в Нью-Йоркском ареале.

С развитием локального, регионального и национального планирования становился все более важным поиск улучшенных техник определения границ протяженности тех стратегических функций, с которыми должны иметь дело планирующие инстанции. В ходе попыток разработать такие техники со всей ясностью проявились проблемы многофункционального планирования ареала, призванного примирить существующий в сообществе паттерн заселения с индустриальным, транспортным, коммунальным, культурным и политическим паттерном. В идеале, подлежащий планированию регион должен заключать в себе территорию, в пределах которой могут адекватно решаться все проблемы сообщества. Но ареал, воздействующий на центральное сообщество, и ареал, находящийся под воздействием центрального сообщества, в том или ином жизненном аспекте охватывает весь мир. А потому подлежащие планированию регионы всегда и с необходимостью базируются на компромиссе, и на практике этот компромисс всегда оказывается более или менее неудовлетворительным.

То, что говорилось о таких *ad hoc* регионах как об ареалах планирования, разумеется, лишь частный случай других одно- или многофункциональных регионов. Я имею в виду, что административный регион, или *ad hoc* регион, — это контрастное понятие, которое можно противопоставить «естественному ареалу», как он рассматривается в человеческой экологии. Природа не всегда четко прорезает линии, отграничивающие один ареал от другого, да и человек в своих трудах не всегда подчиняется диктату природы. Хотя естественный и культурный ландшафты часто совпадают, они столь же часто вступают друг с другом в противоречие. Исторические факторы, создающие очертания городов, округов, государств и наций, могут навязывать элементам человеческой среды обитания довольно произвольные паттерны и могут сами с течением времени становиться столь же значимыми, как и сама природа. Так, например, когда создавались некоторые из наших штатов, в качестве границ между ними часто обозначались реки. В то же время реки были еще и важными транспортными артериями, обуславливая тем самым местоположения городов. В результате, мы сталкиваемся сегодня с той проблемой, что более

20 крупнейших наших городов расположены на границах штатов, — ситуацией, которая, поскольку многие из этих городов выросли до размеров метрополисов, создает сложные межштатные проблемы администрирования. Регион планирования — попытка преодолеть помехи, навязанные тем, кто несет ответственность за решение уже существующих и вновь возникающих сегодня проблем, жесткими и во многих случаях неприемлемыми очертаниями административных ареалов. В регионе планирования проявляется признание того факта — и реакция на тот факт, — что человеческая социальная жизнь не всегда вписывается в установленные природой пределы, что непрерывный поток жизни обычно выплескивается не только через эти естественные барьеры, но и через произвольно и исторически обусловленные границы политических и административных единиц и что, если человек хочет быть в большей мере хозяином своей судьбы, он должен всеми силами своего разума пытаться сформировать наиболее подходящие единицы организации для своих коллективных потребностей.

Это описание типов регионов было предпринято здесь с целью привлечь внимание к тому факту, что в понятии региона мы имеем дело не с единичной и недвусмысленной идеей, а скорее с множеством различных понятий и подходов. Употреблять понятие региона, как если бы это был один ясный и однозначный термин, — значит вносить в дело недоразумения и путаницу вместо ясности. Итак, перед нами стоит задача вывести из разграничения различных измерений данного понятия следствия, которые покажут, как им правильно пользоваться и какие ограничения в нем содержатся.

Представляется полезным обсудить плодотворность и в то же время ограниченность понятия региона, рассмотрев регион сначала как факт, а затем, по очереди, как гипотезу, как практический инструмент социальной инженерии и как состояние разума и социальное движение.

Все перечисленные концепции региона предполагают пространственный, или ареальный, подход к социальным феноменам. Если пользоваться термином «регион», мы не стремимся обратить внимание на то, что мы смотрим на жизнь в пространственном измерении и под углом зрения местоположения и позиции, которые при этом предполагаются, то термин «регион» лишается какого бы то ни было внятного смысла.

Обсуждение пространственного аспекта человеческой социальной жизни лучше всего начать с замечания, что люди и всё, с чем они работают, с чем они живут и что они создают, каким-то образом размещены в

пространстве. Для понимания связи человека с другими людьми полезно принять во внимание его связь со своей средой обитания (habitat). Эта среда обитания, между тем, лишь отчасти предоставляется ему природой. Отчасти она формируется им самим. Природа предоставляет сцену для действия; но действующим лицом является человек. Природа дает возможности и устанавливает пределы. Именно из этих возможностей и в этих пределах человек может делать выбор.

Климат, топография, ресурсы и иные аспекты природы не распределены равномерно и единообразно по всему миру. Описание особенностей природного ландшафта дает самое элементарное фактическое основание для разграничения регионов.

Насколько регионы являются физическими фактами природы, настолько же они являются и фактами культуры. Народы, языки, формы социальной организации, институты, обычаи и практики тоже распределены в пространстве. Указать из местоположение и их движение — значит привлечь внимание к не менее важному факту региональности, чем региональные аспекты природы.

Определить на земной поверхности ареалы, в которых некоторого рода люди живут с некоторой степенью плотности, обеспечивая свое существование с помощью особого набора деятельностей, возводя особого рода постройки, соблюдая особого рода обычаи, преследуя определенные интересы, встречаясь с особыми типами проблем и пытаясь специфическими способами их решать, — это законная и необходимая задача, которой посвящают научные усилия многие люди по всему миру. Мы имеем географии и истории конкретных ареалов, этнографии, статистические сборники, лингвистические атласы, экономические, политические, социологические и психологические исследования, чье изобилие подтверждает плодотворность усилий, идущих на это далеко не завершенное описание. Хотя в ходе научной работы некоторые локальные единицы, такие, как континенты, нации-государства, города и регионы, были конвенционально приняты в целях сбора, классификации и презентации этого материала, никоим образом не сложилось всеобщего согласия относительно того, какие ареальные единицы лучше всего подходят для работы с этими данными. Основания, на которых вычленились многие прежние ареальные единицы, для наших целей явно уже не пригодны. Сегодня мы не собираем популяционную статистику для ареала, бывшего некогда Священной Римской империей; а стремясь раздобыть полезную статистику касательно населения городов-метрополисов, мы отча-

янно пытаемся прорваться через трудности, до сих пор не позволившие нам получить соответствующие данные о пригородной периферии, окружавшей центральные города.

Следовательно, нужно учитывать факт региональности при определении того, как исследователю социальной жизни собирать данные, которые позволят ему разглядеть достойные выявления различия между ареалами. Установление региональных единиц, обещающее быть наиболее полезным для понимания социальной жизни и контроля над ней, зависит не только от фактов, таким образом выявляемых, но и от целей, для которых они будут использоваться.

Переходя от рассмотрения регионов как факта к рассмотрению региона как гипотезы, мы замечаем, что ученые и люди с воображением обычно не довольствуются одним только описанием. Они ищут также интерпретацию и объяснение. Понятие региона, таким образом, становится исследовательским инструментом, возможным способом объяснения тех частот и распределений, которые были обнаружены. Регионализм в этом смысле предлагает теорию, объясняющую взаимосвязи между вещами. Доктрина, гласящая, что физические условия существования влияют на характер народов и их культуры, так часто выдвигалась видными деятелями нашей интеллектуальной истории, что ее часто принимают как нечто самоочевидное, как установленный факт. Общая гипотеза, согласно которой люди, живущие в разных физических условиях, становятся разными, звучит вполне правдоподобно, как и более специфическая гипотеза, что люди, живущие по-разному, и мыслят по-разному. Но чтобы превратить эти весьма общие афоризмы в полезные научные гипотезы, мы должны спросить: какие существуют корреляции (если существуют) между особыми культурными характеристиками и специфическими природными условиями данного ареала и какими факторами или процессами объясняются эти корреляции? Мы можем со значительной долей уверенности сказать, что культура не вырастает напрямую или автоматически из почвы или атмосферы. Скорее, она развивается в ходе внутренне сложного процесса, и было обнаружено, что в самых похожих средах существуют самые непохожие культурные феномены, и наоборот. Если между природной средой обитания и социальными и культурными характеристиками существуют какие-то связи — а они с высокой вероятностью есть, — то нужно показать, что они реально существуют. Их нельзя просто предполагать, но, к сожалению, литература о регионализме слишком часто принимала их на веру.

Более того, хотя у нас, возможно, есть веские основания предполагать наличие взаимосвязей между региональной средой и региональной культурой на начальных стадиях покорения человеком природы и его приспособления к ней, цивилизации по мере своего взросления обычно эмансипируются от почвы и природного контекста, из которых и в которых они выросли. Следует помнить о том, что вещи могут продолжать существовать по иным причинам, нежели те, которые вызвали их появление. Инерция установленных институтов и привычек столь велика, что часто требуется катаклизм, чтобы вырвать их с корнем.

Мы не только должны учитывать влияние прошлой истории и практики, которое может быть совершенно автономным от диктата природы (ибо, как уже говорилось, природа лишь предлагает возможности и задает ограничения), но и должны быть особенно внимательны к глубинным влияниям коммуникации и передвижений, через которые технология, институциональная форма, идея или идеал могут широко распространяться по всему миру. Хотя региональные контексты, связывающие природные факты с культурными в данном ареале, должны закрепляться, мы всегда, особенно в современную эпоху, должны считаться с мощью коммуникации и транспорта и с мобильностью людей и идей, которые ведут к аннулированию регионов.

Есть третья точка зрения на регионализм, которая рассматривает его как инструмент администрирования, контроля, планирования. Регион в этом смысле есть инструмент социальной инженерии. Разграничение таких регионов, чтобы быть эффективным, явно не может быть произведено без должного принятия во внимание региона как факта и региона как совокупности взаимосвязей между фактами. Поступить иначе значило бы пытаться навязать искусственные ареальные паттерны формального контроля человеческим отношениям, которые имеют тенденцию не ограничиваться жесткими линиями. Более того, как было убедительно показано исследованиями Национальной комиссии по ресурсам, различные задачи требуют разного территориального масштаба, и трудно найти какой-либо критерий, который бы удовлетворял множественным требованиям адекватности. Даже если бы такой критерий или набор критериев был найден, динамика жизни в скором времени сделала бы его архаичным. За исключением рассмотрения всего мира как единого региона, которое было бы обречено на провал, нет никакого другого регионального упорядочения, или меньшего масштаба, который бы полностью соответствовал многочисленным интересам, претендующим на призна-

ние. Лучшее, что мы можем сделать, это остановиться на самых резонных компромиссах, какие мы только сможем придумать, — а это означает придание некоторым функциям большего веса, чем другим, — и оставить наши демаркационные линии достаточно гибкими для того, чтобы их можно было приспособлять к меняющимся потребностям и возможностям. Вместе с тем было бы самообманом продолжать действовать так, словно наши грубые приближения к адекватному региональному упорядочению — это что-то большее, чем импровизации.

Этим мы вовсе не отрицаем, что сами региональные единицы, которые мы конструируем в целях администрирования, планирования и социальной инженерии, независимо от их исторического происхождения, могут привести к появлению паттернов, имеющих важные и иногда непредвиденные последствия. Если мы посмотрим на такие маленькие страны, как Люксембург, Бельгия и Голландия, в свете племенных, династических и исторических факторов, помогающих объяснить их нынешнее положение независимых национальных государств, мы можем, конечно, измыслить *ex post facto* обоснованность или неизбежность их независимого существования. Однако это не должно скрыть от взора тот факт, что они обладают той уникальностью, которой обладают, и как маленькие независимые нации сталкиваются с теми проблемами, с которыми сталкиваются, в значительной степени потому, что издавна привыкли жить в условиях особого административного упорядочения, отделяющего их друг от друга границами, которые в свете сегодняшних потребностей выглядят ничем не оправданными. Если бы мы планировали их заново, исходя из сегодняшних условий и проблем, мы, вероятно, не стали бы сохранять их как отдельные административные ареалы и самостоятельные политические единицы.

Возможно, в какое-то время в пользу самостоятельного существования наших 48 штатов можно было привести лучшие доводы, чем мы можем привести сегодня, но факты таковы, что их долгое самостоятельное существование, с вытекающими отсюда паттернированием и дифференциацией жизни между ними, является сегодня одним из сильнейших доводов в пользу их дальнейшего самостоятельного существования. Конечно, если говорить с точки зрения идеала, то сегодня можно было бы изобрести более экономичное и более эффективное упорядочение территории США, чем то, в условиях которого мы живем, но тщетность такого предложения, каким бы оно ни было практичным, не нужно даже доказывать, учитывая те материальные интересы и инерцию, которые

встанут на его пути. Система права и администрирования с ее сетью функциональных взаимосвязей, однажды сложившись, приобретает огромную способность к собственному самовоспроизводству и к упорядочению многих других аспектов охваченного ею регионального комплекса жизни.

Вместе с тем действует множество факторов, которые смягчают резкие демаркационные линии между административными регионами и которые могут быть использованы для трансформации их в более реалистично спланированные единицы, соответствующие условиям и проблемам нынешней цивилизации. Выход на сцену общенациональных профсоюзных организаций, вовлеченных в общенациональный коллективный торг с работодателями, который завершается заключением общенациональных контрактов, ведет к исчезновению различий в зарплатах, доходах и ценах, которые в прошлом отграничивали один регион от других. Общенациональный подоходный налог и общенациональные субсидии, перераспределяющие часть национального дохода в соответствии с нуждами регионов, а также национальные законы о минимальной заработной плате, почтовые таксы, торгово-посылочные фирмы и многое другое, что еще можно было бы назвать, ведут к уменьшению различий в региональных образах жизни и сплетают отдельные регионы в более широкое национальное живое целое. Не следует, конечно, упускать из виду, что многие следы региональных различий продолжают существовать. Не следует преуменьшать и угрозу (если это угроза) того, что плюралистический паттерн цивилизации, заключающий в себе множество уникальных региональных форм самовыражения, постепенно преобразуется в более стандартизированный общенациональный паттерн.

Четвертый свой аспект регионализм являет как состояния духа, как образ жизни, как модус коллективного сознания, как социальное движение и как культ. Три типа факторов, рассмотренных выше, со временем соединяются и создают установленный образ жизни и характерное сознание. Люди, живущие достаточно долго в схожих условиях, будут, как можно ожидать, приобретать некоторое сходство черт. Люди, которые продолжают жить вместе в условиях взаимной зависимости и подвержены одним и тем же влияниям, исходящим из одних и тех же источников, также, как можно ожидать, будут развивать чувство взаимной зависимости и разделять чувство общей принадлежности. Таким образом регионы развивают некоторое представление о себе и приобретают более или менее стереотипное представление о себе в умах других, которые о

них думают и поддерживают с ними связи. Из этого общего образа жизни рождаются сращение интересов и идентификация с символами, выражающими эти общие интересы. Эти повышенное региональное самоощущение и чувство принадлежности могут усиливаться конфликтом или соперничеством с другими регионами. Различия между Югом и остальной нацией на предмет гражданских прав способствуют скорее усилению, чем ослаблению регионального сознания Юга, по крайней мере в настоящий момент. Региональные дискриминационные грузовые тарифы и подобные им экономические расколы обуславливают региональное определение интересов и состояния духа, которые драматически выражаются в региональных политических альянсах. Региональные чувства могут конструктивно использоваться для мобилизации регионального действия, но вместе с тем могут перерасти в региональный шовинизм.

Регионализм может, тем самым, принять форму социального движения. Поощрение искусств, основанных на региональных темах или отражающих региональную атмосферу, привело к кристаллизации в некоторых частях нашей нации региональных «школ». Что такое эти региональные школы в литературе или искусствах — верное выражение регионального образа жизни или попытка создать искусственную региональную культуру, мотивированная туристической торговлей, — на этот вопрос автор не может компетентно ответить. Во Франции регионализм — не просто социокультурное движение, а мощная политическая сила, опирающаяся на протест провинций против централизованного контроля и доминирующего влияния столицы. В крайней своей форме регионализм ведет к изоляции, местничеству, сепаратизму и сецессии. Как противовес гигантизму, единообразию, стандартизации и чрезмерной централизации, он может иметь оздоравливающие последствия; но вместе с тем эти законные стремления могут вырождаться в региональный культизм и урапатриотизм и эксплуатироваться политическими и культурными демагогами.

Итак, регионализм — не одна вещь, а много вещей. Неразличение множества разных факторов, ведущих к появлению и сохранению регионов, является серьезной ошибкой нынешних научных концепций и исследований. Следствием стало неумение отличить подлинные регионы от мнимых. Ареалы гомогенности ошибочно представлялись как ареалы интеграции. Принималась ошибочная посылка, что физические регионы неизбежно конституируют также регионы экономические, культурные и политические.

Если признаком сообщества является взаимозависимость, а признаком общества — консенсус, то отсюда следует, что многие ареалы, которые до сих пор мыслились как регионы, не являются ни сообществами, ни обществами, так как не демонстрируют никаких убедительных свидетельств ни общего базиса существования, ни коллективного сознания.

Как инструмент распознавания взаимосвязей между средой обитания и культурой, понятие региона имеет огромную ценность при условии, что мы не предполагаем того, что еще только должно быть доказано — а именно, что эти корреляции действительно существуют, — и занимаемся анализом процессов, объясняющих эти корреляции. Регионализм как способ видения социальной жизни в территориальных (areal) терминах есть, в конце концов, лишь одна из возможных точек зрения на совместную жизнь людей. Считать эту точку зрения единственной было бы искажением реальности. Как однофакторное объяснение сложностей социальной жизни регионализм может стать ложной и опасной доктриной; но рассматриваемый как подход, дополняющий и корректирующий другие однофакторные объяснения — через экономические, социокультурные и политические факторы, — он может иметь огромную ценность.

Регионализм как догма может легко вырождаться в культ. Становясь базисом социального движения, он предлагает мощное средство сопротивления нивелирующим влияниям стандартизации, униформизации и чрезмерной централизации. Вместе с тем он может стать отчаянным и тщетным протестом против волн прогресса, которые, получая поддержку в технологии массовой коммуникации и мобильности, делают возможными все более широкие ареалы интеграции социальной жизни и, следовательно, способны повысить уровень человеческого благосостояния за счет более широкого участия в достижениях цивилизации. Разумно было бы сознавать региональный аспект человеческого существования и культивировать восприимчивость к региональным влияниям.

Также важно помнить, что ничего чудодейственного в региональной идее нет. Она может вести к фальсификации фактов. Она может становиться тщетной попыткой втиснуть жизнь в жесткие шаблоны и напрасным жестом, который сдерживает интеграцию жизни в более широком и инклюзивном масштабе.

ПРОБЛЕМА МЕНЬШИНСТВ*

Когда природа мирного состояния становится предметом общественного обсуждения, в центр всеобщего внимания вновь выходит вопрос меньшинств. Становится ясно, что, пока заключенные в нем проблемы, особенно на европейском континенте, не будут решены более адекватно, чем по окончании Первой мировой войны, перспективы прочного мира останутся призрачными. Влияние, которое будут оказывать США на решение этих проблем за их рубежами, зависит от их национальной совести и внутренней политики по отношению к меньшинствам, ибо маловероятно, что наши лидеры в своем миротворчестве будут способны отстаивать в отношении других более просвещенный курс, чем тот, которого мы сами придерживаемся.

Проблемы меньшинств во всех уголках мира все более невозможно решать по отдельности, ибо внутренние беспорядки в одной стране становятся угрозой миру во всех остальных, а идеалы и идеологии, рождающиеся в одной группе, быстро перенимаются другими в отдаленных уголках земного шара. В этом сжавшемся и взаимозависимом мире всякого рода социальные движения приобретают все более всеобщий характер и рекрутируют своих сторонников и врагов среди близких и далеких народов, невзирая на национальные границы. Следствия этой тенденции имеют особое значение для Соединенных Штатов, ведь они не только традиционно поддерживали борьбу угнетенных народов за освобождение, но и буквально каждая группа, имеющая статус меньшинства в мире, имеет в нашем населении своих представителей. Наша внутренняя и наша внешняя политика, таким образом, тесно друг с другом связаны.

Меньшинство можно определить как группу людей, которые в силу их физических или культурных характеристик выделяются из числа остальных в обществе, в котором они живут, подвергаются иному и неравному обращению и, как следствие этого, считают себя объектами

* Wirth L. The problem of minority groups // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 237–260. Впервые статья была опубликована в сборнике: The science of man in the world crisis / Ed. by R. Linton. — N. Y.: Columbia University Press, 1945. — P. 483–488.

коллективной дискриминации. Наличие меньшинства в обществе предполагает наличие соответствующей доминантной группы, которая обладает более высоким социальным статусом и большими привилегиями. Статус меньшинства несет с собой исключение из полного участия в жизни общества. Хотя меньшинство не обязательно является инородной группой, оно считается и само считает себя отдельным народом.

Чтобы понять природу и значимость меньшинств, нужно принять во внимание и объективную, и субъективную их позицию. Меньшинство должно отличаться от доминантной группы физическими или культурными признаками. В отсутствие таких опознавательных характеристик оно со временем сливается с остальным населением. Объективно меньшинства занимают невыгодное положение в обществе. В отличие от доминантной группы, они лишены доступа к некоторым возможностям: экономическим, социальным и политическим. Эти лишения ограничивают для индивида свободу выбора и саморазвития. К членам меньшинств относятся без уважения; они могут быть объектами презрения, ненависти, насмешек и насилия. Обычно они социально изолированы и часто пространственно сегрегированы. Их подчиненное положение проявляется в их неравном доступе к образовательным возможностям и в ограниченном радиусе их продвижения в мире занятий и профессий. В отличие от других членов общества, у них нет свободы вступать в добровольные ассоциации, которые бы выражали их интересы. Они больше обычного страдают от социальной и экономической незащищенности. Даже в сфере публичной политики их часто выделяют и относятся к ним по-особому; их права собственности могут быть ограничены; они могут не быть наравне со всеми защищены законом; они могут быть лишены права голоса и не допускаться к государственной службе.

Наряду с этими объективными характеристиками, отличающими их от доминантной группы, и в значительной мере в результате этих характеристик, меньшинства склонны развивать набор установок, форм поведения и других субъективных характеристик, еще больше отделяющих их от нее. Нельзя долго дискриминировать людей, не породив в них чувство изоляции и притеснения и не заставив их представлять себя более отличными от других, чем на самом деле. Сформируется ли у меньшинства в силу этого особого обращения чувство собственной неполноценности или чувство, что к нему относятся несправедливо (а это может привести к мятежной установке), зависит отчасти от длительности пребывания его в этом статусе, а отчасти от целостной социальной обста-

новки, в которой практикуется это особое обращение. Там, где кастовая система существует уже много поколений и санкционирована религиозными и иными чувствами, установка покорности обычно преобладает над мятежным духом. Но в секулярном обществе, где стратификация людей определяется не кастой, а классом и где статус меньшинства не подкреплен давней традицией, меньшинства, движимые чувством фрустрации и несправедливого подчинения, чаще всего отказываются принять свой статус и свои лишения без каких-либо попыток улучшить свою судьбу.

Когда чувства и установка такой обездоленной группы обретают ясную форму, когда ее члены, осознав свою обездоленность, начинают сознавать себя людьми, имеющими права, и когда они выступают с требованием эмансипации и равенства, меньшинство становится политической силой, с которой нельзя не считаться. Самым тягостным обстоятельством, от которого приходится страдать индивидуальным членам такой группы, является то, что к ним относятся как к членам категории, независимо от их индивидуальных достоинств. Поэтому важно понять, что членство в меньшинстве — недобровольное; наше поведение никак на него не влияет. Многие из нас идентифицируются с политическими, социальными и интеллектуальными группами, которые не пользуются благосклонностью доминирующей в обществе группы, но до тех пор, пока мы свободны присоединяться к таким группам и покидать их по собственной воле, мы в силу нашего членства в них не принадлежим к меньшинству. Поскольку раса, с которой мы связаны своим происхождением, есть нечто такое, что мы, пожалуй, меньше всего контролируем, и поскольку расовые признаки являются наиболее зримыми и постоянными из всех, которые к нам прирастают, расовые меньшинства обычно оказываются из всех самыми долговечными.

Далее следует заметить, что меньшинство — не обязательно инородная (alien) группа. На самом деле во многих районах мира меньшинство образуют именно коренные народы, тогда как пришельцы, завоеватели и новоприбывшие занимают статус доминирующих групп. В США коренные индейцы занимают положение меньшинства. В Канаде старейшие поселенцы-французы являются меньшинством по отношению к более поздним мигрантам-англичанам. Почти во всех колониальных странах доминируют именно «иноземцы», а коренные населения им подчинены.

Не следует также полагать, что данное понятие — статистическое. Хотя размер группы может некоторым образом влиять на ее статус и на

ее отношения с доминантной группой, не следует судить о меньшинствах в терминах чисел. Люди, которых мы рассматриваем как меньшинство, могут в действительности, с количественной точки зрения, составлять большинство. Так, на Юге имеется много районов, где подавляющее большинство жителей составляют негры; тем не менее они являются там бесспорным меньшинством в том смысле, что они социально, политически и экономически подчинены.

Возможна и такая ситуация, когда народ обретает статус меньшинства, но не становится при этом объектом неуважения, дискриминации и гонений. Если он считает себя объектом такого недостойного обращения, в нем может развиваться психоз угнетения. Если группа обособляется от других своей особой культурой и воссоздается в этом изолированном состоянии достаточно долго, то социальные дистанции между ней и другими могут вырасти настолько, что это приведет к такому накоплению подозрительности и невзаимодействия, которое сделает практически невозможным для членов этих групп ведение настоящей коллективной жизни. Отсутствие интимного знания других и контакта с ними может с течением времени породить неспособность к взаимному пониманию и восприятию, что позволяет сформироваться ментальным стереотипам, которых индивид не может избежать. Для меньшинств, стало быть, важно не только их объективное положение, но и соответствующие паттерны поведения, которые они развивают, и те образы (pictures) себя и других, которые они носят в своих головах. Хотя чаще всего меньшинства находятся в отношениях конфликта с доминантной группой, именно их неучастие в жизни более широкого общества или некоторых ее аспектах более отчетливо маркирует их как меньшинства и увековечивает этот их статус.

Достаточно легко каталогизировать народы-меньшинства в различных районах мира в соответствии с некоторым набором критериев, таких, как раса, национальное происхождение, язык, религия или иные особенности культуры. Так, можно определить ареалы мира, где та или иная расовая, этническая, языковая или религиозная группа занимает подчиненный статус по отношению к какой-то другой группе. В разных районах мира статус меньшинств достается разным группам. Данная расовая, этническая, языковая или религиозная группа может быть доминирующей группой в одном ареале и меньшинством в другом. Схожие вариации сплошь и рядом обнаруживаются в истории. Группы, которые в одну эпоху были доминирующими, в другую могут перейти в подчинен-

ный статус. В силу колониционных предприятий ряда наций-государств Западной Европы значительная часть остального мира была подчинена их политическому господству, экономическому контролю, а также технологии и культуре, которые европейским поселенцам удалось навязать народам и ареалам, оказавшимся под их владичеством. Следовательно, в масштабах всего мира имеется чрезвычайно тесная ассоциация между белыми западноевропейцами как колонизаторами и завоевателями и их статусом главенствующей группы. Соответственно, имеется тесная ассоциация между небелыми народами мира как народами покоренными и поработенными и их статусом меньшинств. Существуют, однако, и заметные исключения во времени и пространстве. В ранний период европейской истории желтые народы Востока преодолели обширные пространства европейского континента и по крайней мере какое-то время держали его коренных жителей в подчиненном статусе. Были похожие, хотя и недолгие, вторжения в Европу из Африки, в ходе которых негроидные группы становились доминирующими над белыми европейцами. Аналогичным образом предпринимательская и воинская доблесть японцев привела к подчинению обширных пространств Востока за пределами их островной империи, содержащих многочисленные не-японские ареалы и населения, в том числе белых европейцев. В целом, однако, экспансия европейской цивилизации во все концы земного шара была настолько неостановимой, что, с расовой точки зрения, фактически по всему миру белые конституируют доминантную группу, а цветные народы — меньшинства.

Между тем нас в нашем анализе интересуют не столько расовые, сколько этнические меньшинства, а стало быть, полезно будет рассмотреть чуть более подробно языковые, религиозные и национальные меньшинства внутри белой группы в Европе и в Америке. Существование таких групп фактически в каждой европейской и американской стране привлекает внимание к тому факту, что современные нации-государства, на которые мы привыкли разделять мир и которым мы склонны приписывать высокую степень этнической гомогенности, вовсе не так тесно сплочены взаимными браками, кровным родством, общением и свободой возможностей для каждого, как, видимо, предполагают стереотипы национальных культур.

Сегодня в Европе и Америке существуют колоссальные различия между статусом разных этнических групп от страны к стране и от региона к региону. В довоенной Польше при царском режиме поляки были

явным этническим меньшинством. Когда в конце Первой мировой войны они завоевали свою независимость, они утратили свой статус меньшинства, но перевели в статус меньшинства своих соотечественников, польских евреев. Переезжая в качестве иммигрантов в Соединенные Штаты, поляки вновь сами стали меньшинством. В течение краткого периода нацистского господства в Чехословакии судетские немцы наслаждались своим господствующим положением над чехами, среди которых они еще недавно были меньшинством. Европейские иммигранты, приехавшие в США из таких преимущественно католических стран, как Италия и Польша, переместились в ходе своей иммиграции из господствующей группы в меньшинство. Следовательно, народ маркируют как меньшинство не какие-то специфические характеристики, будь то расовые или этнические, а отношения этой группы с некоторой другой группой в том обществе, в котором они живут. Одни и те же характеристики могут в одно время и при одном наборе условий служить признаками господствующего статуса, а в другое время и при другом наборе условий символизировать идентификацию с меньшинством.

Понять природу и генезис отношения между доминантной группой и меньшинством, следовательно, гораздо важнее, чем знать признаки, вследствие обладания которыми люди идентифицируются как члены первой или второго. Как только мы узнаем, что почти любые отличительные характеристики, будь то расовые физические признаки, язык, религия или культура, могут служить критериями членства в меньшинстве, мы уже не будем склонны конструировать типологию меньшинств на признаках, по которым они идентифицируются. Скорее, плодотворная типология должна помочь разграничить виды отношений между меньшинствами и доминантными группами и основываться на видах поведения, характерным образом связанных с этими типами отношений.

Адекватная типология меньшинств, следовательно, должна учесть общие типы ситуаций, в которых оказываются меньшинства, и попытаться понять *modus vivendi*, который складывается между сегментами тех обществ, в которых существуют проблемы меньшинств. Есть несколько осей, по которым проблемы меньшинств могут быть размещены. Среди них: (1) число и размер меньшинств в данном обществе; (2) степень, в которой статус меньшинства подразумевает трения с доминантной группой или исключение из участия в общей жизни общества; (3) природа социального упорядочения, определяющего отношения между меньшинством и доминантной группой; (4) цели, к которым стремятся

меньшинство и доминантная группа в попытках достичь нового, более удовлетворительного равновесия. Обзор исторических и современных проблем меньшинств по этим параметрам, вероятно, не охватит всего круга проблем, с которыми сталкиваются меньшинства, и, соответственно, типология эта будет лишь частичной. Но в то же время следует понимать, что до тех пор, пока отношения между меньшинствами и доминантными группами остаются подвижными, — и везде, где они не базируются на давно принятых и решенных предпосылках, — всякая жесткая типология окажется неудовлетворительной. И наоборот, там, где отношения меньшинства с доминантной группой четко структурированы и укоренены в нравах, законах и институтах, типологический подход может оказаться чрезвычайно полезным.

Число меньшинств в стране, по всей видимости, оказывает значительное влияние на отношения между меньшинствами и доминантной группой. Там, где есть только одно меньшинство, установки доминантной группы определяются уникальными характеристиками этого конкретного меньшинства. Обычно это делит страну на две противоборствующие группы. Таковым оказывается случай Бельгии, где фламандцы и валлоны находятся друг с другом в отношениях, соответственно, доминантной группы и меньшинства. В Соединенных Штатах ситуация совершенно иная. Здесь, наряду с неграми, индейцами и выходцами с Востока, образующими наши основные расовые меньшинства, мы имеем много этнических меньшинств, образуемых нашими европейскими иммигрантскими группами и их потомками, и такие религиозные меньшинства, как католики, иудеи и мормоны, в преимущественно протестантской стране. Единственному и уникальному меньшинству приходится абсорбировать все тревоги, фрустрации, страхи и антипатии доминантной группы. Но если установки доминантной группы направляются на несколько меньшинств, некоторые из них могут их избежать — относительно легко и часто за счет других. Почти нет сомнений в том, что негр в Соединенных Штатах принял на себя основной удар чувства доминирующих белых, направленного против меньшинств. Негры в этой стране были основным меньшинством настолько явно, что по сравнению с их статусом этнические меньшинства заняли относительно доминантное положение. По сути, установка этнических меньшинств в отношении негров мало отличается от установки давно обосновавшихся здесь белых поселенцев-протестантов. Там, где в стране есть несколько различных меньшинств, доминантная группа может позволить себе роскошь отно-

ситься к некоторым из них великодушно и может в то же время укреплять свое положение и гарантировать собственное главенство, играя одним меньшинством против другого.

Аналогичным образом, степень, в которой меньшинство отличается от доминантной группы, также обуславливает отношения между ними. Там, где эти группы сильно отличаются друг от друга расой и культурой и, в силу этого, легко отличимы друг от друга по внешнему виду и поведению, разделяющие их границы обычно воспроизводятся без особых явных усилий. В случаях, когда доминантная группа является носителем развитой цивилизации, а подчиненная группа не располагает современной технологией и характеризуется народной культурой, как это имеет место в колониальных ситуациях, доминантная группа может поддерживать свое высшее положение, просто манипулируя военной и административной машинерией. Между тем там, где соответствующие группы принадлежат к одному расовому дереву, но различаются в плане языка, религии или культуры, трения между ними становятся более отчетливо выраженными, и попытки меньшинства отвоевать господствующее положение становятся более очевидными. Сегрегация меньшинств может быть относительно полной или только частичной, а их отлучение от прав и привилегий — незначительным или суровым. Многое зависит от количественного соотношения сил и той степени, в которой меньшинства рассматриваются как источник угрозы существующему порядку.

Природа социальных отношений, существующих между доминантными группами и меньшинствами, подводит нас ближе, чем любой из этих факторов, к прояснению возникающих проблем. Когда отношение между двумя группами является взаимоотношением господина и раба, правящих и управляемых, эксплуататоров и эксплуатируемых, возникающие конфликты оказываются конфликтами, характерными для ситуаций господства и подчинения. Подобные отношения становятся по сути властными отношениями, предполагающими, что доминантная группа будет прибегать к санкциям обычая, права и силы всякий раз, когда убеждения, престижа и манипулирования экономическими рычагами будет недостаточно. Там, где меньшинство занимает положение касты, санкции религии и обычая могут быть вполне адекватными, но в секулярных обществах удержание группы в статусе меньшинства требует манипуляции общественным мнением и экономической и политической властью, а если это не срабатывает, то и применения насилия.

Серьезные различия и несовместимости между доминантными группами и меньшинствами по *всем* фронтам — экономическому, политическому, социальному и религиозному — или последовательное и полное обособление и исключение меньшинства из участия в жизни более широкого общества обычно развиваются в направлении более стабильных отношений между доминантными группами и меньшинствами, нежели сходство и совместимость всего лишь по *некоторым* пунктам и просто сегментарное соучастие в жизни на отдельных немногочисленных границах контакта. Предоставление до сих пор угнетенным группам некоторых политических и гражданских прав неизбежно ведет к требованию предоставить полные права гражданства и равенство возможностей в иных отношениях. Рабство как институт в западном мире отжило свой век сразу, как только религии белого человека наделили негра душой.

Хотя приведенные выше критерии и могли бы дать нам основание для классификации меньшинств, они не позволяют нам подойти к действительным проблемам меньшинств, беспокоящим современный мир, так близко, как мы можем это сделать, проанализировав основные цели, к которым устремлены идеи, чувства и действия меньшинств. Если подойти к меньшинствам с этой точки зрения, их удобно разделить на следующие типы: (1) плюралистические; (2) ассимиляционистские; (3) сецессионистские; и (4) воинствующие.

Плюралистическое меньшинство — это меньшинство, которое пытается добиться терпимого отношения к своим отличиям со стороны доминирующей группы. В требовании терпимого отношения к отличиям собственной группы заложено скрытое представление о том, что непохожие культуры могут мирно цвести бок о бок в одном и том же обществе. По сути, культурный плюрализм предлагается как одна из необходимых предпосылок богатой и динамичной цивилизации в условиях свободы. В шутку даже говорят, что «терпимость — это подозрение, что другой, может быть, прав».

Для терпимости требуется, чтобы доминантная группа чувствовала свое положение достаточно надежным и могла позволить раскольников некоторым вольности. Облеченные властью либо должны быть убеждены в том, что ставки не слишком велики, либо должны проникнуться идеалом свободы вплоть до нежелания отказывать другим в некоторых свободах, которыми пользуются сами. Если между их статусом и статусом меньшинства простирается широкая пропасть, если между двумя группами имеются огромные различия в расе или происхождении, терпи-

мость к меньшинствам может доходить до фактического увековечения нескольких подбоществ в рамках большего общества.

Даже в «священном» обществе средневековой Европы, находившемся под господством Церкви, были длительные периоды, когда терпели еретиков, хотя в иные времена они оказывались перед альтернативой конформности или истребления. История евреев в средневековой Европе дает множество примеров способности меньшинства выживать даже в условиях наименьшей терпимости. Следует, однако, заметить, что иногда запас прочности был очень невелик, и их выживанию, в конечном счете, способствовало то, что они составляли чуждый культурный остров среди широкого христианского мира и выполняли полезные функции, такие, как торговля и коммерция, которыми вера доминантной группы не позволяла заниматься своим приверженцам. Сосуществование евреев и христиан в одних и тех же странах часто не выходило за ту степень взаимности, которая характерна для симбиотических отношений, какие существуют между разными видами растений и животных, населяющими один и тот же хабиат, но вынуждаемыми своей разной структурой к выдавливанию друг друга. Этот случай предполагал минимум консенсуса.

Диапазон терпимости, которого пытаются добиться плюралистическое меньшинство, первоначально может быть очень узким. Он может, как это было в случае евреев в средневековой Европе или протестантов в преимущественно католических странах, ограничиваться свободой практиковать раскольническую религию. Либо он может, как было в случае этнических меньшинств в царской России и в Австро-Венгерской империи Габсбургов, принять форму требования признать народный язык официальным средством выражения для меньшинства и предоставить меньшинству право преподавать его в школах. В то время как, с одной стороны, плюралистическое меньшинство жаждет терпимого отношения к одной или нескольким своим культурным идиосинкразиям, с другой стороны, оно с негодованием относится к принудительному растворению в доминантной группе и пытается защититься от такого растворения. Прежде всего оно жаждет сохранить свою культурную идентичность.

Национальности Европы, которые в XIX – начале XX в. вступили на путь обретения национальной независимости, начинали свои карьеры как плюралистические меньшинства, претендовавшие всего лишь на достижение культурной автономии. Некоторые из этих меньшинств обладали в прежние времена национальной независимостью и просто желали возродить и сохранить свое культурное наследие. Таким был, на-

пример, случай Польши, пытавшейся добиться от царской России некоторой религиозной и языковой автономии. Чешский и ирландский национализм зарождался при схожих исторических обстоятельствах.

Между тем было бы ошибкой заключить, что требование культурной автономии обычно выдвигается независимо от других интересов. В соединении с этим требованием, а часто еще до его выдвижения, идет борьба за экономическое и политическое равенство или, по крайней мере, уравнивание возможностей. Хотя плюралистическое меньшинство не хочет растворения всей своей жизни в более широком обществе, оно требует для своих членов большей экономической и политической свободы или даже полного гражданского равенства. Начиная с революционной эпохи конца XVIII в. предоставление меньшинствам экономических и политических прав считалось не просто чем-то неотъемлемым от «прав человека», но и необходимым инструментом в борьбе за культурную эмансипацию. Свобода выбора занятий, право собственности на землю, поступление на гражданскую службу, открытый доступ в университеты и профессии, свобода слова, собраний и печати, доступ к голосованию с видом на представительство меньшинства в парламенте и правительстве — все эти и другие полные привилегии гражданства составляют то основание, на котором зиждется культурная свобода, и являются инструментами, с помощью которых она должна достигаться и охраняться.

На протяжении всего периода пробуждения доминантных этнических меньшинств в XIX в. в Европе, а в дальнейшем и во всех частях мира, первые стадии движений меньшинств характеризовались культурными возрождениями. На этом этапе развития основной упор делался на подчеркивание религиозного, языкового и культурного наследия группы и на стремление добиться признания этих отличий и терпимого к ним отношения. Это движение идет рука об руку с борьбой за экономическое и политическое равенство. В ходе таких движений прежние признаки неполноценности — родной народный язык, чуждая религия, непонятные обычаи и эксцентричные костюмы, — превращаются в предметы гордости и позитивных групповых ценностей, к которым интеллектуалы из этого меньшинства проявляют живейший интерес и превознесение которых мстит им дорогу к лидерству и власти. Цель плюралистического меньшинства достигается тогда, когда ему удается добиться от доминирующей группы наиболее полного равенства во всех экономических и политических делах и права самостоятельно определяться во всем, что касается культуры. Атмосфера либерализма, в которой развивались

плюралистические меньшинства, возникла во времена Ренессанса и нашла выражение в движениях за религиозную терпимость конца XVI в.; в дальнейшем она была укреплена конституционными биллями о правах, отвоєванными у абсолютных правителей в ходе английской, американской и французской революций, и получила официальное признание в мировом масштабе в относящихся к меньшинствам статьях договоров, заключенных по завершении Первой мировой войны. Хотя правовые положения статей о меньшинствах не соблюдались полностью на практике, они, по крайней мере, обеспечили стандарт, по которому отношения между меньшинствами и доминирующими группами могут более универсально оцениваться мнением просвещенного мира. Если рассматривать формальные решения по таким вопросам как надежные признаки тенденций в общественном мнении, то можно сослаться на Декларацию католиков, иудеев и протестантов о мире во всем мире, принятую 7 октября 1943 г. О «Правах меньшинств» в ней говорится: «Национальные правительства и международные организации должны уважать и гарантировать права этнических, религиозных и культурных меньшинств на экономическое благосостояние, равные возможности получения образования и культурного развития и политическое равенство». Однако важнее таких высказываний передовая практика, получившая развитие в нациях мира. Выдающимся примером ее служит практика Советского Союза в отношении меньшинств. Там признание плюралистических меньшинств стало принятой национальной политикой.

Следует, однако, признать, что плюралистические меньшинства, как и все структуры, выражающие динамичные социальные движения, — всего лишь промежуточные станции на пути к дальнейшему развитию. Они неумолимо перетекают в другие стадии, где возникают, соответственно, новые типы социальных структур. В отличие от плюралистического меньшинства, которое довольствуется терпимым отношением к себе и пределом устремлений которого является культурная автономия, ассимиляционистское меньшинство жаждет максимально полных возможностей участия в жизни более широкого общества, рассчитывая добровольно влиться в это общество. Оно стремится раствориться в более крупном целом, открыв своим членам наибольшие возможности для их индивидуального саморазвития. Вместо терпимости и автономии, к которым стремится плюралистическое меньшинство, ассимиляционистское меньшинство добивается полного принятия себя доминантной группой и слияния с более широким обществом.

В то время как плюралистическое меньшинство с целью сохранить свою групповую спаянность будет обычно противиться взаимным бракам и тесному социальному взаимодействию с доминантной группой, ассимиляционистское меньшинство не воздвигает таких препятствий на пути своих членов, а видит в скрещении родов и слиянии культур благотворный конечный итог. Поскольку ассимиляция — двусторонний процесс, в котором происходит взаимный обмен, растворение ассимиляционистского меньшинства в широком обществе зависит от готовности доминантной группы поглотить и готовности меньшинства быть поглощенным. Этнические различия, существующие между меньшинством и доминантной группой, не обязательно являются препятствием для ассимиляции, пока культурные черты каждой группы не рассматриваются как несовместимые с чертами другой и пока их смешение желанно для обеих сторон. Философия «плавильного котла» в США, применявшаяся к этническим меньшинствам, но не применявшаяся к расовым, особенно неграм, в той мере, в какой ее реально придерживались, вела к развитию среди иммигрантов и коренных американцев атмосферы, способствующей появлению смешанной американской культуры, в которую доминантная группа и меньшинства вносили свой вклад. Эта новая культура, еще находящаяся в процессе формирования, содержит культурные элементы, почерпнутые из всех этнических групп, составляющих американский народ, но при этом интегрирует их в новую смесь.

Успех, с которым протекает такой эксперимент, зависит отчасти от численного соотношения вовлеченных групп и от периода времени, на который растягивается этот процесс. Хотя с начала XIX в. США приняли около 38 млн. иммигрантов из-за рубежа, их приток был относительно постепенным, а обширные пространства и ресурсы континента способствовали обустройству и абсорбции новоприбывших. Америка была сравнительно молодой страной, в которой господствовали дух фронтира, а также комплекс законов и социальных идеалов, находившихся под сильным влиянием гуманистических, либеральных доктрин религиозной терпимости и прав человека. Это, в сочетании с огромной потребностью в рабочей силе для освоения колоссальных ресурсов континента, внесло свой вклад в поддержание текущего состояния американской культуры и гостеприимности американского народа к новоприбывшим и к тем наследиям, которые они с собой привозили. Ни одна группа в Соединенных Штатах не обладала властью и гордостью своим происхождением в та-

кой степени, чтобы суметь утвердить себя в качестве высшей по отношению ко всем остальным.

Тем не менее, поскольку иммигранты прибывали большими волнами и широкое поле экономических возможностей периодически сжималось, всплески нетерпимого и иногда насильственного нативизма и неприязни к чужим также отчетливо здесь проявлялись. По мере того как на смену прежним волнам прибывали новые иммигрантские группы, последние из прибывших все больше становились объектами предубеждений и дискриминации со стороны коренного населения и ранее прибывших иммигрантов. Более того, поскольку различные этнические группы концентрировались в специфических ареалах и в крупных городских колониях, где развивали на виду у всех свои привезенные из Старого Света культурные наследия, их жизнь становилась фактически автономной, и в силу этой изоляции сдерживался их контакт с широким потоком американской культуры. Вдобавок к этому, сам их успех в конкуренции с местными жителями и старейшими поселенцами в различных родах занятий, профессиях и бизнесе будил антипатии, которые находили выражение в движениях нетерпимости и в создании для них официальных и неофициальных ограничений и препятствий.

Хотя этнические меньшинства в США страдают в основном от частных предрассудков, а не от публичной ограничительной политики, они встречаются на пути к ассимиляции с серьезными препятствиями. Отличительные культуры разных этнических групп являются не просто собраними разрозненных черт, а исторически спаянными целостностями. Каждая иммигрантская группа имеет не только свой язык или диалект, который служит барьером для межгрупповой коммуникации и разделения общих идей и идеалов, но также свои религиозные, социальные и даже политические институты, которые воссоздают групповую солидарность и препятствуют социальным сношениям с членами «внешней» группы. Более того, каждая этническая группа в США, особенно на первых порах после своего прибытия, обычно занимает характерную нишу в экономике, что порождает среди ее членов некоторые явные сходства в способах занятости, жизненном уровне, месте проживания и образе жизни. На основе таких сходств внутри группы и отличий ее от внешних групп выстраиваются стереотипы и фиксированные установки, препятствующие контакту и создающие социальные дистанции и предрассудки. Чрезмерная озабоченность меньшинств тем, будут они приняты или нет, иногда приводит к появлению у них паттерна поведения, который прово-

цирует защитную реакцию со стороны доминантной группы; эти защитные реакции могут принять форму решительного отпора, который обычно обостряет самосознание меньшинства и тем самым сдерживает ассимиляцию.

Ни одна этническая группа никогда не бывает единодушной во всех своих установках и действиях, и меньшинства не исключение. У них тоже есть свои внутренние дифференциации, свои фракции и идеологические течения и движения. А стало быть, нужно понять, что разницу между плюралистическим и ассимиляционистским меньшинством надо искать в характерной ориентации и направленности социального движения этих групп. Евреи дают прекрасный пример меньшинства, которое, особенно в современную эпоху, колебалось между этими двумя типами. Когда «внешняя» группа была благосклонно расположена к евреям, ассимиляция протекала быстро, даже перед лицом случайных отпоров и не прекращавшейся дискриминации. Когда доминантная группа делала вхождение евреев в общество затруднительным, когда движения нетерпимости становились могущественными и широко распространенными и притеснение было обычным делом, евреи как меньшинство обычно уходили в себя и, в силу своей исключенности, обособлялись на манер кланов. Наиболее показательный пример этой трансформации мы видим в изменении установки немецких евреев, которые — до того, как волна антисемитизма достигла своего пика в эпоху Гитлера, — могли быть со всем основанием охарактеризованы как ассимиляционистское меньшинство, но оптимальным желанием которых, когда Гитлер пришел к власти, стало проявление хотя бы какой-то меры терпимости к ним. В нашей стране у евреев сегодня обнаруживается схожая дифференциация. Старые поселенцы и те, кто поднялся по экономической и социальной лестнице, в целом, стремятся к полной инкорпорации в более широкое общество и могут со всеми основаниями рассматриваться как ассимиляционистское меньшинство; но те, кто приехал сюда позже, те, чьи надежды были попорчены предрассудками, те, кто на протяжении многовековых гонений в Старом Свете сохранял более ортодоксальный ритуал и более замкнутую и самодостаточную общинную жизнь, обычно не ищут полной культурной идентификации с американским обществом в целом. Конечно, они хотят полного социального и экономического равенства с остальным населением, но пытаются при этом сохранить некоторую степень культурной автономии.

Имеется мало сомнений в том, что всемирный кризис еврейского народа, ускоренный фашизмом и сопровождавшей его волной расизма и антисемитизма, выковал новые узы солидарности среди ранее разрозненных частей еврейства и вызвал глубокий пессимизм относительно перспективы конечной ассимиляции. Но постепенное возрождение ассимиляционистской тенденции среди еврейских меньшинств в западном мире, похоже, обретет благоприятные перспективы, как только культ расизма пойдет на убыль.

Сецессионистское меньшинство представляет третий выделенный нами тип. Оно отвергает ассимиляцию, с одной стороны, и не довольствуется простой терпимостью или культурной автономией с другой. Основная и конечная цель такого меньшинства состоит в достижении как культурной, так и политической независимости от доминантной группы. Если на раннем этапе карьеры такая группа имела государственность, то требование признания ее национального суверенитета может базироваться на культивировании среди ее членов романтических чувств, связанных — пусть даже только в воображении — с ее былой свободой, могуществом и славой. В таком случае культурные памятники меньшинства, его пережитки, его язык, фольклор, литература и церемониальные институты, сколь бы ни были они архаичны, напоминая об эпохе независимости группы, воскрешаются и встраиваются в волнующие символы национального величия.

Решающую роль в этом играют интеллектуалы из рядов меньшинства. Они могут найти выражение своим талантам, восстанавливая, расширяя и разжигая гордость историей и цивилизацией своей группы и отстаивая ее дело перед мировым общественным мнением. Будучи отвергнутыми доминантной группой в стремлении занять высшие руководящие посты и часто наталкиваясь на отказ в равных возможностях и полноценном участии в интеллектуальной, социальной, экономической и политической жизни более широкого общества, интеллектуалы из таких меньшинств обычно становятся особенно уязвимыми для психического неблагополучия, граничащего с психозом подавления. Они находят компенсацию, окунаясь в жизнь сравнительно небольшого, но более гостеприимного мира своего меньшинства.

Ирландское, чешское, польское, литовское, эстонское, латышское и финское националистические движения, увенчавшиеся по окончании Первой мировой войны обретением независимой государственности, были примерами сецессионистских меньшинств. Случай евреев

также может быть использован для иллюстрации этого типа меньшинства. Сионизм в политической его форме, в отличие от культурной, приобрел в результате возрождения организованных антисемитских движений значительную поддержку. Вынужденная массовая миграция из стран, практикующих жестокие гонения и истребление, изменила представление о Палестине: из прибежища, где к евреям терпимо относятся, она превратилась в родину, на которую евреи предъявили официальные притязания.

Протест против доминантной группы, между тем, не всегда принимает форму сепаратизма и сецессионизма. При определенных условиях он может выразиться в движениях, направленных на избавление от ига доминирующей группы с целью соединиться с группой, с которой меньшинство связано тесным историческим и культурным родством. В особенности это относится к меньшинствам, проживающим поблизости от национальных границ. Войны и сопутствующие им постоянные перепредделения международных границ редко считаются с традициями и чаяниями населения пограничных территорий. Обычно эти маргинальные этнические группы проявляют более пылкие националистические чувства, чем те, кому не наносится такого ущерба при заключении мирных договоров.

Более того, сецессионистские меньшинства, занимающие пограничные позиции, в поисках стимулов для пробуждения сознания меньшинства обычно могут рассчитывать на страну, с которой стремятся воссоединиться. Когда в 1871 г. по завершении франко-прусской войны Франция потеряла Эльзас и Лотарингию, французская культура этих «утраченных провинций» стала для французов внутри и вне этих территорий предметом особого интереса. А когда эти же самые провинции в конце Первой мировой войны оказались потеряны Германией, схожая пропагандистская волна была поднята немецкой стороной. Придя к власти и предавшись своим империалистическим авантюрам, нацисты сделали темой своей яростной агитации «воссоединение с Отечеством» таких территорий, как Саар, Эльзас, Лотарингия, Эйпен и Мальмеди, Судетские земли и Данцигский коридор. Всеми имевшимися средствами они воскрешали в этих этнических группах затухавший или дремлющий сецессионистский дух. Везде, где существовали малейшие поводы, они устраивали инциденты, чтобы вызвать всплески насилия и тем самым спровоцировать соседние правительства на контрмеры, которые можно было бы использовать для создания в мире мнения, что немецкие мень-

шинства на этих территориях страдают от жестоких гонений и с волнением ждут, когда их избавит от этого военная мощь Отечества.

Солидарность современных государств всегда подвержена опасности подрывного влияния со стороны сепаратистских меньшинств, но особенно уязвимой она становится тогда, когда меньшинства объединяются с соседними государствами, претендующими на них как на свою собственность. Из таких ситуаций возникали многочисленные трения, спровоцировавшие в последнее время немало войн.

Есть и четвертый тип меньшинства, который может быть обозначен как воинствующий (*militant*). Его цели простираются гораздо дальше терпимости, ассимиляции и даже культурной и политической автономии. Воинствующее меньшинство ставит своей целью господство над другими. Оно совершенно не страдает чувством неполноценности; напротив, оно убеждено в собственном превосходстве и воодушевлено страстью к завоеванию. Хотя первоначальные требования, выдвигаемые движениями меньшинств, обычно умеренны, они, как это всегда бывает при восхождении к власти, пьянеют от собственного успеха и часто погружаются в грезы величия.

Так, судетские немцы при содействии и подстрекательстве нацистской пропагандистской, дипломатической и военной машины стали предъявлять притязания на Чехословацкую Республику, которые, будь они удовлетворены, поставили бы чехов в положение меньшинства в собственной стране. История (будем надеяться, оставшаяся в прошлом) раба, который после освобождения сам сразу же приобрел себе раба, говорит о порочной человеческой склонности, относящейся в том числе и к меньшинствам. Никакой империализм не бывает столь безжалостным, как империализм относительно небольшой самонадеянной нации. Едва Италии удалось избежать унижения полного поражения в Первой мировой войне, как она приступила к овладению *Italia Irredenta* далеко за пределами своих границ по ту сторону Адриатического моря. Недавний взлет относительно незаметного Прусского государства на вершины господства в Центральной Европе служит примером динамики воинствующего меньшинства, стремящегося не просто к надежной основе национального существования, а к империи. Далеко не великодушное обращение эмансипировавшихся поляков в период между двумя мировыми войнами с украинцами, белорусами, литовцами, евреями и другими меньшинствами, доставшимися в наследство Польскому государству, дает

еще один пример отсутствия умеренности, характерного для воинствующих меньшинств, едва они достигают властного положения.

Проблема нахождения подходящей формулы для самоуправления в Индии была бы, вероятно, давно решена, если бы индусское «большинство», считавшее себя меньшинством относительно Британской империи, смогло удовлетвориться порядком, не предполагавшим господства индусов над мусульманами. Аналогичным образом и проблема Палестины, возможно, была бы гораздо ближе к разумному решению, если бы некоторые элементы среди евреев и арабов были менее воинствующими и не угрожали, каждые со своей стороны, поставить друг друга при благоприятной возможности в положение меньшинства.

Основанием выделения четырех описанных типов меньшинств для их специального разграничения служит тот факт, что каждый из них представляет особый набор целей, характерных для исторических и нынешних меньшинств, и соответствующий набор мотивов, движущих поведением их членов. Эти четыре типа указывают на значимые различия между действительными движениями меньшинств. Кроме того, их можно рассматривать как обозначения ключевых последовательных стадий в жизненном цикле меньшинств вообще.

Первоначальной целью возникающего меньшинства, когда оно начинает сознавать свою этническую идентичность, является поиск терпимого отношения к своим культурным отличиям. В силу этого устремления оно конституирует плюралистическое меньшинство. Если достигаются достаточные терпимость и автономия, плюралистическое меньшинство переходит в ассимиляционистскую стадию, для которой характерно желание принятия доминантной группой и инкорпорации в нее. Фрустрация этого желания полноценного участия обычно порождает (1) сецессионистские тенденции, которые могут выразиться либо в полном отделении от доминантной группы и установлении своей суверенной государственности, либо в (2) стремлении войти в состав другого государства, с которым имеется тесная культурная или историческая идентификация. Прогресс в любом из этих направлений может, в свою очередь, привести к постановке цели господства над другими и к применению военных методов для достижения этой цели. Если этой цели удастся достичь, группа утрачивает отличительные характеристики меньшинства.

Следует, разумеется, подчеркнуть, что эта типология меньшинств есть теоретический конструкт, а не описание действительно существующих групп. Не следует ждать, что какой-либо из этих типов будет обна-

ружен в истории или в настоящем в чистом виде. Все меньшинства содержат в себе тенденции и движения, в которых мы можем различить характерные черты одного или более из этих типов. Пользуясь такой типологией как инструментом, мы можем лучше проанализировать эмпирические проблемы тех ситуаций, в которые попадают меньшинства, и оценить программы, предлагаемые для их решения.

Основопологающим фактом, объясняющим возникновение меньшинств, является отсутствие конгруэнтности между политическими и этническими группами. Политические границы определены и почти всегда произвольны. Культурные и этнические ареалы разграничить труднее. Политические ареалы имеют рукотворное происхождение, тогда как культурные ареалы являются продуктом роста. Фактически после каждого спора за власть между нациями, будь то за столом переговоров или на поле битвы, следует перечерчивание границ, оставляющее культурные вкрапления, окруженные, подобно островам, чужеродным морем. Даже в отсутствие территориальных ревизий пограничные полосы неопределенности, где вкрапляются друг в друга маргинальные группы, обычно остаются местами хронической опасности этнических трений.

Второй фактор, вызывающий появление меньшинств, состоит в том, что культура и народ редко совпадают в своих границах. Каждая живая культура должна иметь носителем какой-то народ. Но культура состоит из множества элементов, которые могут поддерживаться в различных комбинациях разными группами людей. Так, например, группа людей, которые говорят на одном и том же языке, исповедуют одну и ту же религию и имеют древнее общее культурное наследие, способна к более эффективному коллективному действию, нежели схожая группа с одной и той же религией, но разным языком, или с одним и тем же языком, но различающимся в иных отношениях культурным наследием. Для образования меньшинств достаточно, чтобы совпали хотя бы некоторые из этнических характеристик, делающие их отличными от других, особенно если в эти характеристики входят такие элементы, как язык или религия. Если же в силу того или иного исторического или географического обстоятельства группа оказывается объединенной на базе широкого круга культурных характеристик и достаточно плотно сконцентрированной в компактном ареале, так что контраст между ее статусом и статусом соседей начинает выступать со всей остротой, то рождение этой группы как меньшинства становится почти неизбежным.

Генезис меньшинств, следовательно, необходимо искать в том факте, что территория, политическое господство, народ и культура очень редко совпадают в своих границах. По мере дезинтеграции племенного общества человеческие родовые группы, населяющие практически каждый ареал мира, становятся все более диверсифицированными. С появлением современного государства старые парохияльные княжества дезинтегрируются, а гетерогенные группировки людей и разные ареалы консолидируются в обширные политические владения. Через завоевания и миграцию прежние компактные группы рассеиваются и становятся расколоты между разными политическими единицами. Благодаря современному транспорту, коммуникации, коммерции и технологии сохраняющиеся народные культуры все более втягиваются в орбиту мировой цивилизации. В различных районах мира еще остается несколько относительно ограниченных островков гомогенности и стабильности посреди моря смещения и быстро меняющейся гетерогенности, но в целом процесс цивилизации сглаживает их различия. Проблемы меньшинств — симптом этого глубинного всемирного изменения.

В далекой многовековой перспективе, стало быть, можно ожидать, что проблемы меньшинств решатся сами. Но что касается настоящего времени, то тут они нуждаются в наилучшем решении, какое только мы сможем придумать, если мы желаем жить в мире и хотим человеческого прогресса. Каждый, кто бесстрастно взглянет на фон, на котором протекали Первая и Вторая мировые войны, не сможет не заметить, что проблемы меньшинств играли значительную роль в их генезисе. Если в условиях нового мира эти проблемы не будут решены более адекватно, чем в условиях прежнего, этой неудачей мы внесем вклад в постепенное разжигание нового мирового пожара; ибо в будущем еще больше, чем в прошлом, эти проблемы будут приобретать вселенские масштабы, каким бы локальным ни было их происхождение. Это вовсе не значит, что проблемы меньшинств — основная причина международного конфликта. Мы всего лишь считаем, что в отсутствие эффективной всемирной организации, регулирующей игру взаимозависимых экономических, социальных, политических и военных сил, эти проблемы будут и далее порождать трения и создавать предпосылки, способные вновь привести к войне.

В современную эпоху, наряду с технологическими и социальными изменениями, оказавшими глубокое влияние на природу и значимость проблем меньшинств, были приведены в действие и некоторые идеологические силы, которые воздействуют на них даже еще более непосред-

венно. В этой связи представляются особенно важными национализм, демократическая идеология, применяемая к лицам и группам, секуляризм и наука.

XIX век, часто называемый «веком национализма», увидел рождение ряда движений за национальное пробуждение, освобождение и консолидацию, приведших к образованию современных Италии и Германии. Также он увидел быстрое развитие современных империй и кристаллизацию таких движений, как панславизм и пангерманизм, которые стали страшной угрозой государственной системе, основанной на балансе сил. Меньшие этнические группы, помимо своей воли проглоченные рождающимися нациями, столкнулись с помехами и задержками в реализации своих национальных устремлений. Вследствие этого вскипали беспокорные движения, угрожавшие стабильности новообразованных государств и миру во всем мире. Меньшинства, особенно в сепаратистской и воинствующей их разновидности, являются в значительной степени побочными продуктами идеологии национализма, основополагающим догматом которой было то, что каждый народ должен иметь собственное государство, но которая не осознавала в полной мере тот факт, что политические и этнические границы не всегда в точности совпадают.

Силы демократии и национализма на протяжении почти всего XIX в. пребывали в тесном союзе. Сражение этих двух идеологий стало важнейшим оружием национальностей, стремящихся к независимости, в мирных дискуссиях после Первой мировой войны. В Версале ссылались на принцип национального самоопределения. Он истолковывался как право каждой нации на образование независимого государства. Однако концепция «нации» была далеко не ясной и не учитывала множество меньших по размеру этнических и культурных групп, еще не зашедших в жизненном цикле меньшинств так далеко, чтобы считаться претендентами на статус нации и, стало быть, на государственность. Версаль слышал отчетливые голоса сепаратистских и воинствующих меньшинств того времени, но не слышал приглушенных вздохов и раздраженных жалоб плюралистических и ассимиляционистских меньшинств, которые были отданы на милость первых, не защищенные ничем, кроме лицемерного провозглашения высоких принципов терпимости и отсутствия дискриминации.

Вудро Вильсон, настаивая перед вступлением Америки в войну на праве на самоопределение, говорил: «Каждый народ вправе выбрать су-

веренитет, под которым он будет жить»¹. Но когда он стал интерпретировать этот принцип в рамках Четырнадцати пунктов, он связывал понятие самоопределения уже не со свободно выраженной волей народа, а с критериями национальности. По словам Э.Х.Карра, при составлении проекта мирного договора «без особого шума было принято, что национальность и самоопределение означают одно и то же, и если человек имеет объективные отличительные признаки поляка или южного славянина, то он желает быть гражданином польского или южнославянского государства»². Мирные соглашения имели одной из важнейших целей решение проблем меньшинств и, несомненно, удовлетворили законные притязания ряда угнетенных народов, но в то же время подняли ряд новых проблем меньшинств, которые до сих пор либо не существовали, либо внешне не проявлялись.

Проблемы и само существование меньшинств базируются на признании прав народов, особенно права на самоопределение. Начиная с революционной эпохи конца XVIII в. освобождение угнетенных народов пользовалось поддержкой либеральных мыслителей. Хотя некоторые защитники этого принципа, скрыто присутствующего в демократической идеологии, считали его шагом к космополитизму, непосредственным его следствием было обострение национализма. Общий принцип Версальского договора в итоге гласил, что любая группа, принадлежащая к меньшинству, будь то этническое, культурное или религиозное, имеет право на равную с другими защиту и равные с ними возможности. Этот принцип было легче провозгласить, чем осуществить на практике, особенно в некоторых новообразованных государствах, содержащих бывшие меньшинства. Обретя свободу, воинствующие меньшинства нередко низводили своих соотечественников с иными этническими характеристиками в положение меньшинства, которое едва терпели, а иногда даже делали объектом насилия и преследования.

С высоты сегодняшнего дня видно, что одним из крупных недостатков применения демократического принципа в Версальском договоре был акцент на группах, а не на индивидах. Если право на самоопределение применяется лишь к нациям или этническим группам, но не применяется к отдельным мужчинам и женщинам, их составляющим, оно легко

¹ Public papers of Woodrow Wilson. — N. Y.: Harper & Brothers, 1927. — Vol. II. — P. 187.

² Carr E. H. Conditions of peace. — N. Y.: Macmillan, 1943. — P. 44.

вырождается в лицензию на угнетение других. Если в условиях наступающего мира решение об образовании новых государств и переопределении территории старых не будет предусматривать билля о личных правах для всех и защиты прав гражданства международным авторитетом, один из самых трагичных уроков прошлого будет потерян.

Даже международной гарантии всеобщего билля о правах будет, видимо, недостаточно для того, чтобы предотвратить развитие новых меньшинств и сохранение существующих. Этнические, языковые и религиозные различия будут продолжать разделять людей, а предрассудки, их сопровождающие, не могут вдруг исчезнуть по чьему-то приказу. Но если личные предрассудки и антипатии, как можно ожидать, исчезнут лишь под влиянием кропотливого процесса воспитания и ассимиляции, то коллективные программы и политики могут быть значительно изменены еще до того, как будут поддержаны единодушным групповым согласием. Законы и публичная политика могут многое сделать для минимизации пагубных последствий даже личных предрассудков. Более того, именно за проводимую публичную политику мы можем и должны считать ответственными государства.

Стратегия создания для меньшинств равных возможностей базировалась в прошлом на доктрине прав человека, которая, как предполагалось, относилась и к большинству, и к меньшинству. Однако лишь недавно было признано, что подчиненное положение этнических и расовых меньшинств дорого обходится всему обществу. С военной точки зрения, оно нежелательно, так как ослабляет национальные лояльности и солидарность. Сдерживание развития меньшинства неблагоприятно сказывается на всей экономике. До тех пор, пока меньшинства страдают от дискриминации и отказа в гражданских свободах, не является свободной и доминирующая группа.

Еще один идеологический фактор, вышедший на современную сцену и наложивший свой отпечаток на проблему меньшинств, — это секуляризм. Секулярная тенденция в современном мире, проявляющаяся в распространении рационализма, науки и общего скептицизма в отношении унаследованных от прошлого идей и верований, уже нанесла ощутимый удар парохияльным культам, божественному праву некоторых людей на власть и предрассудкам относительно прирожденной неполноценности расовых и этнических групп. В будущем она обещает еще больший прогресс. Жесткие кастовые системы, опирающиеся на священные санкции, быстро дезинтегрируются. Отделение церкви от государства

дошло до того, что государственная религия в большинстве стран рассматривается как нечто неприемлемое. Даже «священная война» в нынешнюю эпоху почти немислима. С распространением идеала равенства возможностей для всех массы в большинстве стран Запада обрели больший доступ к образовательным и культурным возможностям, не зависящий от расы, этнической аффилиации, религии и даже экономического статуса. Открытия и методы науки, следовательно, могут найти более широкое признание. Символ «простого человека», несмотря на насмешки, которыми его осыпают в некоторых кругах, по-видимому, идет к тому, чтобы сделать свое влияние ощутимым во всем мире.

Из антропологических исследований последней половины столетия мы должны вынести осознание неприменимости понятия «раса» к гибридным группам, составляющим европейские и американские народы. Друг от друга эти народы отличает не раса, а культура: языковые, религиозные, экономические и социальные привычки и установки, институты и ценности. И если наука что-то убедительно доказала, так это то, что эти черты поддаются человеческому вмешательству и могут быть изменены. Возможность конечной ассимиляции этнических групп, таким образом, не подлежит сомнению.

Более того, мы начинаем сознавать, что разные религиозные верования и культурные черты не обязательно угрожают национальной солидарности и не обязательно губительны для национальной лояльности. Частная жизнь индивида все больше считается неприкосновенной. От индивида и меньшинств требуется приспособление к социальному порядку, а не полная ассимиляция. Изоляция меньшинства от политического и социального целого, на каких бы основаниях она ни базировалась и какими бы средствами она ни насаждалась, все больше рассматривается как путь к сохранению и усилению существующих различий и как нечто противоположное цивилизованной публичной политике.

ГЕТТО*

В течение последних пяти столетий еврейские поселения в Западном мире известны как гетто. Современное гетто, некоторые признаки которого обнаруживаются в каждом, даже небольшом по размеру, городе, восходит к средневековому европейскому городскому институту, посредством которого евреи сегрегировались от остального населения. На Востоке до недавних пор гетто принимало форму «черты оседлости», которая представляет собой гетто внутри гетто. Гетто не является более местом официально регламентированного поселения евреев; теперь это скорее неформально возникающий локальный культурный ареал. В американских городах название «гетто» применяется в основном в отношении тех ареалов, где поселяются самые бедные и отсталые группы еврейского населения; обычно это недавно прибывшие иммигранты.

С точки зрения социолога, гетто как институт интересно прежде всего тем, что представляет собой пролонгированный случай изоляции. Его можно рассматривать как форму аккомодации, посредством которой меньшинство действительно подчиняется доминирующей группе. Гетто представляет по крайней мере одну из исторических форм обращения с раскольническим меньшинством в пределах более широкой популяции, и в этом своем качестве оно служило инструментом контроля. В то же время гетто представляет собой и форму терпимости, посредством которой утверждается *modus vivendi* между группами, находящимися друг с другом в конфликте по фундаментальным вопросам. Некоторые из этих функций до сих пор выполняются современным гетто; в других отношениях оно полностью отличается по характеру от средневекового института. В Западной Европе и Америке, однако, оно интересно прежде всего тем, что показывает действительные процессы распределения и группирования населения в городских сообществах. Оно указывает, каким образом культурные группы дают выражение своему наследию при пересадке в чуждую им среду обитания; оно позволяет увидеть непрерывную фильтрацию, происходящую в населении, факторы, участвующие в определении местоположения каждого его сегмента, и силы, благодаря которым сообщество сохраняет свою целостность и преемственность.

* Wirth L. The ghetto // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 261–274. Статья впервые опубликована в: American j. of sociology. — Vol. 33 (July, 1927). — P. 57–71.

Наконец, оно демонстрирует незаметные способы, которыми это культурное сообщество постепенно трансформируется, пока не смешивается с окружающим сообществом, в то же время снова и снова проявляя в разных изменчивых обликах свою старую и безошибочно узнаваемую атмосферу.

Эта статья посвящена не истории гетто, а его естественной истории. Исследование гетто под этим углом зрения обещает пролить свет на множество родственных феноменов, в частности, на происхождение сегрегированных ареалов и развитие локальных сообществ вообще; ибо, хотя гетто является, строго говоря, еврейским институтом, существуют формы гетто, содержащие не только евреев. Наши города содержат Маленькие Сицилии, Маленькие Польши, Чайнатауны и Черные пояса. В каждом крупном городском сообществе есть свои Богемии и Хобогемии, трущобы и Золотые Берега, ареалы порока и Риальто. Силы, лежащие в основе образования и развития этих ареалов, очень похожи на те, которые действуют в гетто. Эти формы общинной жизни станут, вероятно, более понятными, если мы узнаем кое-что о еврейском гетто.

Истоки сосредоточения евреев в сегрегированных локальных ареалах средневековых городов вовсе не связаны с официальным эдиктом церкви или государства. Гетто не было, как иногда ошибочно считается, произвольным творением властей, призванным совладать с чуждым народом. Гетто не было продуктом чьего-либо умысла, скорее оно было невольной кристаллизацией потребностей и практик, укорененных в религиозных и светских обычаях и наследиях самих евреев. Задолго до того, как гетто сделалось принудительным, евреи в западных странах жили в обособленных частях городов по собственной воле. Евреи стекались в обособленные культурные ареалы без всякого внешнего давления и без всякого умысла. Факторы, которые вели к образованию евреями локально обособленных сообществ, следует искать в характере еврейских традиций, в привычках и обычаях, причем не только самих евреев, но и вообще средневекового горожанина. Судя по всему, пространственно обособленное и социально изолированное сообщество давало евреям наилучшую возможность следовать их религиозным предписаниям, соблюдать установленные ритуалы и диету, а также обеспечивало выполнение многочисленных функций, которые связывали индивида с семейными и общинными институтами. Несомненно, в некоторых случаях искать общества друг друга евреев заставлял страх перед остальным населением; бывало и так, что правитель, чьим покровительством они поль-

зовались, для получения от них доходов и контроля над ними находил желательным даровать им отдельный квартал. Важную роль играл, несомненно, и общий тон средне-вековой жизни, ибо для членов одной профессиональной группы было обычным делом жить в одном месте, и, следовательно, евреи, составлявшие в целом отдельный профессиональный класс и имевшие особый экономический статус, просто действовали в соответствии с общей структурой средневекового общества, в котором каждый был прикреплен к той или иной местности. Вдобавок к этому, были многочисленные узы родства и знакомства, которые создавали *esprit de corps* как значимый фактор общинной жизни. Были также общий язык, общность идей и интересов и просто та конгениальность, которая возникает даже между чужаками, которые, прибыв из одной местности, встречаются друг с другом на чужбине. Наконец, сегрегация евреев в гетто идентична во многих отношениях развитию сегрегированных ареалов вообще. Терпимое отношение, которое чужие образы жизни стремятся найти и находят в иммигрантских поселениях, латинских кварталах, районах порока и расовых колониях, — могущественный фактор фильтрации городского населения и его распределения по отдельным локальным ареалам, обитатели которых обретают свободу от враждебных нападков и поддержку группы родственных душ.

Отметим, что локальному отделению еврея от его христианских соседей соответствовала функциональная раздельность этих двух групп. Как мир за стеной гетто был внешним для жизни внутри гетто, так и личные отношения между евреями и неевреями были отношениями внешними и утилитарными. Евреи дополняли экономический комплекс средневековой европейской жизни. Они выполняли некоторое множество функций, которые не могли выполняться жителями города. Евреям было позволено заниматься торговлей и обменом — делами, которыми церковь не позволяла заниматься христианам. Кроме того, евреи были ценной налогооблагаемой собственностью и надежной доходной статьей. Евреи, со своей стороны, тоже рассматривали христианское население как средство для достижения цели, как нечто полезное. Христиане могли выполнять такие функции, как употребление в пищу филейной части говядины, и могли покупать товары, которыми евреи торговали; они могли занимать у еврея деньги и платить процент; они могли выполнять для него бесчисленное множество услуг, которые он не мог выполнить сам. В жесткой структуре средневековой жизни евреи нашли себе стратегическое место. Установка средневековой церкви связывала торговлю

и финансы с грехом. Еврей были свободны от этого табу, из-за которого профессия купца или банкира выглядела нежелательной для христианского населения. Христианских церковников не заботили «опасности еврейской души», ибо, насколько им было известно, у еврея не было души, которую нужно было спасать. Торговые связи, однако, были возможны, и не в силу их взаимовыгодности, но и благодаря тому, что они возможны, когда никакой другой формы контакта между двумя народами быть не может. Еврей, будучи чужаком и принадлежа к отдельному и обособленному классу, великолепно подходил для того, чтобы стать купцом и банкиром. Он дрейфовал в города, где торговля была возможна и прибыльна. Здесь он мог использовать все дальние контакты, которые у него складывались в ходе его скитаний. Его привязанность к широкому сообществу была непрочной, и в случае необходимости он мог мигрировать в местность, где возможностей было больше. Он не владел недвижимостью, к которой он мог бы быть привязан, и не был крепостным феодального господина. Его мобильность, в свою очередь, развивала в нем многосторонность взгляда. Он видел возможности там, где ни один коренной житель не мог их увидеть. Хотя гетто всегда было не больше чем временным перевалочным пунктом, еврей никогда не был бродягой, ибо у него были цель и предназначение, и вместе с ним в его миграциях перемещалось и его сообщество.

В то время как контакты еврея с внешним миром были категориальными и абстрактными, внутри своего сообщества он был дома. Здесь он мог сбросить с себя путы этикета и формализма. Его контакты с собратьями-евреями были наполнены теплотой, интимностью и свободой. В особенности это касалось его семейной жизни, во внутреннем круге которой он получал ту высокую оценку и то сочувственное понимание, которые более широкий мир не мог ему дать. В своем сообществе, которое базировалось на солидарности составляющих его семей, он был человеком со статусом. Всякий раз, возвращаясь из путешествия на дальние рынки или со своей ежедневной работы, он возвращался в лоно семьи, туда, где мог отдохнуть и утвердить себя как человека и как еврея. Даже находясь вдали от родных, он был в своей реальной внутренней жизни, в своих мечтах и надеждах вместе с ними. В разговорах со своими он мог пользоваться тем свойским языком, который был недоступен пониманию остального мира. Общими проблемами, многочисленными церемониями и различными чувствами он был привязан к своей маленькой группе, которая жила собственной жизнью, не обращая внимания на

мир за пределами гетто. Без поддержки собственной группы, без безопасности, которой он наслаждался во внутреннем круге друзей и земляков, жизнь для него была бы невыносимой.

Благодаря гетто постепенно сложилась та социальная дистанция, которая действительно изолировала еврея от остального населения. Эти барьеры не устраняли контакт полностью, но сводили его к тому типу связей, который был по своей природе вторичным и формальным. По мере того как эти барьеры все более застывали и жизнь еврея все больше и больше отдалялась от остального мира, солидарность его маленького сообщества укреплялась, пока оно, наконец, не оказалось жестко отрезано от более широкого внешнего мира.

Формы общинной жизни, возникшие естественно и спонтанно в попытке евреев приспособиться к своим окружениям, постепенно были формализованы в обычай и прецеденте и, наконец, кристаллизовались в правовое установление. То, к чему еврей стремились как к привилегии, вскоре стало навязываться им законом. Поскольку еврей занял более важное положение в средневековой экономике, а церковь во времена крестовых походов стала более воинственной, наступил период активной регламентации. Гетто стало принудительным. Но к этому времени институт гетто прочно укоренился в привычках и установках евреев. Историки гетто обычно склонны переоценивать ограничивающий эффект барьеров, воздвигнутых вокруг еврея, и провинциальный и застойный характер существования в гетто. Они забывают, что, несмотря ни на что, внутри гетто бурлила жизнь, причем, вероятно, более активная, чем за его пределами.

Законы, которые стали регламентировать поведение евреев и христиан, были всего лишь формальным выражением тех социальных дистанций, которые уже были впечатаны в людей. В то время как, с одной стороны, еврей все более становился членом класса — абстракции, — с другой стороны, сохранялась устойчивая тенденция реагировать на него как на человека. Гетто дало еврею самосознание. Жизнь в гетто можно было терпеть только потому, что был более широкий внешний мир, о котором многие евреи имели больше чем мимолетное впечатление. В результате они часто жили на границе двух миров. Всегда было стремление выбраться из гетто со стороны тех, кого привлекал широкий мир, раскинувшийся за его пределами, и кого стесняла казавшаяся узкой жизнь в его стенах. Иногда еврей покидал гетто и обращался в христианство; и иногда эти обращенные, сокрушенные и униженные, возвращались в гет-

то, чтобы еще раз изведать той теплой, интимной, племенной жизни, которую нельзя было найти нигде, кроме как среди своих соплеменников. В таких случаях романтическая история о странствиях ренегата кочевала по улицам гетто, и все сообщество тем самым собиралось в плотную массу, вовлеченную в торжественные церемонии, посредством которых заблудший член вновь принимался в общину.

Внутренняя солидарность сообщества гетто всегда коренилась в узах семейной жизни, и эти семьи приобретали статус внутри сообщества через свою организацию в синагоге. Сколь бы ни была область гетто ограниченной, в ней всегда были богатые возможности для проявления способности к лидерству. Сообщество гетто было до крайности специализированным и в высокой степени интегрированным. На его узких улочках типы личности и институты были, вероятно, более отчетливо очерчены, чем в более широком внешнем мире.

Типичное гетто – это плотно населенный, огороженный стеной ареал, обычно обнаруживающийся вблизи торговых артерий или неподалеку от рынка. Еще до того, как гетто стало принудительным, еврейский квартал, по-видимому, вырастал вокруг синагоги, которая была центром еврейской жизни в локальном и религиозном смысле. Общим элементом всех гетто было кладбище, за которое отвечало сообщество и к которому относились чрезвычайно сентиментально. Было несколько образовательных, рекреационных и гигиенических учреждений, таких, как школа, баня, скотобойня, пекарня и танцевальный зал. В скученной жизни в стенах гетто на усмотрение индивида почти ничего не оставлялось. Жизнь была хорошо организованной; институционализирующая роль, которую играли обычай и ритуал, по сей день объясняет высокую степень организации еврейских сообществ, часто граничащую со сверхорганизацией. Эти институты не вырастали уже готовыми. Они представляют то, чем всегда является жизнь, а именно адаптацию к физическим и социальным потребностям народа. В данном случае это в особенности касается тех институтов, которые должны были иметь дело с конфликтом и беспорядком внутри группы и давлением извне: они были характерной формой аккомодации к изоляции, которую гетто символизировало и навязывало. Это относится не только к самим институтам гетто, но и к тем функционерам и личностям, которые вокруг них группируются. Евреи, какими мы их сегодня знаем, сами являются порождением гетто.

С биологической точки зрения, гетто было настолько узкородственным, самовоспроизводящимся сообществом, что его с полным правом

можно назвать закрытым сообществом. Смешанных браков не то чтобы совсем не было; просто те, кто вступал в такие браки, были для гетто, как правило, потеряны. На евреев часто и справедливо указывали как на хрестоматийный пример великой силы религиозных и расовых предрас-судков, сегрегации и изоляции, порождающей различные физические и социальные типы. Эти типы настолько устойчивы в своих основных чер-тах, что жизнь гетто и ее следствия остаются относительно неизменны-ми, что особенно верно для Восточной Европы и Востока. Разница в об-щинной жизни в значительной степени объясняет различия между раз-ными группировками внутри еврейского населения.

Русские, польские и отчасти румынские евреи отличаются от ев-реев Западной Европы — немецких, французских, голландских и англий-ских — в нескольких фундаментальных аспектах. В течение долгого вре-мени восточные евреи были всего лишь культурно зависимым аванпос-том западного еврейства. Когда в России, Польше и Литве развилась независимая культурная жизнь, она была самодостаточной и замкнутой, отдельной от остального мира. С евреями Западной Европы обстояло иначе. Они никогда не были совершенно глухими к течениям мысли и социальным изменениям, характеризовавшим жизнь Европы после эпохи Возрождения. Если восточные евреи жили в основном в сельских сооб-ществах, в деревенском мире, то западные евреи были преимущественно городским народом, находившимся в контакте с близкими и далекими центрами торговли и финансов, а также, по крайней мере какое-то вре-мя, с пульсирующей интеллектуальной жизнью мира. Если евреи рейн-ских городов поддерживали связи с интеллектуалами и деловыми люди-ми, то их братья в России имели дело с крестьянами и неокультурным, упадочническим, феодальным дворянством. Когда западные еврейства уже были охвачены модернистскими религиозными, политическими и социальными движениями, евреи Востока все еще оставались погрязши-ми в мистицизме и средневековом ритуале. В то время как западные ев-реи шли вровень с волной прогресса, евреи Востока продолжали разде-лять отсталость и изоляцию гойского мира сельчан и крестьян. Хотя до середины прошлого века евреи Востока никогда не были так ограничены в физических передвижениях, как жившие в гетто западные евреи, пер-вые жили в меньшем мире — мире, характеризовавшемся строгостью и неподвижностью, — и когда они скапливались в городах, образуя преоб-ладающее большинство населения, они просто превращали эти города в большие деревни, имевшие мало общего с городскими центрами Запада.

Многие черты локальной жизни в современном еврейском сообществе несут на себе отпечаток поочередных волн иммиграции сначала с Запада, а затем с Востока.

К середине прошлого века в большинстве стран мира официальные правовые акты, делавшие гетто юридически законным местом проживания евреев, были отменены. Довольно странно, но еще 100 лет назад многие евреи выступали против отмены правового гетто, ибо предпочувствовали, что снос стен гетто будет означать уничтожение обособленной общинной жизни, которую формальные правила гетто всего лишь символизировали. Тем, кто видел в новой свободе закат еврейской религии и окончательное прекращение еврейской жизни в отдельных сообществах, остались в утешение две вещи: (1) формальное равенство, декретированное законом, не принесло еврею немедленного принятия и параллельного социального статуса среди сограждан; и (2) хотя западное еврейство, по всей видимости, разрушалось, оставалось еще примерно 6 млн. евреев по ту сторону Вислы, которые цепко держались за старые узы, сформированные исключением и угнетением. Однако с тех пор революционизировалась даже Россия, и так называемый «последний бастион» иудаизма оказался под угрозой исчезновения.

Гетто возникло до того, как формальные установления загнали евреев в сегрегированные ареалы, и упорно сохраняется после отмены этих установлений. Исраэль Цангвилл говорит: «Люди, которые на протяжении пары столетий жили в гетто, не могут выйти за его пределы просто потому, что сломаны ворота, как не способны стереть клеймо со своих душ, просто сняв с одежды желтые опознавательные знаки. Изоляция от внешнего мира, видимо, так и останется законом их бытия»¹. Официальное упразднение гетто и предоставление гражданства сделали для евреев примерно то же, что сделал манифест об освобождении рабов для негров. Как рабство было не просто правовым отношением, так и гетто было не просто статутом. Оно превратилось в институт. Хотя физические стены гетто разрушены, невидимая стена изоляции все еще сохраняет дистанцию между евреем и его соседями.

Даже в небольших городах, где живет горстка евреев, мы найдем во всех районах мира некоторое более или менее четко организованное сообщество. Экологические факторы его развития в сущности те же самые, что и в случае средневекового гетто. Кроме преемственности внут-

¹ Zangwill I. Children of the ghetto. — N.Y.: Macmillan, 1922. — P. 6.

ренных традиций и внешних предрассудков есть еще ряд элементов, объясняющих живучесть современного гетто, особенно в американских городах. Один из них — колонизационное движение среди евреев, вследствие которого сообщества Старого Света иногда переносятся в нетронутом виде в Новый Свет. Но даже когда никаких организованных усилий не предпринимается, примечательно, насколько сильно еврейское сообщество склонно воспроизводить свои старые среды.

«Существование современного гетто во многом обусловлено предписаниями и практиками ортодоксального иудаизма, потребностью жить там, где поблизости есть синагога, школа, ритуальная баня, кошерные мясная и молочная лавки. Но даже для тех, кто равнодушен к религиозным обрядам и ритуальным практикам, проживание в гетто оказывается необходимым в силу социальных и экономических обстоятельств. Незнание языка новой страны, принятых в ней условий труда и ее общих привычек и способов мышления, а также естественная робость человека, бежавшего из страны, где его притесняли, заставляют еврея-иммигранта селиться в колонии своих единоверцев. Среди них он в полной мере чувствует себя как дома, сравнительно легко находит работу, а если найти ее быстро не удается, получает из десятка рук временную безвозмездную помощь»¹.

В странах, где контакт между евреем и не-евреем продолжался уже на протяжении нескольких поколений и где не было нового притока иммигрантов из других стран, в которых евреи сохраняли свой старый статус, гетто в значительной степени дезинтегрировалось. В этих условиях обычно исчезает не только гетто, но вместе с ним и сама раса. Контакт с миром через образование, коммерцию и искусства обычно приводит к замене культурных ценностей гетто культурными ценностями широкого мира. Более того, этот контакт нередко приводит к смешанным бракам, которые чаще всего встречаются в тех местах, где общение между евреем и гоим наименее ограничено. Можно с уверенностью сказать, что нынешние 15 с половиной миллионов евреев, живущих в мире, составляют лишь малую часть живых потомков тех евреев, которые в начале христианской эры впервые поселились в Западном мире. Они — всего лишь остаток гораздо более широкой группы, чья еврейская идентичность была утеряна в общем потоке населения. То, что происходило с евреями, в сущности, происходило в последнее время со всеми меньшин-

¹ Cohen I. Jewish life in modern times. — L.: Methuen & Co., 1914. — P. 37–38.

ствами. По мере того как рушились барьеры изоляции, общение и межродовое скрещивание уменьшали размер группы и сглаживали разницу между ней и ее средой.

О еврейском сообществе можно сказать, что с устранением препятствий для сношений с внешним миром оно продолжает в некоторых отношениях существовать, но при этом все больше превращается в неясное (*non-descript*) сообщество. Однако там, где распадающееся сообщество пополнял постоянный приток новых иммигрантов, как это было с крупнейшими городами Западной Европы и особенно США, гетто выросло и воспроизводило себя со всей своей характерной локальной окраской. Чикагское гетто — как раз такое сообщество.

Западные гетто отличаются от восточноевропейских и восточных тем, что содержат в себе по крайней мере две секции — местную и иностранную. Местная секция живет в той или иной концентрации в пределах удобного расстояния до общинных институтов. С ростом материального благосостояния она обычно перебирается в лучший район, где создается новый еврейский ареал, уже меньше отличающийся во внешних проявлениях от своего окружения. Иностранная секция, в свою очередь, живет в состоянии плотной концентрации. Нищета заставляет этих людей селиться в бедном квартале города, где они воспроизводят, насколько позволяет новая среда, те социальные условия, в которых они были рождены и воспитаны. На Востоке гетто может быть символом политического рабства; но на Западе единственное рабство, которое оно символизирует, — это рабство, создаваемое экономическим статусом, чувством и традицией¹.

Если вам захочется узнать, какого рода евреем является некий человек, спросите его, где он живет; ибо ни один фактор не говорит о характере еврея так много, как ареал, в котором он проживает. Это показатель не только его экономического статуса, рода занятий и религии, но и его политики, взгляда на жизнь и той стадии, которой он достиг в процессе ассимиляции.

К западу от реки Чикаго, в тени центрального делового района, лежит плотно населенный прямоугольник скученных жилых домов, представляющий большую часть иммигрантских колоний Чикаго, и среди них гетто. Он содержит самый разнообразный ассортимент людей, какой только можно найти в схожих ареалах мира. Этот ареал стал из-

¹ Ibid. — P. 37.

любленным местом практически для всех иммигрантских групп, прибывающих в Чикаго. Заселение этого ареала евреями, по всей видимости, лишь преходящая фаза в длительном процессе сукцессии, в котором одна популяционная группа вытесняется другой. Есть в этом процессе, между тем, и безошибочно угадываемая закономерность. В ходе роста города и вторжения в трущобы новых иммигрантских групп образовалось постоянство ассоциации между евреями и другими этническими группами. Каждая расовая и культурная группа тяготеет к поселению в той части города, которая, с точки зрения платы за жилье, жизненных стандартов, доступности и терпимости, максимально облегчает ей воссоздание старосветской жизни. В ходе вторжения этих волн иммигрантов гетто меньше чем за поколение превратилось из окраин чрезмерно разросшейся деревни в трущобу большого города. Евреи поочередно вытеснили немцев, ирландцев и богемцев, а затем сами были вытеснены поляками и литовцами, итальянцами, греками, турками и, наконец, неграми. Поляки и евреи питают друг к другу глубочайшую неприязнь, но могут вполне успешно друг с другом торговать. Они перенесли аккомодацию друг к другу из Старого Света в Новый. Позднейшее вторжение негров в гетто представляет больше чем проходной интерес. Как и иммигрант, негр в городе сегрегируется и попадает в расовую колонию; экономические факторы, расовые предрассудки и культурные различия, комбинируясь друг с другом, обособляют его. Негры дрейфовали в заброшенные сектора гетто по тем же причинам, по которым туда стекались евреи и итальянцы. В отличие от белых землевладельцев и бывших здешних жителей, а также жителей других частей города, евреи не оказывали вторжению негров сколько-нибудь ощутимого сопротивления. Негры платят хорошую ренту и с готовностью тратят свои деньги. Многие из иммигрантов в гетто так до сих пор и не открыли для себя расовый водораздел.

Изменение и обветшание гетто происходят с такой скоростью, что облик ареала меняется день ото дня. Ветхие строения, еще десятилетие назад бывшие лютеранскими и католическими церквями, стали с тех пор синагогами, а теперь превращаются в африканские методистские епископальные церкви. Под верхним слоем краски, покрывающим вывески на фасаде негритянской миссии, все еще проступают надписи «Кошерная мясная лавка» и «Немецкая аптека».

В соответствии с древним паттерном, самой колоритной и оживленной частью гетто является уличный рынок, больше напоминающий средневековую ярмарку, чем торговый район современного города. Од-

нако этот институт, как и вся остальная культура гетто, быстро приходит в упадок. Жизнь иммигрантов в гетто настолько замкнута, а они настолько целиком в нее втянуты, что его существование ими не осознается. Именно дети иммигрантов открывают гетто и... бегут из него. То, что несколько лет назад было устойчивым, но медленным движением вовне, превратилось теперь в настоящее паническое бегство; ибо, при всей пестроте жизни гетто и колоритности его атмосферы, это все-таки маленький мир. В нем кипит провинциальная и сектантская жизнь. Здешние успехи измеряются малыми мерками, самовыражению здесь тесно.

Только покинув гетто, иммигрант в полной мере сознает себя и свой статус. Его охватывает чувство личной свободы и экспансии, когда он находит себе жилье в более современном и менее еврейском ареале второго поселения. Когда 20 лет назад первые еврейские беглецы из гетто вторглись в Лондейл — ареал, расположенный двумя милями западнее и представляющий в Чикаго ареал второго поселения, — они вошли в столкновение с ирландцами и немцами, которые превратили недавние пустоши в нечто вроде парка. Евреям понадобилось около десяти лет, чтобы превратить его в плотно населенный ареал многоквартирных домов. Поначалу они не могли арендовать жилье. Опыт проживания в гетто, из которого были вытеснены ирландцы и немцы, давал им видение того, какими их дома должны быть. Однако на этот раз евреи могли себе позволить купить жилье, и они скупали его целыми блоками. К 1910 г. Лондейл стал вторым гетто. Его синагоги были чуть более современными, чем синагоги на Максвелл-стрит, бороды лондейлских евреев — чуть аккуратнее, а пальто — чуть короче, чем в первоначальном гетто; тем не менее Лондейл стал еврейским. Те жители гетто, которые остались позади, насмешливо называли Лондейл «Дойчландом», а его обитателей — «дойчуками», поскольку те в своем поведении подражали немцам.

Но лондейлские евреи не нашли ни покоя, ни удовлетворения. Их бывшие соседи, движимые теми же мотивами — бежать от своих соплеменников и быть менее евреями, — придали Лондейлу новый облик, ошибочно еврейский, хотя уже и не такой подлинный, как облик самого гетто.

Пытаясь убежать из гетто, частично ассимилированные евреи вдруг обнаруживают, что гетто последовало за ними, и начинается новый исход. Планы тех, кто бежал из гетто, рассчитывая приобрести статус людей — статус успешных бизнесменов или профессионалов, а не евреев, — расстраиваются аналогичными планами других. Так же обстоит дело и

с третьим поселением в фешенебельных отелях и пригородах. По мере того как ареал становится преимущественно еврейским, нееврейские поселенцы покидают его, и евреи начинают всё заново. Едва еврей улавливает проблеск более свободного мира, вырисовывающегося за пределами гетто, как присутствие других евреев, более евреев, чем он, начинает его раздражать; им овладевают скука и отвращение, и он возобновляет свое бегство.

В этом процессе он изменяет свой характер и свои институты. Но что скрепляло сообщество вопреки всем дезинтегрирующим силам, действовавшим изнутри и извне, так это не столько пополнение гетто новыми иммигрантами — ибо этот фактор идет на убыль, — сколько возвращение в гетто тех, кто бежал из него, но был обескуражен и разочарован результатами своего бегства. Найдя внешний мир холодным и не отзывчивым к их притязаниям, они возвращаются в теплоту и интимность гетто. Наконец, еврейское сообщество сохранялось в неприкосновенности благодаря тому факту, что внешний мир трактовал его как единое целое. Проблема еврея, если она и есть, состоит в том, что гетто упорно сохраняется вопреки попыткам многих из него убежать. Пока ядро остается, оно служит символом общинной жизни, к которой даже те, кто отделились от него в пространстве и симпатиях, принадлежат и посредством которой они обретают идентификацию.

Еврей как индивиды не всегда обнаруживают, что путь к ассимиляции заблокирован. Они наживают не только врагов, но и друзей. Контакты между культурными и расовыми группами неизбежно производят как напряженность, так и гармонию; и нельзя ни воспрепятствовать первой, ни продвинуть вторую какими-либо панацеями, готовыми программами и административными мерами. Взаимодействие — это жизнь, а жизнь — это рост, который противится всяким попыткам его контролировать и направлять, какими бы рациональными они ни были, если они не учитывают этот динамический процесс. В борьбе за статус формируется личность. Еврей, как и любой человек, обязан своим уникальным характером этой борьбе; этот характер будет меняться и, возможно, исчезнет с изменением и убыванием этой борьбы.

Еврейское сообщество, из каких бы гетерогенных культурных элементов оно ни состояло и сколь бы ни были они разбросаны по обособленным ареалам наших городов, в силу своей способности действовать корпоративно является сообществом. Это культурное сообщество, и оно дает наибольшее приближение к общинной жизни, которое спосо-

бен дать современный город. Гетто, будь то китайское, негритянское, сицилийское или еврейское, может быть полностью понято лишь при условии, что мы будем рассматривать его не только как экологический, но и как социально-психологический феномен. Ибо оно не только физический факт, но и состояние духа.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ

Представление о том, что идеологии играют важную роль в нынешней социальной жизни, похоже, глубоко проникло в сферу популярного дискурса. Сегодня даже газеты походя говорят об «идеологиях», когда желают указать на комплекс идей, корпус доктрин, программы движений, платформы партий – фактически на любое кредо или теорию, которые принимают интеллектуальную и рационализированную форму. Было бы трудно представить хотя бы одну социальную проблему, анализ и предлагаемое решение которой не принимали бы в расчет идеологические факторы. Они составляют неуловимую, но важную часть нашего нынешнего социального ландшафта. Они служат ориентирами, помогающими нам прокладывать путь в социальном мире, который иначе был бы хаотичным; они дают нам руководство в определении и оценке ситуаций. Идеологии позволяют нам идентифицироваться с социальными движениями и группами, предлагающими такие интерпретации и решения проблем, которые каждый индивид редко мог бы выдвинуть самостоятельно. Они помогают нам уменьшить избыточную индивидуацию и безразличие в отношении социальных проблем, снабжая нас целями, вокруг которых могли бы интегрироваться более или менее отчетливо выраженные группы.

* Wirth L. Ideological aspects of social disorganization // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. – Chicago: University of Chicago Press, 1956. – P. 192–205. Впервые статья была опубликована в: American sociological review. – Vol. 5 (August, 1940). – P. 472–482.

Хотя они помогают нам обрести ориентиры и сохранить способность к коллективному действию, необходимо признать, что наши растерянность и нерешительность отчасти обусловлены многообразием идеологий, воздействию которых мы подвергаемся, и смешением противоборствующих идеологических элементов, которые претендуют на внимание и лояльность членов общества. Дополнительную путаницу вносит тот факт, что убеждения и кредо, которым люди на словах присягают, не всегда соответствуют принципам, находящим выражение в их действительном поведении (если таковые, конечно, имеются). Следовательно, в мире действия, так же как и в социальной науке, идеологии часто фигурируют как *всего лишь* идеологии, как если бы они были нерелевантными эпифеноменами, которые не имеют субстанциальных корней в реальностях существования и никак с ними не связаны. Задачей этой статьи является развитие того положения, что наши нынешние социальные проблемы нельзя адекватно решить, а ситуации, к которым они относятся, — понять, пока не будет принята во внимание роль идеологических приверженностей.

Распространено мнение, что проблемы неприспособленности людей друг к другу и к миру, в котором они живут, вытекают из природы человека или из естественного порядка вещей. Несмотря на работу целого ряда социальных ученых, указавших на то, что ситуации, которые мы называем социальными проблемами, проблематичны лишь потому, что представляют собой отклонения от социально принятых норм и ожиданий, многое говорит о том, что даже некоторые нынешние социологи продолжают работать с социальными проблемами так, словно те не включают в себе никаких оценочных элементов.

ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ

Обозначение общества как «дезорганизованного» предполагает какие-то критерии дезорганизации и, наоборот, какие-то признаки, по которым общество может быть опознано как организованное. Не бывает общества без этоса, т.е. без разделяемых его членами ценностей, целей, предпочтений и обоснованного ожидания (anticipation) ими того, что все другие будут признавать эти правила общества и будут им подчиняться. Понятие социальной дезорганизации имеет, таким образом, нормативный базис. Проницательный наблюдатель Де Токвиль столетие тому

назад писал: «Общество может существовать только тогда, когда большое число людей смотрят на многие вещи с одной и той же точки зрения, когда они придерживаются одних и тех же мнений по многим вопросам и когда одни и те же события внушают их умам одни и те же мысли и впечатления»¹. Та или иная версия этой темы была существенной частью любого приемлемого определения общества задолго до того, как Токвиль ее сформулировал, и после него². Если общество есть комплекс общих пониманий, или система взаимно признанных притязаний и ожиданий, выраженных в действии, из этого следует, что человеческая агрегация не может рассматриваться как общество до тех пор, пока не приобретет эту способность к коллективному действию, пусть даже она и проявляет при этом высокую степень симбиотической, или функциональной, взаимозависимости между индивидами, которые ее образуют. Такой агрегат может конституировать сообщество, но не быть при этом обществом. Отсюда далее следует, что степень, в которой члены общества утрачивают свои общие понимания, т.е. степень, в которой подрывается консенсус, есть мера состояния дезорганизации этого общества. Степень, в которой существует согласие по поводу ценностей и норм общества, выраженное в его эксплицитных правилах и в тех предпочтениях, которые его члены проявляют в отношении этих правил, дает нам критерии для определения того, насколько общество можно называть дезорганизованным.

Однако не все отклонения от норм следует рассматривать как *prima facie* свидетельство социальной дезорганизации. Широкий диапазон индивидуальной дифференциации и отклонения от норм возможен в обществе, весьма далеком от состояния социальной дезорганизации. Не всякое поведение, которое мы называем преступлением, следует толковать как социальную дезорганизацию, так же как и частоту разводов не следует наивно принимать за меру семейной дезорганизации³.

¹ Tocqueville A. de. *Democracy in America* / Tr. Henry Reeve. — N.Y.: The Colonial Press, 1899. — Vol. I. — P. 398. (Рус. перевод: Токвиль А. де. *Демократия в Америке*. — М.: Проросс, 1992.)

² Thomas W. I., Znaniecki F. *The Polish peasant in Europe and America*. — N.Y.: Knopf, 1927. — Vol. I. — P. 32–33; Vol. II. — P. 1128–1129.

³ «Иными словами, социальная организация не совпадает по объему с индивидуальной моралью, и точно так же социальная дезорганизация не соответствует индивидуальной деморализации». *Ibid.* P. 1129. Возможны такие случаи поведения, которые включают в себе отклонение от норм общества, но не включают в себе сколько-нибудь заметного неверия в действенность нарушенных норм. Как пишет Уильям Хили: «Мы постоянно

ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ

Основной тип социальной дезорганизации характеризуется конфликтами между нормами. Такие конфликты редко происходят в стабильных, компактных и гомогенных обществах, на что указывает обильная литература о примитивных и сельских обществах¹; но в обществах, оказавшихся в состоянии быстрого или внезапного изменения вследствие миграции, изменения в технологии или базисе жизнеобеспечения, вхождения в контакт с чужими группами или вовлечения в орбиту влияния современной цивилизации, могут появиться широкие трещины между старыми и новыми, исконными и импортированными, традиционными и целенаправленно насаждаемыми системами ценностей и кодексами поведения. Колонизация, завоевание, иммиграция, вторжение промышленности и влияние всего того содержания, которое современные средства массовой коммуникации разносят по всем уголкам земного шара, могут проламывать бреши в системах ценностей ранее интегрированного общества. В таких случаях дезорганизация может быть продуктом напряжений, возникающих из попытки соответствовать взаимно противоречащим друг другу нормам, которые сосуществуют в рамках единой системы и требуют несовместимых реакций на данную ситуацию. В любом текущем социальном порядке мы должны распознавать действие того, что Самнер называл «напряжением улучшения и согласованности». Требования разрешения конфликтов могут быть более частыми и настойчивыми в обществе, на ценностную систему и институциональный каркас которого воздействуют напряжения, источником которых служат изменения, вызванные внутренними тенденциями или контактами с чужими культурами.

Между тем дезорганизация может быть и результатом сосуществования в обществе двух или более независимых систем норм, каждая из которых требует преданности от некоторого сегмента общества, в иных

обнаруживаем, что делинквент вполне способен выразить свое осознанное убеждение в том, что делинквентность представляет собой дурное поведение, однако его мнению касательно ее предосудительности явно недостает силы, чтобы служить средством ее предупреждения». Healy W., Bronner A.F. *New light on delinquency and its treatment.* — New Haven: Yale University Press, 1936. — P. 11.

¹ См., например: Sellin T. *Culture conflict and crime / Social Science Research Council Bull.* — No. 41 [1938]. — P. 58 ff.

отношениях связанного с остальными сегментами взаимозависимостью. Если в таких случаях мы говорим о социальной дезорганизации, мы должны ясно понимать, что это положение не обязательно является следствием внезапного внедрения в общество новых норм, но скорее есть продукт образа жизни, не позволяющего развиваться всеобщему консенсусу или единому набору норм.

Далее нужно отметить, что экологическая взаимозависимость не рождает консенсус автоматически. Мы, в особенности в наших современных крупных городах, где первично-групповые связи минимальны, а вторично-групповые сегментарны и обычно аморальны, склонны трактовать скопления людей, всего лишь пространственно близких и функционально взаимозависимых, так, словно они являются истинными обществами. В таких условиях то, что мы склонны называть социальной дезорганизацией, скорее представляет собой ситуацию, в которой организация, в смысле общего набора норм, так и не смогла до сих пор развиваться в сколько-нибудь ощутимой степени. В этом случае общество скорее неорганизованное, чем дезорганизованное.

Впечатление отсутствия общей системы ценностей, которое возникает при взгляде на городское сообщество в целом, можно интерпретировать как относительное состояние дезорганизации, только когда мы противопоставляем город более или менее интегрированным сообществам, из которых он обычно рекрутирует своих обитателей, и относительно организованному характеру социальной жизни, который складывается в меньших по размеру сегментах самого городского сообщества. Взаимопроникновение различных этнических и культурных групп в городском мире привело к необычайному умножению ценностных систем, каждая из которых обязательна только для какого-то сегмента населения и для индивидов в особых сегментах их жизненного круга. Простое умножение норм вкупе с тенденцией сегментации жизни повышает шансы того, что нормы, оказывающие на индивидов обязывающее воздействие, будут порождать конфликты и напряжения.

Дезорганизация может проистекать не только из явного конфликта между этими системами норм и сегментарной природы этих норм, но также из двусмысленностей их определения, которые возрастают тем больше, чем более широки и гетерогенны агрегаты людей, от которых ожидается приверженность целям и стандартам одного и того же общества. Как верно указывает Селлин, «все культурные конфликты — это конфликты *смыслов*: социальных ценностей, интересов, норм. Между

материальными объектами культуры не может быть никаких столкновений»¹. Следовательно, источник значительной части нашей социальной дезорганизации следует искать в расхождении и неопределенности смыслов.

ИДЕОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

С незапамятных времен одна из центральных проблем общества состояла в том, как достичь консенсуса. В относительно простых и статичных обществах эта проблема не стоит всерьез, поскольку консенсус держится на традиции и авторитете и поддерживается сакральными санкциями, а если нужно, и силой, легитимность которой не ставится под вопрос. В обществах, где такие обычаи еще не появились, где деятельности имеют настолько разветвленный характер и вовлекают в себя такие узкие сегменты индивидуальной карьеры, что обычные общеобязательные правила не имеют возможности развиться, или где такие правила находятся в процессе разложения, приходится прибегать к иным, менее спонтанным мерам. Классическим примером служат законы и предписания, но мы не знаем ни одного общества, в котором законы с сопровождающими их наказательными санкциями обеспечивали бы такой совершенный консенсус, какого могут достигать народные общества с помощью обычая и общей формы жизни. Вдобавок к законам и обычаям, мы имеем совокупность конвенций, или правил игры. Хотя ими могут иногда пренебрегать, обычно их все же уважают, даже если их нарушение не влечет серьезных санкций. Однако по мере того как общества утрачивают свой родственный базис, мы все больше полагаемся на более формальные и рациональные основания в достижении единства, которое прежде надежно и самопроизвольно проистекало из менее осознанных средств. Типичными применяемыми средствами становятся формальное образование и пропаганда.

По мере того как подрывается вера в незыблемую правильность наших норм, на помощь поставленным под угрозу институтам и ценностям приходят поддерживающие их идеологии. Идеологии освящают действия и институты, на которые не распространяются обычные нормы, и выступают, условно говоря, суррогатами обычая и традиции. Между

¹ Ibid. – P. 58.

тем идеологии, которые мы развиваем, не накладываются на наши практики и институты как попало. Приведем слова проф. Парка:

«Как говорит Самнер, в каждом институте неявно присутствуют свое понятие и своя философия. Когда люди, действуя сообща, пытаются придерживаться согласованного курса действия в изменяющемся мире, это понятие проявляется, и философия, которая была неявной, становится явной. Она может принять форму рационализации или обоснования существования института — того, что можно назвать *apologia pro vita sua* данного института. Хотя идея и философия могут неявно присутствовать в практиках каждого института, только в изменяющемся обществе, где появляется необходимость защищать или переопределять его функции, эта философия имеет шанс получить формальную и догматическую формулировку; но даже тогда совокупность чувств и идей, поддерживающих эти принципы, может, подобно айсбергу, оставаться более или менее полностью погруженной в “коллективное бессознательное”, что бы оно собой ни представляло. Более того, лишь в политическом обществе, где существует публика, делающая возможной дискуссию, а не в обществе, организованном на базе семьи и авторитета, рациональные принципы стремятся вытеснить традицию и обычай в качестве основы организации и контроля. Вдобавок к тому, ни в своем поведении, ни в своем мышлении человечество никогда не было столь совершенно рациональным, как некогда предполагалось. Как замечает Самнер, “собственность, брак и религия до сих пор почти всецело укоренены в нравах”. Вместе с тем политическому обществу по природе присуще, что каждый класс, каста, институт или иная функциональная единица должны иметь свою догму и свою индивидуальную жизненную программу. О семейном обществе, пожалуй, можно сказать, что там догма и идеология существуют потенциально и в зародыше. Вероятность того, что они будут формально установлены как правило или принцип действия, невелика»¹.

В то время как юрист и теолог, поскольку идеологии их главный товар, обращались с ними как с прочими реальностями, некоторые социологи были склонны считать их нерелевантными или имеющими лишь второстепенную значимость. Они отбрасывали их как рационализации доводов и искали вместо этого «реальные» мотивы действия, которые, как предполагалось, скрывались за заявляемыми мотивами, или предло-

¹ Park R. E. Symbiosis and socialization: A frame of reference for the study of society // American j. of sociology. — Vol. 45 (July, 1939). — P. 8–9.

гами. В результате они, пожалуй, так и не увидели, что иногда идеологии могут действительно правильно устанавливать основные определяющие факторы поведения или, по крайней мере, что через рационализации можно вскрыть его причины. Эту идею емко выразил Кант: «Не следует верить всему, что говорят люди, но не следует и считать, что они говорят это без оснований».

Анализ идеологий рассматриваемого общества помогает нам не только обнаружить конфликт норм, но и, наоборот, найти факторы, вносящие вклад в социальную солидарность группы. Вера в непоколебимую действенность норм, согласно классификации Макса Вебера, может держаться на харизматическом, традиционном или рациональном основании¹. Подрыв этих оснований наших представлений должен, предположительно, вести к дезорганизации. Еще одно основание социальной солидарности, к которому все больше прибегают в целях стимулирования конформности вторичные общества, — страх перед санкциями, который в чрезвычайно сложном секулярном обществе все более теряет свою эффективность. Можно назвать и третий источник конформности нормам. Это практическая целесообразность, т.е. склонность каждого индивида действовать в соответствии с тем, что он считает собственным интересом. Такая процедура характерна для индивидуалистических, состязательных обществ. Даже чистой воды авантюризм обычно превращается в принцип действия. Мы настолько привыкли к принятию рациональности как нормы поведения, что, желая, чтобы приняли нашу программу, чувствуем давление, заставляющее нас убеждать других, что мы действуем рационально, и подкреплять наше действие ссылкой на принцип. Один исследователь нынешних политических идеологий пишет об этом так:

«Мы живем в эпоху сознающих себя сообществ. Даже грубейший из режимов нынешней Европы, который, как считается, меньше всего обязан систематически продуманной доктрине, — фашистский режим в Италии, — похоже, достаточно ценит лицемерие, чтобы присоединиться к другим в притязании на собственную доктрину. Авантюризм был выхолощен превращением в принцип; мы утратили не только прямоту Макиавелли, но даже и прямоту *Anti Machiavel*. Не следует безоговорочно сожалеть об этой потере. По крайней мере, это свидетельство того, что никто теперь не ждет, что его будут слушать, если он не проявит хотя бы ка-

¹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. — 2d ed. — Tübingen, 1925.

кой-то озабоченности тем, чтобы действовать на основе принципа, и если он не готов объяснить свое поведение как-то иначе, нежели в терминах простой личной склонности»¹.

ИДЕОЛОГИИ И КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Самое важное, что нужно знать об обществе, будь то семья, город, нация, класс, церковь или политическая партия, — это что оно принимает как само собой разумеющееся и какие ценности считает священными и незыблемыми. В той мере, в какой эти ценности рассматриваются как высшие императивы, они не обсуждаются и не подлежат обсуждению. Зачастую они даже эксплицитно не устанавливаются. Вы редко будете находить их однозначные формулировки в конституциях, партийных платформах и теологических кредо. Они проявляются скорее в коллективном действии, чем в вербальных высказываниях. Их следует выводить из того, что люди делают. Они часто кристаллизуются в символах, лозунгах и стереотипах и скрываются за ними. Если взглянуть на эти символы, лозунги и стереотипы в свете конкретного поведения, то они могут помочь нам в удостоверении мотивов, стимулирующих человеческое действие, и ценностей, конституирующих цели такого действия. Реальные факты, к которым смутно и неявно отсылают эти символы и вербальные высказывания, и нормы, которые ими предполагаются, часто гораздо менее ясно очерчены и хуже поддаются классификации, чем можно было бы думать исходя из самих лозунгов и кредо. Совместимы ли христианство и капитализм, или они друг друга исключают? Находятся ли во взаимном противоречии социализм и эгалитаризм? Поборники свободы и социальной защищенности, которые могут наивно полагать, что их программы гармонируют друг с другом, при проведении этих своих программ в жизнь обнаруживают, что они почти наверняка оказываются друг с другом в состоянии войны. То же самое происходит с теми, которые в одно и то же время объявляют себя поборниками прогресса и порядка. Мы нуждаемся и в том, и в другом, но если мы пытаемся чего-то из этого достичь, то разве при этом мы не теряем в какой-то мере другое? Не является ли нацизм, вскормленный врагами социализма, таким же великим врагом капитализма, как и коммунизм? Остатки либераль-

¹ Oakshott M. The social and political doctrines of contemporary Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1939. — P. XI.

ного капитализма в сегодняшней Германии, по мнению экспертов, не превышают того, что осталось от него в Советском Союзе.

Прежде чем мы сможем выявить, почему и какими способами индивиды отклоняются от норм, большинство которых принимается как нечто само собой разумеющееся теми, кто их соблюдает, мы должны выяснить, соблюдение каких норм от людей ожидается и каким общим смыслом они обладают для разных участников и зрителей в рассматриваемом обществе или социальном мире. При беглом взгляде обнаруживается, что такой консенсус, какой существует в современном западном обществе, когда оно не находится в состоянии войны, чрезвычайно ограничен, в том смысле, что люди, участвующие в консенсусе, составляют лишь малую часть всего общества. Более того, в силу добровольной селекции, распределяющей членов групп интересов в нашем обществе по более или менее гомогенным единицам, таким, как политические и религиозные секты, вероятность внутригруппового консенсуса в малых интимных агрегатах значительно выше, чем вероятность включительного межгруппового консенсуса в более широком обществе. Аналогичным образом мы можем иметь частичный консенсус без целостного, интегрального консенсуса, в том смысле, что можем понять друг друга в рамках ограниченного набора тем, но не по всем ключевым вопросам, в связи с которыми от нас ожидается сотрудничество¹. Нынешнее состояние рабочего движения в Соединенных Штатах дает пример недостатка организованности, если не дезорганизации, который вытекает из неспособности развить такой тотальный, или интегральный консенсус; ибо в то время как КПП и АФТ вполне могут быть согласны друг с другом относительно необходимости эффективной организации рабочих для ведения коллективного торга, разные и общие интересы цеховых профсоюзов, представляющих квалифицированных рабочих, и промышленных профсоюзов, представляющих рабочих в сфере массового производства, не нашли выражения в соответствующих идеологиях, или ясно сформулированных программах. Точно так же отсутствие программы, которая примирила бы ближайшие цели с долгосрочными, долгое время было источником неэффективности социалистического движения.

¹ Разумеется, понятно, что должен быть всеобъемлющий частичный консенсус в смысле универсального согласия в обществе по ограниченному кругу вопросов. Это ключевая посылка либерализма.

Помимо отсутствия интегрированной идеологии, отражающей консенсус группы по поводу тех ценностей, по поводу которых мог бы быть консенсус и по поводу которых должен быть консенсус, чтобы группа могла эффективно действовать как единое целое, мы должны рассмотреть также типы ситуаций, в которых группам с выраженной степенью функциональной взаимозависимости не удастся развить адекватную идеологию, поскольку они в некоторых аспектах находятся друг с другом в конфликте. Так, в рабочем движении группам часто не удавалось достичь эффективного единства в силу того, что их раскалывали и настраивали друг против друга расовые или религиозные идеологии, хотя их экономические и политические интересы и идеологии в значительной степени совпадали. Деморализация немецкого рабочего движения накануне прихода к власти Гитлера и вредное влияние, оказанное на солидарность рабочих в США предрассудком, не допускавшим принятия в профсоюзы негритянских рабочих, служат подходящими примерами.

Поскольку консенсус – это условие и результат участия людей в общей жизни, границы консенсуса помечаются сферой эффективной коммуникации. Консенсус может распасться вследствие сведения к минимуму коммуникации между индивидами и группами, от которых ожидается коллективное действие. Джон Дьюи отмечал: «Все, что препятствует свободе и полноте коммуникации, воздвигает барьеры, разделяющие людей на круги и клики, антагонистические секты и фракции, и подрывает демократический образ жизни»¹.

Есть много типичных случаев, в которых мы находим, что консенсус существует лишь на словах; он не проявляет себя в согласованном действии. В таких случаях мы имеем дело с тем, что можно было бы назвать медвежьей услугой преобладающим идеологиям. Человек, который бы буквально следовал идеологии христианской религии, выдвинутой в любой из ее деноминационных версий, почти наверняка в течение ближайших 24 часов оказался бы в конфликте со своими братьями-христианами, которые исповедуют вроде бы те же самые доктрины и принципы, но интерпретируют их менее буквально. Чем более денотативным и точным становится определение наших ценностей, тем выше вероятность того, что меньше индивидов будет их разделять. Единый фронт явно должен использовать идеологию, которая будет апеллиро-

¹ John Dewey and the promise of America / Proceedings of the 1939 National John Dewey Conference of the Progressive Education Association. – N.Y., 1939. – P. 15.

вать не только к рабочим классам, но также к средним классам и профессиональным группам. Чем больше он это делает, тем меньше он будет отличим от других групп на политической арене, с которыми он находится в состоянии войны. Его лозунги призваны привлечь максимально большее число сторонников, а потому он не может рассчитывать на полную и безоговорочную лояльность любой из групп, которые лишь временно умерили свою сектантскую позицию ради союза. Тот факт, что наши идеологии широко распространяются пропагандой, которая поддерживается заинтересованными группами, заставляет нас относиться к ним с менее наивным пылом, чем к нашим древним верованиям, чье происхождение приписывается откровению пророка или скрывается вневременной традицией.

Прежде чем рассмотреть степень, в которой множественность идеологий может восприниматься как симптом надвигающейся или действительной дезорганизации этоса общества и конкретных его институтов, вокруг которых они выстраиваются, полезно рассмотреть их нормальные функции. Идеологии развиваются в ходе обычной групповой жизни, когда становится необходимо эксплицировать предпосылки, ценности и цели коллектива и дать социальным движениям, возникающим в обществе, совокупность доктрин, представлений и мифов. Как говорит Парк:

«...идеология общества или социальной группы является, наряду с их обычаями и обычкновениями, неотъемлемой частью их социальной структуры... Идеология касты, класса или социальной группы, по всей видимости, выполняет в функционировании коллективной единицы ту же роль, какую выполняет представление индивида о себе в функционировании его личности. Как представление индивида о себе проецирует его акты в будущее и таким образом контролирует и направляет ход его карьеры, так и в случае общества можно сказать, что его идеология направляет и контролирует его коллективные акты и придает им согласованность среди превратностей изменяющегося мира»¹.

Однако в действительной борьбе дивергентных заинтересованных групп за признание и власть и в попытке общества удержаться в неприкосновенном виде в противовес течениям социального изменения выясняется, что идеологии, которым удается обрести формулировку, не

¹ Park R. E. Loc. cit.

всегда прямо, полностью и в ясной форме выражают общие цели группы. Они могут использоваться не только для раскрытия истинных интересов тех, кто заинтересован в их пропаганде, но и для сокрытия этих интересов. Идеология может замышляться как оружие нападения на внутренних и внешних врагов и средство критики любого противоположного толкования мира, которое группа считает необходимым атаковать и осудить. И наоборот, идеология конституирует совокупность оборонительных аргументов для освящения программы группы, ее устремлений и средств их осуществления. Она используется как инструмент обоснования цели группы как для ее членов, так и для аутсайдеров. Поскольку идеология не просто констатирует цели, но и является средством достижения этих целей, она должна функционировать так, чтобы завоевывать и удерживать приверженцев; следовательно, она должна не только артикулировать политику, но и ориентировать тактику и практические операции. Она должна не только давать направление, но и увлекать за собой, давать одухотворение и надежду, поддерживать дисциплину и моральный дух. Она должна быть достаточно двусмысленной, чтобы завоевать широчайшую поддержку, и вместе с тем достаточно определенной, чтобы привлечь внимание, быть отличной от других и стимулировать активную идентификацию. Если мы хотим установить консенсус в нынешнем обществе, пусть даже всего лишь по нескольким фундаментальным вопросам, этой цели точно не удастся достичь с помощью политики *laissez faire*.

ИДЕОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ

В таком мире, какой существовал в средние века в Европе до пришествия массовой грамотности и массовой демократии, обсуждение идей было занятием лишь очень небольшой, ограниченной части общества, однако с тех пор сила авторитарных санкций церкви и государства была подорвана. Сегодня, в эпоху массовой коммуникации, газеты, радио и кино, когда политическое могущество сосредоточилось в массе людей, которых нужно убеждать или мобилизовывать, распространение идей стало искусством и большим бизнесом. Пропаганда стала той ценой, которую мы платим за нашу грамотность и наше избирательное право. Мы стали жертвами микрофонов и громкоговорителей тех, кто приобрел власть принимать решения, и тех, кто стремится ее у них отобрать. Про-

паганда стала главным средством расширения границ консенсуса и числа лиц, которые в нем участвуют, и консенсус, который мы в итоге получаем, часто оказывается неустойчивым и иллюзорным. Каждая идеология, пытаясь завоевать всемирное хождение и принятие и универсализироваться, явно должна быть упрощена и обесценена. Она должна казаться внутренне согласованной. Содержащиеся в ней противоречия и логические изъяны должны быть заглажены, а события, которые могли бы подвергнуть ее проверке, никогда не должны произойти. Укрепляя солидарность в кругу своих приверженцев, она неизбежно обостряет и преувеличивает различия во внегрупповых отношениях.

Обычно выстраивая консенсус, идеологии также его подрывают. Обретя силу и приемлемость, они часто становятся ригидными и окостеневшими и тем самым теряют свою эластичность перед лицом изменяющихся ситуаций. Кроме того, существующая идеология мешает появлению новой идеологии, которая могла бы больше соответствовать сложившейся ситуации, требующей новой ориентации и нового приспособления. Как и другие продукты культурной жизни, идеологии обычно продолжают существовать по причинам, отличным от тех, которые их породили. Подобно группам интересов и функционерам, кровно заинтересованным в иных институтах, группы давления и их функционеры — в данном случае интеллектуалы, — имеют собственнический интерес к сохранению тех идеологий, которые они спонсируют.

Когда философия группы эксплицируется и осознается, она, как правило, лишается спонтанной лояльности и приверженности группы и должна искать поддержки, пользуясь хитроумными приемами убеждения и проверенными средствами пропаганды. С точки зрения социальной солидарности, различие между нынешним обществом и менее сегментированным социальным порядком есть в основе своей различие между нерелективным социальным сплочением, порождаемым традицией, и релективным сотрудничеством, которое создается рациональным отбором общих целей и средств. Особенно в городском мире, где встречаются, сталкиваются и взаимно проникают друг в друга чрезвычайно различные схемы поведения, представляющие расходящиеся социальные миры, шанс любого набора норм на то, чтобы выжить или стать священным для всех, невелик. Здесь более чем где бы то ни было мы обнаруживаем, как доктрины и принципы теряют силу, а вера увядает с прогрессом умственной изошренности. Разочарование тех, кто симпатизировал политике коммунистов или нацистов, которое явилось следствием их тактических

изгибов и обращений к программам друг друга, стало шоковым событием. Оно оставило тех, кто поддерживал ту или другую из этих идеологий, в состоянии смятения и деморализации.

Мы склонны называть наивным человека, который принимает за чистую монету то, что читает в газетах или слышит по радио, или воспринимает пункты партийной платформы как принципы веры и точную хартию того, что будет делать партия, когда придет к власти. Цинизм в отношении обнародуемых ценностей конкурирующих групп и скептицизм в отношении провозглашаемых истин стали особой чертой современного изощренного человека. Мы пытаемся защититься от соблазнительных идеологий путем систематического развития отстраненности, недоверия и подозрительности, а также более или менее проработанного арсенала контраргументов и рационализаций. Благодаря этому сила этих идеологий притупилась. Каждая вера подозрительна, ни один пророк не считается непогрешимым, ни один лидер — искренним, ни одна миссия — одухотворенной, ни одно убеждение — непоколебимым. Мы культивируем отсутствие доверия по отношению к тем, кто является нашими партнерами и лидерами; мы приватизируем свое существование. Нередко наша инкорпорация в движение или общество включает в себе не более чем словесное заявление, что мы принимаем некое кредо или доктрину; при этом мы не берем на себя труда ни понять их, ни принять их всерьез. Когда символы, репрезентирующие ценности общества, приходят в такое состояние загнивания, мы приближаемся к состоянию *аномии*, описываемому Дюркгеймом как состояние социального вакуума или безнормности, в котором расцветают определенные типы суицида, преступности, разложения семьи, дезорганизации сообщества и социального беспорядка.

С помощью анализа наших идеологий мы можем обнаружить данные, указывающие на дезорганизацию нашей социальной структуры, и определить те области жизни, в которых дезорганизация грозит проявиться. Неопределенность систем ценностей и противоречия между ними отражают не просто сегментацию общества, но и его попытку найти продуманную и сознательно спланированную основу для конформности, когда на спонтанное принятие норм нельзя более полагаться. В ходе реконструкции грамотного и демократического общества на этом новом основании идеологии сегментарных групп в пределах обществ и более крупных социальных агрегатов, которые их охватывают, соперничают друг с другом; в результате ни одна система ценностей не может претен-

довать на универсальное принятие, и поведение больших масс индивидов все более приватизируется.

До тех пор, пока мы не сможем конкретизировать эти нормы и описать их содержание и смысл, их связь друг с другом и их соотношение с проблемами повседневной жизни, изучение личностной и социальной дезорганизации и наши попытки совладать с ними не могут быть адекватными. Следовательно, при изучении социальной дезорганизации, как и при изучении человеческой социальной жизни вообще, хотя и желательно сосредоточиться на внешне выраженном (overt) действии — одной из форм которого является, конечно, сам язык, — не так уж и неуместно, как некоторые думают, принимать во внимание то, что говорят люди. Ибо, несмотря на уклончивость, искажение и сокрытие, присутствующие в их вербальных высказываниях, люди выдают в них, пусть даже не всегда точно и полно раскрывая, свои мотивы и ценности; а если у нас нет понимания этих мотивов и ценностей, то люди как социальные существа остаются для нас неведомыми.

КОНСЕНСУС И МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ*

Когда выпадает случай выступить с президентским посланием, публике обычно преподносится какое-нибудь рассуждение на любимую тему, причем в условиях необычайной свободы, граничащей с вседозволенностью. Если оратор склонен поддаться этому искушению, ему позволено даже прочитать проповедь, хотя не стоит забывать, что паства вольна разойтись, не дожидаясь, пока на нее снизойдет благодать.

Соблазнительно призвать коллег по научному миру быть достойными великой ответственности, которую, как можно предположить, возлагает на них прискорбное состояние нашего мира. Естественнаучному знанию, грозящему нам гибелью, вопиюще не соответствует социальное знание, необходимое для спасения цивилизации, и, поскольку будущее человечества зависит от такого знания, мы должны признаться, что мало что можем предложить.

Кто-то среди нас, возможно, считает, что у нас уже есть знание, чтобы предотвратить катастрофу, но только нам недостает власти, чтобы привести это знание в действие. Но такая претензия есть, в сущности, признание в том, что нам недостает, быть может, самого важного знания, в котором мы нуждаемся, а именно знания того, как пробудить

* Wirth L. Consensus and mass communication // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. — Chicago: University of Chicago Press, 1956. — P. 368–391. Президентское послание, оглашенное на ежегодном собрании Американского социологического общества, Нью-Йорк, 28–30 декабря 1947 г. Впервые опубликовано в: American sociological review. — Vol. 13 (February, 1948). — P. 1–15.

силы, которые бы заставили имеющееся у нас знание полезно работать. Многие проблемы нынешнего социального мира требуют знания, сопоставимого со знанием физического мира, которое, с одной стороны, привело к изобретению атомной бомбы, а с другой, обещает привести к обузданию атомной энергии в мирных целях. Перед нами стоит великая задача открыть способы и средства мобилизации человеческого действия на недопущение самоуничтожения цивилизации перед лицом новой физической мощи, недавнее открытие которой сделало этот исход, по крайней мере, угрожающей возможностью. После того, как мы сделали все возможное, чтобы добыть такое знание, самое время позаботиться о том, как внедрить это знание в практику власти.

Возможно, именно темперамент, а не ортодоксальная научная традиция заставляет ученого в период смуты уходить от проблем мира в проблемы науки и, как мы обычно говорим, окидывать все широким взглядом и посвящать силы построению корпуса знания, который может быть релевантен или нерелевантен проблемам жизни, но который служит удовлетворению его интеллектуального любопытства. Курьезно, что репутация реалиста выпадает тому, кто никогда не думает о реальности, а репутация социального ученого — тому, кто старается держаться как можно дальше от действительных проблем и действий общества.

Счастливы те, кто смог укрыться в этом убежище. Когда весь мир объят огнем, разумеется, проще и безопаснее спрятаться в кабинет или лабораторию, если, конечно, стены, укрывающие от мира, достаточно огнеупорны. Физику и биологу, разумеется, проще найти такую изоляцию, чем социальному ученому. Отчасти это обусловлено природой изучаемого предмета, отчасти традициями науки и учености в самих этих областях. Научное изучение социальных явлений еще не институционализировалось в такой степени, как изучение физических и биологических явлений. Исследователю общества будут досаждают трудности достижения «объективности», наличие социальных ценностей, конкуренция с обыденным знанием, границы его свободы и способности экспериментировать, а также другие серьезные и специфичные для него ограничения, в меньшей степени или вообще не досаждающие естественнику. Но социальный ученый, самым предметом изучения для которого является социальный мир, может уйти от изучения процессов и проблем человека в обществе, только притворившись чем-то, чем он не является, или впад в такую запредельную степень абстракции или тривиальности, при кото-

рой сходство между тем, что он делает, и тем, что он претендует делать, становится чисто случайным.

Любимой темой вашего покорного слуги, как бы это удивительно для вас ни звучало, является социология. Это широкая область, подробный рассказ о ней испытывает на прочность терпение, а потому нужно что-то из нее отобрать. Я выбрал для обсуждения тему консенсуса, поскольку считаю, что она дает нам подход как к центральной проблеме социологии, так и к проблемам нынешнего мира. Я считаю изучение консенсуса главной задачей социологии, и состоит она в том, чтобы понять поведение людей, поскольку на него оказывает влияние групповая жизнь. Признаком любого общества является способность его членов понимать друг друга и согласованно действовать в направлении достижения общих целей и в соответствии с общими нормами, а потому анализ консенсуса образует самую сердцевину социологического исследования. Обсудить природу консенсуса во всех видах человеческих групп в разных культурных средах было бы, однако, неподъемной для нас задачей. Слишком широкой задачей был бы и анализ условий, благоприятствующих консенсусу в различных обстоятельствах. В силу этого мои наблюдения будут сосредоточены на условиях, при которых консенсус функционирует в массовых обществах, в отличие от таких более компактных и интимных групп, как семья и другие первичные ассоциации.

Прежде чем приступить к обсуждению природы и условий консенсуса, стоит, наверное, указать на основные характеристики массовых обществ. Когда мы оглядываемся на прежние социальные агрегации, такие, как древние царства или Римская империя, мы удивляемся, каким образом при тех примитивных коммуникациях, которые в них существовали, такие впечатляющие количества людей и территории могли удерживаться на протяжении долгого времени под властью общего режима. Но если мы обнаруживаем, что эти агрегации не были в подлинном смысле обществами, а представляли собой немногим более чем административные ареалы, порожденные военным господством вдоль основных артерий коммуникации, расходящихся из некоторого властного центра, и что экономической основой их сплочения была эксплуатация внешних территорий и народов центральными правителями через своих представителей, рассеянных тонким слоем по всей территории, то величина этих агрегаций уже не кажется нам столь впечатляющей. Массовые общества, какими мы их сегодня находим, проявляют, между тем, больше признаков интеграции. Это агрегации людей, которые в гораздо большей

степени участвуют в общей жизни, и, по крайней мере в демократических частях мира, они охватывают людей, чьи установки, чувства и мнения оказывают некоторое влияние на политику, проводимую их правительствами. В этом смысле массовые общества — творение современной эпохи, продукт разделения труда, массовой коммуникации и более или менее демократически достигнутого консенсуса.

Мы будем говорить о нашем обществе как о массовом обществе, а о коммуникации, которую оно предполагает, — как о массовой коммуникации. Это обязывает нас описать характеристики массы. Самой очевидной ее чертой является то, что она содержит большое число людей, в противоположность меньшим агрегатам, с которыми мы знакомы по исследованиям примитивной жизни и старых исторических форм человеческой ассоциации. Во-вторых, опять же почти по определению, она состоит из агрегатов людей, широко рассеянных по земной поверхности, в отличие от компактных локальных групп прежних времен. В-третьих, масса состоит из гетерогенных членов, поскольку включает людей, живущих в самых разных условиях и в чрезвычайно разных культурах, происходящих из разных слоев общества, занятых разной профессиональной деятельностью и, следовательно, имеющих разные интересы, стандарты жизни и степени престижа, власти и влияния. В-четвертых, масса представляет собой агрегат анонимных индивидов, что может проявляться, в частности, в том, что хотя миллионы индивидов, слушающих радиопрограмму, читающих газету или смотрящих кинофильм, подвергаются воздействию одних и тех же образов, они не сознают, кто их собратья по аудитории, равно как и те, кто транслирует эти образы, не знают точно состав своей аудитории. Эти анонимные лица, которые образуют массу, могут, конечно, сознавать свое участие (part) в массе и обычно его сознают; они принимают некоторые допущения относительно того, кто их собратья по массе и насколько их много. Они способны к идентификации со своими анонимными собратьями, подверженными воздействию тех же образов, и могут даже находить опору в знании того, что они существуют. Они даже могут действовать так, как если бы пользовались их единодушной поддержкой; примерами могут служить лозунг «Пятьдесят миллионов французов не могут ошибаться» и широко обсуждавшийся «эффект победителей», возникающий на выборах вследствие публикации результатов опросов общественного мнения. В-пятых, масса не конституирует организованной группы. В ней нет признанного лидерства и четко определенной программы действий. Если она когда-нибудь

и действует коллективно, то только в качестве толпы или сборища; но так как она рассеяна в пространстве, она не может даже двигаться, как способны делать эти элементарные социальные тела, хотя, возможно, она и далека от того, чтобы образовывать, как считал Карлейль, «инертную массу». В-шестых, у массы нет никаких общих обычаев или традиций, никаких институтов и никаких правил, руководящих действием индивидов. Следовательно, она открыта внушениям, и ее поведение в большей степени, чем поведение организованных тел, капризно и непредсказуемо. Наконец, масса состоит из индивидов, ни к чему и ни к кому не привязанных, или, в лучшем случае, индивидов, которые ведут себя не как члены группы, играющие конкретные роли, представляющие их позицию в этой группе, а как дискретные единицы. В современном городском промышленном обществе наше членство в каждой из многочисленных организаций, к которым мы принадлежим, представляет наши интересы только в каком-то ограниченном аспекте нашей целостной персональной жизни. Нет ни одной группы, хотя бы отдаленно претендующей на то, чтобы представлять нас в нашем целостном человеческом качестве или во всех ролях, которые мы играем. Хотя через наше членство в этих организованных группах мы обретаем внятный голос, вносим вклад в формирование общественного мнения и участвуем более или менее активно в определении социальной политики, для всех нас сохраняется весьма значительный круг идей и идеалов, которые подвержены манипулированию извне и в соотношении с которыми нет ощутимого взаимодействия между нами и другими людьми, находящимися в схожей ситуации. Именно эта сфера жизни дает другим возможность заманивать нас в свои сети или вести нас к целям, к формулировке которых мы имеем мало или вообще не имеем отношения. Для всех нас в нашем действовании в какой-то мере характерно массовое поведение.

Фрагментация человеческих интересов в гетерогенных, сложных современных обществах зашла так далеко, что, по словам Роберта Э. Парка, «из того, к чему человек принадлежит, складываются почти весь его жизненный путь и весь его некролог». Тенденция групповой организации ведет не просто к умножению и диверсификации организаций, но и к необычайному возрастанию размера этих тел. В последние десятилетия мы стали свидетелями развития многочисленных гигантских организаций в бизнесе и промышленности, в труде, в профессиях, в религии, в государственном управлении и в социальной жизни, которые,

похоже, главенствуют над нашим существованием и характеризуют нашу цивилизацию.

Многие из этих организаций стали настолько колоссальными, что сами приближаются к массам. Чувство принадлежности и участия, которое способны генерировать меньшие по размеру и более компактно организованные группы, в значительной мере фрустрируется самим размером типичных организаций нашего времени. Быть может, это та цена, которую мы должны быть готовы заплатить за жизнь во взаимозависимом и технологически развитом мире. Но вместе с тем она должна стать и основным вызовом аналитическому мастерству и творческому воображению социальных ученых, особенно социологов; ведь в значительной мере именно от способности поддержать эффективный контакт между членами и двустороннюю коммуникацию между лидерами и членским составом этих гигантских структур зависит будущее демократии.

Проблема усложняется тем, что это массовое демократическое общество, огромное в размерах и запутанное в структуре, представляет динамическое равновесие, в котором одним из главных условий эффективного коллективного действия служат точность и скорость, с которыми меняющиеся интересы и установки больших масс людей, организованных или неорганизованных, могут выявляться и оказывать влияние на проводимую политику.

Еще одной важной чертой современного массового общества, особенно массовых демократий, является неустойчивость интересов и мотивов членов, с соответствующими частыми изменениями в руководстве и вытекающей отсюда неопределенностью относительно локуса решающей власти в любом сцеплении событий. Чтобы глашатаи любой группы знали, от лица кого они говорят, они должны уметь оценить, насколько прочны и долговечны интересы, которые они претендуют представлять, и проявляют ли вообще группы, от лица которых они выступают, интерес к той или иной проблеме.

Далее, массовые общества предполагают огромные концентрации власти и авторитета и сложную административную машинерию. Быть может, самой настоятельной потребностью, которая остается не удовлетворенной в таком обществе, является способность своевременно принимать решения перед лицом постоянных кризисов. То, что согласованное действие в таких обществах, чтобы они оставались демократическими, должно принимать в расчет меняющуюся конstellацию общественного мнения, накладывает на тех, кто держит в руках его судьбы, та-

кую ответственность, с которой можно справиться, лишь используя все релевантные источники знания и все совершенство методов, гораздо более развитых, чем те, которыми мы сейчас обладаем.

Когда социальный философ предыдущего поколения Герберт Спенсер решил сравнить человеческое общество с биологическим организмом, он думал, что одной из вещей, которых недостает человеческому обществу, чтобы оно стало в полной мере сопоставимо с биологическим организмом, является социальный сенсориум, который служил бы эквивалентом центральной нервной системы и «разума» в индивидуальном организме. Что бы мы ни думали о таких аналогиях, это предполагаемое отсутствие социального разума, сопутствующего социальному телу, является недостатком, который мы должны возместить, если хотим продолжения организованной социальной жизни в тех масштабах, в которых нам теперь приходится жить. Единственный эквивалент «разума» индивидуального организма, который мы не без оснований можем мыслить как существенный для социального организма, обеспечивается консенсусом.

Вдумчивый исследователь Эдвард Сепир описывал общество как «очень сложную сеть частичных или полных [взаимных] пониманий между членами организационных единиц». Консенсус является признаком такого частичного или полного понимания, достигнутого по некоторому множеству вопросов, с которыми сталкиваются члены группы, имеющей право называться обществом. Он предполагает достижение некоторой меры согласия. Это согласие, однако, не насаждается силой и не фиксируется обычаем, вследствие чего оно перестало бы подлежать обсуждению. Оно всегда частично, всегда развивается, его надо постоянно достигать. Консенсус проистекает из взаимопроникновения взглядов, основанного на взаимном согласии и на общности мышления и чувствования.

Чтобы иметь общие идеи и идеалы, люди, обладающие разными опытами и интересами, должны быть способны к коммуникации. Именно здесь, однако, мы и сталкиваемся с парадоксом. Чтобы эффективно коммуницировать друг с другом, мы должны иметь общее знание, но в массовом обществе именно через коммуникацию мы должны этот общий корпус знания получить. Решение этого парадокса кроется, по-видимому, в возможности того, что, хотя люди с разным происхождением, опытом и интересами поначалу не способны к коммуникации друг с другом и пониманию друг друга и еще менее способны достичь согласия, они изначально должны довольствоваться неуверенным нащупыванием

таких элементарных пониманий, которые могут складываться на основе скудных и поверхностных общих переживаний, доставляемых даже самым случайным и поверхностным контактом. Они должны жить и живут в надежде на то, что по мере расширения и углубления опыта коммуникация будет становиться более эффективной.

Мы исходим из того, что люди во всем мире настолько похожи друг на друга своей базовой природой и своими жизненными карьерами, что даже самые чуждые группы, находящиеся в контакте — хотя бы косвенном и далеком, — будут обладать элементарной способностью ставить себя на место друг друга, что общее понимание, проистекающее из коммуникации, будет обладать кумулятивным эффектом и что каждый шаг к пониманию будет создавать основу для еще более широкого и глубокого понимания.

Современное общество демонстрирует два основных аспекта. С одной стороны, оно состоит из организованных групп, варьирующих в диапазоне от неформально конституированных интимных групп до высокоформализованных организаций, таких, как современная корпорация, профсоюз, церковь и государство. С другой стороны, существуют разобщенные массы, которые удерживаются вместе, если удерживаются, средствами массовой коммуникации. Анализ консенсуса непременно должен учесть оба аспекта.

На каждом уровне социальной жизни, требующем слаженного действия, будь то уровень организованных групп или массы, нам нужна такая степень консенсуса, которая могла бы мобилизовать энергии членов или, по крайней мере, нейтрализовать их оппозицию или апатию. Где бы и когда бы мы ни пытались заручиться непринужденным сотрудничеством и участием большого числа разных людей в преследовании общей цели, «нам нужен», как говорил Джон Дьюи, «единый мир интеллекта и понимания, если мы хотим достичь единого мира в других формах человеческой активности»¹.

Общество разработало много способов достижения согласия. Прежде всего, мы можем указать на то молчаливое согласие, к которому принуждает превосходящая сила. В большинстве обществ власть распределена между их членами неравномерно, и, вероятно, ни в одном обществе она не распределена столь равномерно, чтобы все члены были в

¹ Dewey J. Liberating the social scientists: A plea to unshackle the study of man // Commentary. — Vol. 4, N 4 (October, 1947). — P. 382.

равной степени способны навязать свою волю другим. Крайнюю форму этого неравенства власти и влияния иллюстрирует диктатура. Но даже при диктатуре, хотя высшая монополия на насилие остается у диктатора, члены общества кое-что значат, и диктатор не пользуется неограниченной возможностью оказания принуждения на своих подданных. Хотя, скажем, в случае нынешнего советского режима мы уверены в его действительно диктаторском характере, мы сознаем, что есть некоторые пределы, за которые диктаторы выйти не могут, и если условия жизни, которые они могут обеспечить своему народу, и надежды, которые они могут ему дать, опустятся ниже некоторого минимума, то будут восстание и контрреволюция. Аналогичным образом и мы, по крайней мере в вещании «Голоса Америки» на советских людей, действуем так, как если бы даже их общественное мнение имело некоторое значение.

Хотя социальное сплочение при диктатуре держится в конечном счете на силе и насилии, она не обязательно постоянно применяет эту силу и это насилие с жестокостью и произволом. Они могут прибегать к тому случаю, когда их применение будет абсолютно необходимым, и на самом деле мудрый диктатор знает этот принцип благоразумия при осуществлении своей бесспорной власти. Подавление может быть первой или последней стадией жизненного цикла. Оно может, например, переводиться в закон, каким бы он ни был авторитарным и произвольным по характеру, и в религиозный контроль, основанный на страхе. Эта смягченная форма применения силы постоянно практиковалась, по крайней мере, современными диктаторами с тех пор, как Макиавелли предложил свой совет диктаторам своего времени. Следует, конечно, сказать, что люди могут не знать, что их эксплуатируют и угнетают, до тех пор, пока не увидят отличие своего скромного статуса от действительного состояния сравнительной свободы и открытых возможностей, существующего в каком-нибудь другом обществе, с которым они находятся в контакте, пока не вспомнят какие-то прежние условия существования, при которых этих форм угнетения не было, или пока им не откроется, в конце концов, некое идеальное состояние, на которое они считают себя вправе претендовать. Идея «естественных прав» — пример проникновения в умы людей идеологии, служащей идеалом, в сопоставлении с которым они могут оценивать свое действительное состояние; и опыт распространения этой идеологии в последнее время показывает, что в долгосрочной перспективе она делает неприемлемой всякого рода диктатуру. Понятие неотчуждаемых прав человека и человеческого достоин-

ства набирает силу во всем мире, бросая вызов самовластному правлению во всех сферах человеческой жизни.

К тому типу консенсуса, основу которого составляют сила и господство, близко примыкает консенсус, основанный на общей идентификации с великими героями или лидерами; лучшим примером здесь будет харизматический лидер, изображенный Максом Вебером. Есть много путей, ведущих к лидерству, хотя не во всех обществах они одинаковы. Сила и безжалостность, закон и авторитет, священные санкции религии или традиции, мудрость или сама личность лидера, или даже вера в его мудрость и личные качества — все эти факторы, каждый в отдельности или в сочетаниях, могут давать человеку или группе лидирующее положение, которое может порождать консенсус среди последователей. Какими бы ни были эти первичные источники, они могут подкрепляться пропагандой и воспитанием, обретая тем самым символическую значимость, несоизмеримую этим первичным источникам.

Как лидеры могут служить инструментами построения консенсуса, так могут создавать сплоченность в группе и идеи, идеалы и символы, с которыми они идентифицируются. Крест и полумесяц, звезды и полосы, серп и молот, Великая Хартия, Декларация независимости и четыре свободы, не говоря уже о популярных стереотипах и слоганах, составляющих багаж нашей нынешней пропаганды и паблик рилейнз, все еще продолжают быть потенциальными силами создания и поддержания консенсуса. Средства массовой коммуникации особенно пригодны для распространения этих символов в масштабах, доселе считавшихся невозможными. Нам выпало жить в мире, где весь человеческий род, несмотря на барьеры технологии и политики, становится потенциально подверженным воздействию одних и тех же символов. Они являются оружием нападения и защиты, и они становятся узами союза или разлада, в зависимости от того, какие цели преследуют те, кто ими пользуется.

Социологи издавна привыкли анализировать преимущественно одно из оснований консенсуса, а именно консенсус, проистекающий из социального наследия народа — из общей культуры, из общей истории и корпуса традиций, из нравов, — который может заставить все казаться правильным, истинным, благим, прекрасным и возможным. В конечном счете, именно эта основа общей социальной жизни, паттернированная этими традициями, дает любой группе возможность мыслить себя обществом и действовать как общество, считать себя «мы»-группой и противопоставлять это переживание «мы» всему чуждому. Степень, в которой

сила и господство, закон, религиозная санкция и лидерство, пропаганда и воспитание, аппарат символов могут эффективно использоваться, зависит в немалой мере от этого субстрата общего базиса знаний, верований и стандартов, сформированного традицией и подкрепляемого непрерывающейся социальной жизнью, которая эту традицию воплощает.

Тот факт, что средства массовой коммуникации работают в ситуациях, уже для них подготовленных, может производить ошибочное впечатление, что сами они или содержание и символы, которые они распространяют, порождают иллюзии. Скорее, массовая коммуникация обязана своей эффективностью той консенсуальной основе, которая уже существует в обществе. Однако со времен примитивной локальной и изолированной групповой жизни, которую вели наши предки, произошло много изменений, оказавших глубочайшее воздействие на силу традиции. Движение населения и контакт между людьми со всех концов земного шара, открытие мировых рынков и распространение современной технологии, рост городов, функционирование средств массовой коммуникации, возрастающая по всему миру грамотность народных масс сообща разрушили локальную сплоченность и вовлекли культуры, до той поры разрозненные и парохияльные, в контакт. Из этого фермента и берет начало то расколдование абсолютных вер, которое выражено в секулярном мировоззрении современного человека.

Одна из характерных черт этого секуляризма — растущий скептицизм в отношении каких бы то ни было догм и идеологий. Не желающий опираться на старые авторитеты и часто не способный поставить на их место обоснованное убеждение, секулярный человек культивирует свои личные вкусы и превозносит свое право выбирать как самодостаточную веру.

Другая черта этого секуляризма — переход от наивности к изощренности (*sophistication*). Одна из главных добродетелей, которые современный человек в себе ценит, состоит в том, что он не даст никому себя обмануть, сопротивляется всякому, кто пытается всучить ему кога в мешке, подозревает в любом человеке мотивы продавца товаров или идей, желает видеть факты, на которых основаны заявления, и претендует на право самостоятельно судить о достоверности этих фактов. Это привело, в свою очередь, к совершенствованию средств убеждения, к изобретению способов придания иррациональному видимости рационального и разработке ненавязчивых средств пробуждения в людях интереса к тому, что их, возможно, не интересует. Это дало огромный стимул

открытию с помощью научных методов того, что такое интересы, пред-
рассудки и предпочтения людей и как ими можно манипулировать, при-
меняя соответствующие призывы.

Секуляризм несет с собой, с одной стороны, дезинтеграцию еди-
ных вер и доктрин и, с другой стороны, их смешение в новые синкретиз-
мы, нацеленные на такое совмещение многообразия ранее не совмещав-
шихся элементов, которое привлекло бы наибольшее число сторонников.
Символы и лозунги, которые в прежние времена были характерны для
одной партии, сливаются с символами и лозунгами других партий, дабы
эффективнее вербовать наибольшие количества приверженцев. Идеи и
идеалы, которые прежде обозначали один набор целей, выворачиваются
наизнанку и обесцвечиваются до тех пор, пока не охватят целей, прежде
казавшихся несовместимыми, так что начинает казаться, что недву-
смысленные этикетки, под которыми люди прежде объединялись, уже не
только не дифференцируют партии, но и фактически могут приобретать
ради апелляции ко всем партиям самое противоречивое содержание.

Помимо силы и авторитета, лидерства и личного престижа, идей,
идеалов и символов, в которые они инкорпорированы, а также социаль-
ных традиций мы должны принять во внимание еще один аспект основ-
ный консенсуса, который, хотя и пересекается с другими, является тем,
не менее, настолько отличительным для нашего общества, что требует
отдельного рассмотрения. Речь идет об общественном мнении. Это, ко-
нечно, не самостоятельная сила, а аспект каждого функционирующего
(ongoing) общества.

Общественное мнение формируется в процессе жизни, действова-
ния и принятия решений по различного рода вопросам. Оно складывает-
ся благодаря противостоянию репрезентативных идей, более или менее
верно отражающих позиции, сталкивающие составляющие общество
группы. Наше общество, как и другие, на него похожие, состоит из мно-
жества самых разнообразных групп – профессиональных, экономиче-
ских, расовых, этнических, религиозных. Каждая из этих групп арти-
кулирует свои интересы, имеет собственные властные рычаги, руково-
дство, кредо, политическую и корпоративную организацию.

Не все члены каждой такой группы имеют равную долю влияния,
и сила каждой группы не определяется исключительно числом ее членов.
Эти группы не являются свободными агрегациями людей, но нет необхо-
димости, чтобы все члены каждой группы разделяли официальную точку
зрения группы, которой они отдают свою приверженность. Некоторые

люди будут относиться к тому, за что выступает группа, равнодушно или даже враждебно, но то, что они не бунтуют, можно ясно увидеть в наших нынешних политических партиях или в основных экономических или религиозных организациях. Роль, которую играют индивиды, не определяется исключительно их возрастом, полом, расой, родом занятий, экономическим или образовательным статусом, хотя эти факторы могут значительно влиять на характер и политику групп, к которым индивиды принадлежат. Что, скорее, имеет значение, так это их могущество, престиж, стратегическое положение, их ресурсы, четкость координации, эффективность их организации и руководства. Внутри группы те, кто принимает решения и оказывает преобладающее влияние, подвергаются всестороннему давлению и излучают влияние на свою группу. Старая поговорка: «Я ваш лидер, а потому должен следовать за вами», — говорит о том, в какой степени самостоятельное суждение ограничивается даже в кругу лидеров. Следовательно, определяющей частью общественного мнения является организация взглядов на проблемы, оказывающие воздействие на лиц, полномочных принимать решения.

Характерная черта общественного мнения в нашем обществе состоит в том, что очень многие люди принадлежат к разным организованным группам, каждая из которых представляет только сегмент их интересов, тогда как другая значительная часть наших сограждан не привязана ни к каким устойчивым группам, образуя в этом смысле неорганизованную массу и оставляя тем самым принятие решений людям, которые организованы и могут пользоваться своей корпоративной властью.

В современных демократиях и в какой-то степени во всех инклюзивных обществах, соразмерных современным государствам, люди осуществляют свое влияние и оглашают свои стремления посредством делегирования полномочий, действуя через функционеров и лидеров, через лобби, партийные организации, религиозные деноминации и множество других организованных групп. Таков, видимо, характерный способ представительного демократического правления. В потоке коммуникации интересы и жалобы, чувства, установки и мнения людей, находящихся внизу, могут грубо искажаться, и люди, находящиеся наверху, могут оказаться столь далеки от своих избирателей, что могут либо вообще не знать об их действительных чувствах, либо всерьез ошибаться в толковании тех фрагментарных сведений, которыми они о них обладают. Именно здесь могут оказаться важными исследования общественного мнения. Мы в США уже были свидетелями подъема того, что можно

назвать «правлением Западного Союза», в связи с чем вспоминается история об одной женщине, пришедшей на телеграф со словами: «Я хотела бы отправить телеграмму моему конгрессмену, чтобы узнать его мнение».

Различные основания, на которых держится консенсус, разумеется, связаны со способами, которыми консенсус достигается. Здесь можно назвать лишь некоторые из важнейших каналов его достижения. Убеждение, дискуссия, дебаты, просвещение, переговоры, парламентская процедура, дипломатия, торг, судебное решение, договорные отношения и компромисс — все это средства достижения уровня согласия, достаточного для того, чтобы жизнь общества могла продолжаться, несмотря на различия в интересах. В конечном счете, согласие перед лицом различий упирается в противоположность между силой и обманом, с одной стороны, и убеждением и рациональным согласием — с другой. В каких-то случаях, однако, ход событий может принести согласие там, где оно прежде не было возможным. Если согласие не предшествует действию, остается все же шанс достичь согласия в ходе самого действия. Следует заметить, что подчинение, приходящее с принуждением, не дает нам консенсуса в подлинном смысле слова. Результатом его становится скорее то, что нацисты называли *Gleichschaltung*.

В противовес применению насилия и обмана для достижения псевдо-консенсуса, который даже в авторитарных режимах является шаткой основой власти и социальной солидарности, демократии должны прибегать к искусству компромисса, которое приводит к более или менее рационально достигнутым соглашениям — соглашениям, условия которых ни одна сторона не испытывает потребности принять, но одновременно и не может отказаться принять. В то время как авторитаризм дает нам мнимое единодушие, которое было описано как единодушие кладбища, демократии базируются на конечном согласии быть несогласными, т.е. на терпимости к иному воззрению. Даже демократиям, когда они пребывают в состоянии спешки и когда им угрожает неминуемая опасность, приходится иногда прибегать к методам прямого принуждения; типичным примером служат военные интерлюдии в истории демократий. В свою очередь, автократии могут иногда позволить себе допустить свободу во многих сферах жизни, если она не угрожает основам авторитарной власти. В целом, однако, можно сказать, что там, где существует консенсус, нет необходимости в принуждении, а там, где постоянно приходится прибегать к принуждению, это признак того, что режим либо находится на начальных стадиях становления, либо близится к своему

краху. Если сила и не права, то, во всяком случае, чтобы продолжать существовать, она должна облечься в одеяние правоты, ибо ни одно авторитарное правительство, в конечном счете, не может определять мышление людей, включая то, что люди думают о тех, кто ими правит.

Чем разумнее и честнее люди, тем меньше вероятность того, что они будут во всем друг с другом согласны. Принуждение может обеспечить мнимое согласие по всем вопросам; подлинное же согласие может быть достигнуто лишь предварительно и, пожалуй, только по тем вопросам, которые не угрожают слишком глубоко интересам, идеям и идеалам инакомыслящего. Мы в нашем демократическом обществе, по видимому, вполне прагматически выработали определенные границы, нарушать которые в борьбе за согласие нам не хочется. Мы согласились, что единообразие нежелательно. Так, например, посредством Билля о правах мы исключили из сферы необходимого согласия религию, и мы расширили сферу политической свободы до границы, определяемой «очевидной и наличной опасностью».

Более того, мы признали, что вовсе не нужно добиваться согласия во всем, чтобы быть эффективно функционирующим обществом. В нашем чувстве хорошего тона воплощена чувствительность к нашим различиям; какие-то из них некорректно превращать в темы публичных дебатов и дискуссий. Мы нередко готовы допустить, чтобы наше молчание воспринималось как согласие по очень многим вопросам, которые мы считаем либо слишком тривиальными, либо слишком деликатными, чтобы открыто их обсуждать. И прежде всего, мы развили в себе терпимость, позволяющую нам спокойно относиться к ересь и временным неудобствам в надежде на то, что в условиях свободы меньшинство может стать большинством; мы поверили в то, что с точки зрения большинства жизненных целей посчитать голоса экономичнее, чем ломать над чем-то голову, хотя и не столь интересно.

Перед лицом своих размеров, сложности и внутренней гетерогенности современные общества, будь то автократические или демократические, поняли, что конструирование общественного согласия — одно из великих искусств, которые нужно культивировать. Демократии, в отличие от автократий, приняли, видимо, более перспективный взгляд, признав, как это сделал Макиавелли, что псевдо-консенсус, достигнутый силой, не может длиться долго. Он говорил: «Нельзя назвать талантом убийство сограждан, обман друзей, жизнь без веры, милосердия и религии; такие методы могут дать владычество, но не славу». Демократии

исходят из того, что, даже если соперничающие стороны яростно друг с другом сражаются, нет никаких гарантий, что проблема, вокруг которой они ломают копыя, исчезнет после того, как сильный подавит слабого. Даже завоевание использует технику подавления воли врага, а когда враги сломлены, мы посылаем в их среду исследователей общественного мнения, чтобы узнать, как лучше всего ими управлять. Люди, верящие в демократические принципы, научились не проявлять нетерпения в достижении согласия; они усвоили, что общество может существовать лишь до тех пор, пока мы согласны не разрешать наши разногласия с помощью силы. Им пришлось усвоить, что общество может оставаться демократическим лишь до тех пор, пока мы признаем и уважаем тот существенный остаток — свободу и достоинство каждой личности, — который не потерял своей важности оттого, что стал казаться простым клише. И, кроме того, они узнали, по словам одного современного философа, что «в отсутствие консенсуса юридическое преступление может быть социальной добродетелью, а религиозная ересь — моральным долгом».

Консенсус в массовых демократиях, следовательно, — это не столько согласие по всем вопросам или даже по самым существенным содержательным вопросам между всеми членами общества, сколько укоренившаяся привычка к взаимной коммуникации, дискуссии, спору, переговорам и компромиссу, а также терпимость к ересям или даже к равнодушию вплоть до того предела «очевидной и наличной опасности», когда жизнь самого общества оказывается под угрозой. Вместо того чтобы базироваться на единодушии, он базируется на чувстве групповой идентификации и участия в жизни общества, на готовности позволить нашим представителям говорить от нашего имени, даже если они не всегда верно представляют наши взгляды, если мы вообще имеем какие-либо взгляды по многим обсуждаемым вопросам, и на нашей предрасположенности встраиваться в программу, одобренную нашей группой, и молча соглашаться с групповыми решениями, если это не входит в коренное противоречие с нашими интересами и нашим самосохранением.

Консенсус поддерживается не просто узами взаимозависимости и общей культурной базой, набором институтов, воплощающих в себе установившиеся традиции народа, и теми нормами и стандартами, которые они предполагают и навязывают, — не просто совместной жизнью и именем дела друг с другом, — но также, не в последнюю очередь, непрекращающимися течениями массовой коммуникации, которые, в свою очередь, опираются в своей осмысленности и эффективности на предше-

ствование некоторого рода общества и которые это общество скрепляют и мобилизуют на непрерывное слаженное действие.

К традиционным способам коммуникации — слухам, сплетням, личному контакту, проповеди, школе и съезду — наше поколение добавило массовые средства коммуникации, включающие радио, кинофильм и прессу. Эти новые средства представляют собой гигантские предприятия, зависящие от массовой аудитории и предназначенные для того, чтобы ее охватить. Вследствие своей зависимости от массовой клиентуры эти средства выходят за рамки особых интересов специальных и сегментарных организованных групп и обращаются к массе. Чтобы достичь своих массовых аудиторий, они постоянно испытывают соблазн свести свое содержание, связано ли оно с развлечением, просвещением или призывом к действию, к наименьшему общему знаменателю, к тому, что, как считается, будет интересовать наибольшее число, если не каждого. Кроме того, эти масс-медиа очень часто связаны с массовым рынком, приносящим им средства к существованию, а потому стремятся, насколько возможно, быть всем для каждого и, следовательно, ничем и ни для кого.

Те, кто управляет предприятиями массовой коммуникации, имеют также, разумеется, некоторые стимулы уравнивать это нивелирующее влияние массовой аудитории апелляциями к вкусам и интересам специальных групп. «Третья программа» Би-би-си представляет собой эксперимент по донесению высоких культурных ценностей до избранной аудитории и по приобщению к ним более широкой аудитории.

Между тем, именно от этих масс-медиа зависит единение человеческого рода. Массовая коммуникация быстро становится, если уже не стала, основным каркасом, скрепляющим паутину социальной жизни. В ретроспективе можно увидеть, сколь пронизательны были Гитлер и его сподвижники, когда осознали, что обретают в этих средствах контроль над основными орудиями получения от огромных масс людей по крайней мере временной приверженности их целям, и использовали эти средства в своих интересах. То, что они едва не достигли успеха, а остальному миру пришлось платить страшную цену кровью и золотом, чтобы в последний момент не допустить их господства, могло бы послужить предостережением тем, кто преуменьшает значимость массовой коммуникации. Это могло бы напомнить им о том, что мы живем в эпоху, когда контроль над этими средствами конституирует, быть может, важнейший источник власти в социальном мире. Интересно заметить, что современные диктаторы, которые поддерживают доктрину элиты и заявляют, что

совершенно презирают массы, зачастую оказываются более восприимчивы к капризам массы, чем некоторые лидеры демократических обществ. Масс-медиа могут использоваться в целях манипулирования наличными ситуациями и возможностями и их эксплуатации.

Последние исследования, проведенные с помощью методов опроса и интервью, показали, что, несмотря на плотную насыщенность нашей страны неформальными просветительскими и пропагандистскими призывами, несмотря на чрезвычайную разветвленность организованных групп, которые обсуждают и распространяют знание по актуально важным вопросам, есть обширные сферы неведения в отношении самых важных проблем, с которыми сталкивается наше общество. Национальный центр исследований общественного мнения недавно обнаружил, что меньше половины опрошенных более или менее понимают, что такое тарифы. Другие исследователи показали, что даже в отношении самых важных общественных вопросов нашего времени лишь малая часть населения обладает достаточным пониманием, чтобы действовать разумно. Это наводит на мысль, что состояние общественного мнения как аспект консенсуса в обществе вроде нашего требует неустанных усилий по просвещению масс и обеспечению доступа к надежным источникам информации. Это не значит, что каждый должен быть одинаково хорошо информирован по таким вопросам, как тарифы, но предполагает потребность в таком общем образовании, которое дало бы гражданину возможность более разумно и критически участвовать в общей публичной дискуссии, а также оснастило его всем необходимым, чтобы он мог действовать с большим пониманием и ответственностью в тех особых группах интересов, с которыми он себя идентифицирует.

Если, вдобавок к обширным сферам неведения, учесть ту поразительную степень апатии и индифферентности, которая преобладает даже в отношении проблем трансцендентной важности, становится ясно, почему массовые демократии так часто кажутся не способными к эффективной конкуренции с авторитарными обществами. Здесь, опять-таки, цена, которую мы вынуждены платить за сохранение дорогого нам образа жизни, требует расхода гораздо большей доли наших ресурсов, чем мы до сих пор готовы были направлять, на информирование и образование. Это требует постоянных усилий по устранению зон неведения и зон индифферентности, которая может отчасти базироваться на неведении. Следовательно, содержание того, что передается в коммуникации, должно быть адаптировано к аудитории, которой оно адресовано, и не-

обходимо понимание того, что мы, возможно, вещаем поверх людских голов, а символы, которыми мы пользуемся, возможно, значат для других нечто совершенно иное, нежели для нас. Преобладание развлекательного элемента, особенно в таких средствах, как радио и кино, не исключает взывания к интеллекту. Скорее оно предполагает, что информационные и образовательные услуги для того, чтобы быть эффективными, должны быть также и интересными.

Коммуникация, поскольку она в основном происходит через вербальное общение, может поддерживаться корпусом общих переживаний, разделяемых многими, а также драматизироваться с помощью искусства, литературы и иных средств оживления идей и идеалов с целью достижения более прочной основы общего понимания. В мире науки мы, как ни в какой другой сфере человеческой жизни, оказываемся близки к мировому обществу, и этот всемирный масштаб коммуникации, демонстрируемый наукой, вполне может служить образцом для ориентации в других областях человеческого опыта; ибо наука — в том числе, быть может, даже социальная наука и философская мудрость — доказала свою способность преодолевать локальные, национальные, сектантские и классовые барьеры и даже просачиваться через препятствия официальной цензуры. То же, по всей видимости, относится и к искусству.

В последнее время было много дискуссий — больше в отношении радио и кино, чем в отношении такого старого средства, как пресса, — относительно концентрации контроля над этими массовыми средствами коммуникации. Тот факт, что средства коммуникации тяготеют к монополистическому контролю, о чем свидетельствует выстраивание индустриальных империй в этой области предпринимательства, имеет серьезные последствия для массовой демократии. Концентрация такой власти в руках немногих, будь то посредством газетных ассоциаций, редакторских колонок, синдикатов, радиосетей или киноконцернов, может создать огромный дисбаланс в отражении разных взглядов, особенно меньшинств. Она может увенчаться введением цензуры, не менее реальной даже при ее неофициальности, и поставить под угрозу свободный и всеобщий доступ к знанию фактов и к той сбалансированной их интерпретации, которая лежит в основе разумных решений.

В обществе, которое находится под господством центров неоспоримой власти и авторитета, подкрепленных сакральными традициями и ритуалами, и способно добиться безусловной лояльности своим нормам и целям, подобные средства массовой коммуникации не представляли бы

серьезной проблемы. Они бы укрепляли, но не сильно изменяли социальную структуру. В свою очередь, в обществе, где все люди независимо от расы, вероисповедания, происхождения и статуса требуют и получают все большую долю участия в общей жизни и в принятии общих решений, контроль над средствами массовой коммуникации становится главной проблемой. Если именно консенсус превращает агрегат людей в общество и если консенсус все более зависит от функционирования агентств массовой коммуникации, как это происходит в демократическом мире, то контроль над этими инструментами становится одним из главных источников политической, экономической и социальной власти. Обуздание этой власти — бесконечно более сложная и жизненно важная проблема, чем любая проблема, с которой человечеству приходилось сталкиваться в прошлом.

В массовой коммуникации мы выпустили наружу новую социальную силу, могущество которой пока еще невозможно просчитать. В сравнении со всеми прежними социальными средствами созидания или разрушения мира, эта новая сила предстает гигантским инструментом, таящим в себе беспредельные возможности для добра и зла. Она обладает способностью созидать лояльности, подрывать их и тем самым, укрепляя консенсус или препятствуя ему, влиять на все другие источники власти. Предоставляя людям доступ к альтернативным воззрениям, массовая коммуникация, конечно, открывает путь к распаду всех существующих социальных солидарностей, но в то же время создает новые. А стало быть, для нас имеет первостепенное значение понимание ее природы, ее возможностей, ее пределов и средств ее обуздания в интересах человека.

Мне хотелось бы обратиться к проблемам консенсуса, возникающим в некоторых наиболее важных сферах человеческого взаимодействия в нынешнем обществе. Первая из них — сфера расовых и культурных отношений; вторая — область отношений в промышленности; и третья — область международных отношений. Я вовсе не хочу этим сказать, что это единственные сферы, где мы сталкиваемся с проблемами консенсуса. Я беру их в сугубо иллюстративных целях, понимая, что те же самые проблемы обнаруживаются также в семейных отношениях, в неформальных ассоциациях, в жизни локального сообщества и в деятельности правительства. Однако в этих трех сферах, по-видимому, находят отражение самые характерные черты массовой коммуникации, поскольку она

влияет на консенсус в современных массовых демократиях, таких, как наша.

Распространение индустриализма и капитализма с его мировыми рынками и свободными рабочими породило, помимо прочих институтов, гигантские корпорации и гигантские профсоюзы, заключающие в себе высокие концентрации власти. Конкуренция и конфликт интересов внутри этих организаций и между ними влияют на все стороны социальной жизни и определяют уровень жизни и использование ресурсов всего общества. Менеджмент и профсоюзы, сознавая решающее влияние общественного мнения на их относительные позиции, не замедлили воспользоваться инструментами массовой коммуникации как внутри, так и в отношениях друг с другом, пытаясь формировать установки и воздействовать на решения общества. Поскольку эти решения затрагивают национальную политику, усилия сторон были направлены на завоевание поддержки посредством формирования установок и мнений более широкой публики.

Отношения между конфликтующими группами, такими, как названные, иллюстрируют значимость консенсуса внутри группы для способности каждой иметь дело со своим оппонентом. С точки зрения более широкого общества, потребность в более инклюзивном консенсусе, обнимающем обе констелляции, незаменима для поддержания мира в промышленности. Призывы пропаганды, направленные на более широкую публику, на правительство и на организации общества, относятся к числу незаменимых элементов в стратегии коллективного торга, третейского суда, трудового законодательства и проведения забастовок. Не менее важную роль средства массовой коммуникации играют в поддержании массового производства и массовых рынков.

Появление сознающих себя расовых и культурных меньшинств, которое происходило по мере все более широкого проникновения идеала равенства и институтов массовой демократии в разные районы мира, вынесло на передний план проблемы расовых и культурных отношений. В плане контакта между разными расовыми и культурными группами нынешнее общество разительно отличается от примитивных и ранних исторических обществ. В то время как в примитивном, древнем и средневековом обществе каждый человек имел более или менее фиксированное место в социальной структуре, зависящее в большой степени от характера и положения его предка, сегодня все мы пребываем в движении и становлении и, вырываясь за культурные пределы своего узкого общества,

оказываемся в какой-то степени людьми маргинальными. Жизненные отношения, которые прежде регулировались священной традицией и обычаем, все более становятся предметом дискуссии, спора, переговоров и открытого конфликта. Упорядоченное решение многих проблем, влияющих через наши лояльности на нашу национальную солидарность, зависит от достижения такого консенсуса, который преодолел бы разграничения между разными расами и культурами, образующими Америку. Огромные препятствия, встреченные теми, кто на фоне предрассудков и дискриминации попытался достичь национальной солидарности, достаточной для того, чтобы наша нация зримо предстала в годы последней войны, напомним нам всем о реальности существования меньшинств среди нас. Если опыт Америки что-то и показывает, так это то, что, несмотря на многочисленные неудачи, постигшие демократический идеал и практику, мы полны решимости достичь консенсуса и нашли к нему путь. Этот путь — идея культурного плюрализма, или, что то же самое, терпимости к различиям.

Нигде проблемы расовых и культурных отношений не проявляются так драматично, как в наших крупных городах, где люди разных происхождений и культур живут в плотной физической концентрации. В то время как в прежнем обществе было необычно встретить чужака, в условиях жизни крупных городов такой же редкостью является встреча с кем-то знакомым. Хотя наше лицо при пребывании в толпах большого города все еще способно осветиться радостью, когда мы замечаем друга, мы, тем не менее, научились жить с людьми разного происхождения и характера в степени, достаточной для того, чтобы по крайней мере отвечать требованиям вполне упорядоченного, продуктивного и мирного общества.

То, что верно для сознающих себя меньшинств, вдохновленных идеалом равенства в наших сообществах и нашей нации, становится все более верно для мира в целом. Так называемые отсталые народы втягиваются в орбиту мирового общества, базирующегося на мировом консенсусе. Все более очевидно, что многочисленные организованные группы и движения как среди доминирующих групп, так и среди меньшинств используются для донесения своих идей до мировой общественности (public) инструментами массовой коммуникации.

Люди, несведущие в языке социологов и в тех серьезных предметах, которыми они занимаются, должно быть, спросят, почему социологи, заявляя, что их делом является изучение социального взаимодейст-

вия, уделяют так мало внимания самому масштабному взаимодействию, а именно — взаимодействию между национальными государствами, и тому, что называется международными отношениями, ведь в этой сфере проявляется функционирование консенсуса, от которого зависит будущее человечества.

Мы достигли некоторого прогресса в построении мирового консенсуса. Мы довольно широко признали экономическую взаимозависимость в мировом масштабе. Мы имеем гораздо больше транспортного движения, пересекающего границы наций и континентов, чем мир когда-либо видел. У нас имеются даже некоторые зачаточные международные институты, сила которых проверяется все возрастающими напряжениями рождающегося единого мира, в котором мы имеем контакты и конфликты интересов и идей с людьми, на которых мы раньше не обращали внимания. Мы можем даже увидеть подобие рождающихся мировых лояльностей, которые заставляют выражение «мировое гражданство» звучать уже не так утопично, как прежде. Средства массовой коммуникации, в особенности радио, а вскоре, по-видимому, и телевидение, соединившее верную передачу голоса с верной передачей визуального образа человеческого лица и жестикуляции, особенно хорошо подходят для обеспечения средств улучшения понимания поверх границ суверенных государств.

До тех пор, пока мы не имеем монополии на властное принуждение всех других наций и народов земли к принятию нашего образа жизни, единственный путь, которым мы можем идти, — это путь постоянных переговоров, убеждения и компромисса. Но даже если бы мы обладали этой властью принуждать, мы, вероятно, не смогли бы воспользоваться ею в отношении других, не разрушив тех самых ценностей, которые мы стремились упрочить.

Если наши способы мышления и понимание свободы и демократии, наша экономическая система и наши политические и социальные идеалы кажутся — а я уверен, что многим кажутся, — несовместимыми с теми, которыми обладает единственная другая оставшаяся властная констелляция в мире, то есть смысл напомнить о временах, когда католики и протестанты со всей страстью считали, что не смогут жить в мире друг с другом внутри одного государства. К счастью, время доказало, что они были не правы. Были и другие конфликты в истории человечества, считавшиеся в свое время столь же неразрешимыми. Неуютный, но в то же время обнадеживающий факт состоит в том, что сегодня, в этом

сжавшемся мире, есть более эффективные способы внешнего вмешательства во внутреннюю жизнь любого общества с помощью средств массовой коммуникации, которые не уважают никаких границ и обходят любые барьеры. Более того, продукты массовой коммуникации способны достигать огромных инертных масс мира, приводить их в беспокойство и мобилизовывать их на действие — или, по крайней мере, делать господствующие в соответствующих обществах группы более отзывчивыми к их давлению.

Массовая коммуникация сама по себе, разумеется, не создаст минимум мирового консенсуса, необходимый для мирной жизни и всемирного общества. Но сама по себе она и не функционирует. Ее функционирование опосредовано и соединено с институтами, существующими и вновь возникающими в атмосфере мнений; в конечном счете она функционирует через людей и на них опирается. Есть в мире и другие вещи, помимо массовой коммуникации, но эти другие вещи, какие-то из которых я называл, все более привязываются к массовой коммуникации и придают ей посредством этой связи ее стратегическую значимость.

Средства массовой коммуникации, как и все технологические средства, изобретенные человеком, сами по себе нейтральны. Они могут использоваться для внушения как веры в борьбу, так и воли к примирению. Во всяком случае, взаимосвязь, которая позволит наиболее полным образом использовать мировые ресурсы для удовлетворения человеческих потребностей в условиях свободы, порядка и мира, требует сегодня ни много ни мало выстраивания мирового консенсуса, социально-психологической интеграции человечества, соразмерной взаимозависимым, рассеянным в пространстве богатым материальным ресурсам и человеческим энергиям мира.

Мобилизуя инструменты массовой коммуникации для построения этого консенсуса, мы не можем не напомнить себе, что вместе с совершенствованием этих средств человеческого общения наука создала также и беспрецедентные средства массового уничтожения. Но в случае средств массовой коммуникации и атомной энергии изобретатели этих средств не диктуют способов, которыми ими можно пользоваться. Как сказал недавно один современный историк: «Если наш особый западный дар [под которым он имеет в виду технологию] окажется благом для человечества, то это будет великое благо; если проклятьем — то это будет великое проклятье. Если все будет идти хорошо, историческая эпитафия франкам [под которыми он подразумевает нас] может гласить: “Здесь

покоятся техники, объединившие человечество”. Но если дела пойдут плохо, она будет гласить: “Здесь лежат техники, погубившие человеческий род”»¹. Автор этих замечаний забывает уточнить, что, возможно, не останется уже никого, кто мог бы выгравировать эту эпитафию.

Если сегодня нам приходится туго, то не из-за этих продуктов науки, а из-за того, что люди делают с этими плодами человеческой изобретательности. Есть пугающая опасность в промедлении, и осознание этой опасности быстро вводит нас в интеллектуальный ступор, вместо того чтобы вести к большему напряжению умственных сил. Атомная бомба, говорят нам, не даст нам ни физической защиты, ни оружия для отпора. Единственная защита, которой мы располагаем, — социальная: создание мирового консенсуса. Поскольку средства массовой коммуникации способны дать нам картину социальной реальности, символические каркасы мышления и фантазии, а также стимулы к действию в широчайших масштабах, знание того, как их эффективно применять, должно стать важнейшей задачей социальной науки, особенно социологии. Обстоятельства, в которых мы живем, уже не позволяют святым сидеть в башне из слоновой кости, когда распоясавшиеся грешники всю правят миром.

А посему я сердечно призываю моих коллег-социологов, а также других социальных ученых, включая статистиков, желающих к нам присоединиться, вернуться к изучению предмета, для развития которого общество нас содержит, хотя, следует признать, не на очень роскошном уровне. Этот предмет — жизнь человека в обществе. И сегодня суть этого предмета составляет понимание процессов, посредством которых создается консенсус в мировом масштабе. Если мы не решим эту проблему, причем удовлетворительно и быстро, не будет никакой возможности работать над другими проблемами, близкими нашему уму и нашему сердцу.

¹ Toynbee A. Technology: Distinguishing mark of the West // Listener. — November 20, 1947. — P. 895.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ЛУИСА ВИРТА

1. Culture conflicts in the immigrant family / Unpublished master's thesis. – University of Chicago Library, 1925.
2. A bibliography of the urban community // Park R. E., Burgess E.W., McKenzie R. D. The city. – Chicago: University of Chicago Press, 1925. – P. 161–228.
3. The sociology of Ferdinand Tönnies // American journal of sociology. – 1926. – Vol. 32, N 3. – P. 412–422.
4. Modern German conceptions of sociology // Ibid. – P. 461–470.
5. Some Jewish types of personality // Publications of the American Sociological Society. – Chicago: University of Chicago Press, 1926. – Vol. 32. – P. 90–96.
6. The ghetto. – Chicago: University of Chicago Press, 1928. Некоторые главы этой книги переведены на русский язык (I, II, III, XIII и XIV, частично XI): Гетто (Избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки / РЖ. Сер. 11. Социология. – 2005. – № 1–2. Виртом была опубликована и краткая журнальная версия этой работы: The ghetto // American journal of sociology. – 1927. – Vol. 33, N 1. – P. 57–71.
7. Culture conflict and misconduct // Social forces. – 1931. – Vol. 9, June. – P. 484–492.
8. Clinical sociology // American journal of sociology. – 1931. – Vol. 37, N 1. – P. 49–66.
9. The meaning of environment // Introductory general course in the social sciences. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Bookstore, 1932. – P. 178–189.
10. The scope and problems of the community // Sociological problems and methods / Publications of the American Sociological Society. – 1933. – Vol. 27, May. – P. 61–73.
11. Race and nationalism // Introductory general course in the study of contemporary society. – 4th ed. – Chicago: University of Chicago Bookstore, 1934. – P. 393–413.
12. Segregation // Encyclopedia of the social sciences. – 1934. – Vol. 13. – P. 643–647.
13. Albion Woodbury Small // Encyclopedia of the social sciences. – 1934. – Vol. 4. – P. 98–99.

14. The nature, scope and essential elements in general education // Gray W. S. (ed.) General education / Proceedings of the Institute for Administrative Officers of Higher Institutions. Vol. VI. – Chicago: University of Chicago Press, 1934. – P. 25–35.
15. Chicago: The land and the people // Survey graphic. – 1934. – Vol. 23, October. – P. 468–471, 520–525.
16. The prospects of regional research in relation to social planning // Publications of the American Sociological Society. – 1935. – Vol. 29, August. – P. 107–114.
17. (with E. Shils) The literature of sociology // Social studies. – 1935. – Vol. 26, N 11. – P. 459–475; N 12. – P. 525–546.
18. Introduction // Mannheim K. Ideology and utopia / Trans. L. Wirth, E. Shils. – N. Y.: Harcourt, Brace & Co., 1936. – P. XIII–XXXI.
19. Does Chicago know itself? // Polity. – 1936. – Vol. 4, N 1. – P. 5–9.
20. (with R. Lang) A glimpse of Chicago's changing population // Polity. – 1936. – Vol. 4, N 2.
21. Types of nationalism // American journal of sociology. – 1936. – Vol. 41, N 6. – P. 723–737.
22. Symposium on present trends in guidance: Part III // Purdue University studies in higher education / Proceedings of the 2nd Annual Guidance Conference, held at Purdue University, November, 1936. – Vol. 30. – P. 63–78.
23. (Wirth L. *et al.*) Our cities: Their role in the national economy / Report of the Urbanism Committee to the National Resources Committee. – Wash.: Government Printing Office, 1937.
24. The interrelation of cultures // Social research. – 1937. – Vol. 4, September. – P. 328–332.
25. Some criteria for the selection of research projects in the social sciences // Conference of representatives of university social science research organizations. – N. Y.: Social Science Research Council, 1937.
26. Localism, regionalism and centralization // American journal of sociology. – 1937. – Vol. 42, N 4. – P. 493–509 (рус. пер.: Локализм, регионализм и централизация // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 53–66).
27. (with E. Shils) The literature of sociology, 1935 and 1936 // Social education. – 1937. – Vol. I, N. 10. – P. 499–511; N 11. – P. 575–585.
28. The urban mode of life // New horizons in planning. – American Society of Planning Officials, 1937. – P. 23. Также опубликована под названием: What of the city? // American planning and civic annual. – Wash.: American Planning and Civic Association, 1937. – P. 374–379.
29. (with M. Furez) Local community fact book: 1938. – Chicago: Chicago Recreation Commission, 1938.

30. (with L. C. Copeland) Metropolitan regions // Population statistics / For the National Resources Commission, Part III. — Wash.: Government Printing Office, 1938. — P. 1–52.
31. Urbanism as a way of life // American journal of sociology. — 1938. — Vol. 44, N 1. — P. 1–24.
32. (with M. B. Clinard) Public safety // Urban government / Supplementary report of the Urbanism Committee to the National Resources Committee, Vol. I, Part V. — Wash.: Government Printing Office, 1939. — P. 247–303.
33. Federal reporting of urban information / Members of the Urbanism Committee to the National Resources Committee, Vol. I, Part III. — Wash.: Government Printing Office, 1939. — P. 161–177.
34. Social interaction: The problem of the individual and the group // American journal of sociology. — 1939. — Vol. 44, N 6. — P. 965–979.
35. Review of T. Parsons' "The structure of social action" // American sociological review. — 1939. — Vol. 4, N 3. — P. 399–404.
36. Introduction; Housing // Wirth L. (ed.) Contemporary social problems. — Chicago: University of Chicago Press, 1940. — P. 1–13, 22–68.
37. The urban society and civilization // Wirth L. (ed.) 1126: A decade of social science research. — Chicago: University of Chicago Press, 1940.
38. Ideological aspects of social disorganization // American sociological review. — 1940. — Vol. 5, N 4. — P. 472–482.
39. Biases in education for business // Business education for what? / Proceedings of the University of Chicago Conference on Business Education, 1940. — P. 1–10.
40. Prerequisites for peace // Unity. — Vol. 126. — February 17, 1941. — P. 182–185.
41. The present position of minorities in the United States // Studies in political science and sociology / University of Pennsylvania Bicentennial Conference. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1941. — P. 137–157.
42. Advertising for the sophisticated // Bulletin, Financial Advertisers Association. — 1941. — Vol. 26, N 1. — P. 112–113.
43. Problems and prospects of the social science curricula // Reavis Wm. C. (ed.) Administrative adjustments required by socio-economic change / Proceedings of the Tenth Annual Conference of Administrative Officers of Public and Private Schools. — Chicago: University of Chicago Press, 1941.
44. The 1940 census forecasts the future // Real estate. — September 20, 1941. — P. 7–9.
45. Foreword // Atterbury G.C., Auble J.L., Hunt E.F. Introduction to social science: A survey of social problems. — N. Y.: Macmillan, 1941. — P. IX–X.
46. Appearance of harmony // Notes and news / Council of Jewish Federation and Welfare Funds. — January 15, 1941. — P. 8–9.

47. Morale and minority groups // *American journal of sociology*. – 1941.– Vol. 47, N 3. – P. 415–433.
48. The composition of our population is changing // *Real estate*. – September 27, 1941. – P. 14–19.
49. Urban communities // *American journal of sociology*. – 1942. – Vol. 47, N 6. – P. 829–839.
50. Review of Salo W. Baron's «The Jewish community» // *Historia judaica*. – 1944.– Vol. 6, April. – P. 83-86.
51. The metropolitan region as a planning unit // *National Conference on Planning Proceedings, 1942*. – Chicago: American Society of Planning Officials, 1942. – P. 141–151.
52. Review of E. Fromm's «Escape from freedom» // *Psychiatry*. – 1942.– Vol. 5, N 2 (February). – P. 129–131.
53. The new birth of community consciousness // Bingham F.C. (ed.) *Community life in a democracy*. – Chicago National Congress of Parents and Teachers, 1942. – P. 11–23.
54. Problems in American life // Wirth L., Jacobson P. B. *Unity*. – Wash.: National Education Association, 1942-43. – P. 6–16.
55. Review of Seba Eldridge and associates' «Development in collective enterprise» // *Public administration review*. – 1943. –Vol. 3, Autumn. – P. 369–374.
56. Powers and services of government in the post-war periods // Reavis W. C. (ed.) *War and post war responsibilities of American schools / Proceedings of the Twelfth Annual Conference for Administrative Officers of Public and Private Schools*. – 1943. – Vol. VI. – P. 57–70.
57. Review of Stanley P. Bray's «Jewish family solidarity: Right or fact?» // *Jewish social studies*. – 1943.– Vol. 5, January. – P. 80–81.
58. The post-war situation // MacLatchy J. H. (ed.) *Education on the air / Fourteenth year-book of the Institute for Education by Radio*. – Columbus: Ohio State University, 1943. – P. 14–30.
59. Education for survival: The Jews // *American journal of sociology*. – 1943. – Vol. 48, N 6. – P. 682–691.
60. Effect of war on American minorities. – N. Y.: Social Science Research Council, 1943.
61. The urban community // Ogburn W. F. (ed.) *American society in wartime*. – Chicago: University of Chicago Press, 1943. – P. 63–81.
62. (Wirth L. *et al.*) Preparing for war contract termination. – Illinois Post-War Planning Commission, 1944.
63. (Wirth L. *et al.*) Your business after the war. – Illinois Post-War Planning Commission, 1944.

64. (Wirth L. *et al.*) Illinois prepares for peace. — Illinois Post-War Planning Commission, 1944.
65. Needs for social planning // American Library Association Bulletin. — 1944. — Vol. 38, March. — P. 112–114. Перепечатано в: Educational digest, 1944.
66. Life in the city // Carnovsky L., Lowell M. The library in the community. — Chicago: University of Chicago Press, 1944. — P. 12–22.
67. What causes unemployment // What causes unemployment / Forum sponsored by the Industrial Relations Committee of Champaign County, Illinois. — Champaign: Bartlett Foundation, Inc., 1944. — P. 16–18.
68. Postwar political and social conditions and higher education // Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 1944. — Vol. 231, N 1 (January). — P. 154–162.
69. Race and public policy // The scientific monthly. — 1944. — Vol. 58, N 4 (April). — P. 302–312.
70. Illinois // State government. — 1944. — Vol. 17, October. — P. 418–419.
71. The social setting of postwar higher education // Russell J. D. (ed.) Higher education in the postwar period / Proceedings of the Institute for Administrative Officers of Higher Institutions. — Chicago: University of Chicago, 1944. — P. 1–13.
72. (with H. Goldhamer) The hybrid and the problem of miscegenation // Klineberg O. (ed.) Characteristics of the American Negro. — N. Y.: Harper & Bros., 1944.
73. The bearing of recent social trends upon attainable programs for peace and world organization // Approaches to world peace / Fourth Symposium Conference on Science, Philosophy and Religion in Their Relation to the Democratic Way of Life, Inc. — N. Y.: Harper & Bros., 1944. — P. 110–124.
74. Urban and rural living. — National Council in the Social Studies, National Association of Secondary School Principals, 1944.
75. City planning and racial policy; Positive and negative aspects of present day race relations // Race relations in human relations / Summary report, Second Annual Institute of Race Relations [Fisk University, Nashville, Tennessee]. — July, 1945. — P. 31–32; 119–123.
76. Effect of recent social trends in urban planning // Public management. — 1945. — Vol. 27, N 1 (January). — P. 10–13.
77. Planning of modern urban communities // Reavis W. C. (ed.) Forthcoming developments in American education / Proceedings of Fourteenth Annual Conference for Administrative Officers of Public and Private Schools, 1945. — Vol. VIII. — Chicago: University of Chicago, 1945. — P. 154–167.
78. Human ecology // American journal of sociology. — 1945. — Vol. 50, N 6. — P. 483–488.

79. The social and cultural make-up of Chicago // Unity / Proceedings of the Conference on Home Front. — Chicago: Mayor's Committee on Race Relations, 1945. — P. 8–9.
80. Social science research // Report of the Third Conference of Negro Land Grant Colleges for Co-ordinating a Program of Co-operative Social Studies / Ed. by E.F. Frazier. — Wash.: Howard University Press, 1945.
81. Negro life in the urban North (review of St. Clair Drake and Horace Cayton's «Black metropolis») // The New York times book review. — November 4, 1945. — P. 5.
82. Does the atomic bomb doom the modern city? // Proceedings of the 22nd Annual Conference of the American Municipal Association. Report No. 159, December, 1945. — P. 30–33. Перепечатана в: Monthly magazine / League of Iowa Municipalities. — 1946. — N 5 (July). — P. 17–24, а также в других журналах.
83. The alternative to world atom control // Sci-En-Tech news. — 1945. — Vol. 2, December. — P. 1–3, 7.
84. The problem of minority groups // Linton R. (ed.) The science of man in the world crisis. — N. Y.: Columbia University Press, 1945. — P. 347–372.
85. Group tensions and mass democracy // American scholar. — 1945. — Vol. 14, Spring. — P. 231.
86. The federal government and research in the social sciences / Memorandum of the S. S. Research Council. October, 1945.
87. Rebuilding metropolitan Chicago // University of Chicago magazine. — May, 1946. — P. 5–6.
88. The unfinished business of American democracy // Controlling group prejudice / Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 1946. — Vol. 244, March. — P. 1–10.
89. (edited with E. R. Hilgard and I. J. Quillen) Community planning for peacetime living. — Stanford University Press, 1946. — Part I, chaps. 1–3.
90. Review of Bucklin Moon's «The high cost of prejudice» // New York Times. — June 1, 1947. — P. 20.
91. Planning for freedom // Proceedings of the Institute of Community Planning. — University of Oklahoma, 1947. — P. 14–26. Также в: Planning. — 1947. — P. 3–19.
92. American sociology — 1915–47 // American journal of sociology. — Index to volumes I-LII (1895-1947). — P. 273–281.
93. Housing as a field of sociological research // American sociological review. — 1947. — Vol. 12, April. — P. 137–143. Перепечатана в: Journal of housing. — 1948. — Vol. 5, June. — P. 154–160.
94. Karl Mannheim (1893-1947) // American sociological review. — 1947. — Vol. 12. — P. 356–357.

95. Ideas and ideals as sources of power in the modern world // Conflicts of power in modern culture / Seventh Conference on Science, Philosophy and Religion in Their Relation to the Democratic Way of Life. – N. Y.: Harper & Bros., 1947. – P. 499–509.
96. The price of prejudice // Survey graphic. – 1947. – Vol. 36, N 1 (January). – P. 19–22.
97. Responsibility of social science // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1947. – Vol. 249, January. – P. 143–152.
98. (with H. C. Urey and C. Hart) The world in an atomic age // Assembly papers. – N. Y.: Council of Jewish Federation and Welfare Funds, 1948.
99. International tensions as objects of social investigation // Learning and world peace / Eighth Conference on Science, Philosophy and Religion in Their Relation to the Democratic Way of Life. – N. Y.: Harper & Bros., 1948. – P. 45–54.
100. Consensus and mass communication // American sociological review. – 1948. – Vol. 13, February. – P. 1–15. Воспроизводится в: Schramm W. (ed.) Mass communication. – Urbana: University of Illinois Press, 1949.
101. Research in racial and cultural relations // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1948. – Vol. 92. – P. 381–386.
102. World community, world society, and world government: An attempt at a clarification of terms // Quincy Wright (ed.) World community. – Chicago: University of Chicago Press, 1948. – P. 9–20.
103. Sociological factors in urban design // 1948 Convention seminars. – American Institute of Architects, 1949.
104. Comment on *Factors in race relations*: Comment on paper by Gustav Ichheiser. Rejoinder by Ichheiser // American journal of sociology. – 1949. – Vol. 54, N 5. – P. 399.
105. Comments on the Resolution of the Economic and Social Council on the Prevention of Discrimination and the Protection of Minorities // International social science bulletin. – 1949. – Vol. I, Nos. 3–4. – P. 137–145.
106. Social goals for nation and world // Survey. – 1949. – Vol. 85, July. – P. 386–388.
107. Domestic and international inter-group relations // Build the future / Addresses celebrating the inauguration of Charles Spurgeon Johnson, sixth president of Fisk University. – Nashville, Tenn.: Fisk University Press, 1949. – P. 77.
108. Chicago: A big city has big problems // Woman's press. – February, 1949.
109. (with Eleanor H. Bernert) Local community fact book of Chicago / Chicago community inventory. – Chicago: University of Chicago Press, 1949.
110. Problems and orientations of research in race relations in the U.S. // British journal of sociology. – 1950. – Vol. I, June. – P. 117–125. Перепечатано под названием «Research in intergroup relations» в: Brown F. J., Roucek J. S. One America. – N. Y.: Prentice-Hall, 1952.

111. Integrative tendencies in international relations // MacIver R. M. *et al* (eds.) Perspectives on a troubled decade: Science, Philosophy and Religion, 1939-1949. – N. Y.: Harper & Bros., 1950. – Chap. XVI, P. 267–277.
112. Social goals for America // Social welfare forum / Proceedings, 76th Annual Meeting, National Conference of Social Work. – N. Y.: Columbia University Press, 1950.
113. The significance of sociology // International social science bulletin. – 1951. – Vol. 3. – P. 197–200.
114. The limitations of regionalism // Jensen M. (ed.) Regionalism in America. – Madison: University of Wisconsin Press, 1951. – P. 381–393.
115. Freedom, power and values in our present crisis // L. Cook (ed.) Better human relations. – Detroit: Wayne University Press, 1952.
116. The social sciences // Curti M. (ed.) American scholarship in the twentieth century. – Cambridge: Harvard University Press, 1953. – P. 33–82.
117. Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth / Ed. by Elizabeth Wirth Marvick and Albert J. Reiss, Jr. Foreword by Herbert Blumer. Introduction by Philip M. Hauser. – Chicago: University of Chicago Press, 1956.
118. Louis Wirth on cities and social life: Selected papers / Ed. by Albert J. Reiss, Jr. – Chicago: University of Chicago Press, 1964.